РА 30
А 27

ОБРАЗОВАНІЕ и ЛИТЕРАТУРА

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

XV—XVII ВВ.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго Университета

А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО.

ВЫПУСКЪ I.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1898.

30
А87.

ОБРАЗОВАНІЕ и ЛИТЕРАТУРА

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

XOH. XV—XVII ВВ.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Ординарнаго профессора Императорскаго Казанскаго Университета

А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО.

ВЫПУСКЪ I.

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА ИСТОР. ПРОФЕССУРЫ
№ 9080 И.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1898.

Печатано по опредѣленію Историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ А. Смирновъ.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

590825

Изъ «Ученыхъ Записокъ» Императорскаго Казанскаго Университета, за 1898 г.

ОБРАЗОВАНІЕ И ЛИТЕРАТУРА

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

КОН. XV—XVII ВВ.

ИЗЪ ЛЕКЦІЙ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Къ концу XV в. почти окончательно завершается политическое объединеніе около Москвы разрозненныхъ областей Удѣльной Руси. Бояре какъ-то незамѣтно утеряли старинное право „отъѣзда“: „отъѣзжать“ стало нéкуда,—удѣльныя княжества постепенно оказались „собранными“ около Москвы... Еще раньше этого, Флорентійская унія (1439) и паденіе Византійской Имперіи (1453) разомъ сдѣлали далекую Московскую Русь главной хранительницей православія, единственной представительницей сильнаго, свободнаго, православнаго царства... Московскій великій князь какъ-то незамѣтно для самого себя, силою самыхъ вещей,—сдѣлался самодержавнымъ „царемъ“, могущественнѣйшимъ покровителемъ всего православія, единственно-независимымъ православнымъ государемъ... Съ царствованія Іоанна III († 1505), при московскомъ дворѣ начинаютъ круто вводиться византійско-императорскіе обычаи и порядки; московскимъ государствен-

мъ гербомъ становится двуглавый орелъ византійскихъ ператоровъ... Уже раньше, съ полов. XV в., великій князь сковскій неоффиціально именовался „царемъ“; Іоаннъ Грозный требуетъ отъ иностранныхъ державъ оффиціальнаго признанія этого титула, и т. д. и т д. Москва стала „третьимъ Римомъ“...

Внѣшнему политическому росту Московскаго Государства не соотвѣтствовало однако его внутреннее интеллектуальное развитіе. Теперь, при внѣшнемъ политическомъ могуществѣ, результаты печальнаго прошлаго должны были сказываться еще сильнѣе...

Образованіе народа во все продолженіе періода остается на самой примитивной ступени, почти совершенно отсутствуетъ. Хлопоты Геннадія, повидимому, не привели ни къ чему, и не только черезъ пятьдесятъ лѣтъ, судя по отзывамъ Стоглаваго собора, но и черезъ новыхъ сто лѣтъ—дѣло начальнаго обученія остается въ томъ же видѣ... „Нѣтъ здѣсь, писалъ о Россіи Антоній Поссевинъ, бывшій въ Москвѣ въ 80-хъ гг. XVI ст., ни коллегій, ни академій, есть только кое-какія школы, въ коихъ учатъ дѣтей читать и писать“... Постепенно составляется даже убѣжденіе, что образованіе не только не нужно, но—можетъ и повредить... Намѣренія Бориса Годунова завести въ Россіи какія-то училища, вызвать въ Россію ученыхъ людей изъ Германіи, Италіи, Франціи, Англіи, посылка нѣсколькихъ молодыхъ людей за-границу для ученья разнымъ наукамъ,—вызываютъ въ духовенствѣ ропотъ, кончаются ничѣмъ... Въ томъ же положеніи, какъ при Геннадіи, въ концѣ XV вѣка, дѣло остается и позже, почти во все продолженіе XVII в.

Неоднократныя,—но случайныя и робкія,—попытки, обнаруживающіяся въ Московскомъ Государствѣ время отъ времени въ XVII в., къ заведенію какихъ-либо школъ и училищъ, безконечные сборы къ этому, тянущіеся вплоть до основанія академіи, самый характеръ, съ которымъ возникаетъ

на первыхъ порахъ эта академія, наглядно рисуютъ передъ нами всю бѣдность современнаго московскаго образованія, крайнюю подозрительность къ нему, боязнь его,—крайнюю подозрительность и ко всему вообще иноземному, „латинскому“ или „люторскому“, съ которымъ это образованіе чаще всего соединялось... Вмѣстѣ съ тѣмъ, исторія этихъ попытокъ бросаетъ свѣтъ и на отношенія къ Москвѣ издавныхъ ея учителей, единовѣрныхъ съ нею грековъ-византійцевъ...

Мы припомнимъ эти позднѣйшія попытки и остановимся нѣсколько на извѣстной царской „привиллегіи“ (своего рода уставѣ) московской академіи: это какъ нельзя лучше введетъ насъ въ характеръ эпохи.

Осенью 1632 года въ Москву пріѣхалъ за милостыней александрійскій архим. Іосифъ. Ему предложили остаться въ Москвѣ, а нѣсколько позже, когда онъ согласился, отъ царя и патріарха ему была дана *грамота* (въ сентябрѣ 1632 г.),—въ которой говорилось: „Быти ему (Іосифу) въ нашемъ государствѣ и служити намъ духовными дѣлы, переводити ему греческіе книги на словенской языкъ и учити на учительномъ дворѣ малыхъ робятъ греческого языку и грамотѣ,—да ему же переводити книги съ греческаго языка на словенскій языкъ на латинскіе ереси“... Въ грамотѣ указывалось и вознагражденіе: „А корму ему, Іосифу, давати по полтинѣ на день, да дьякону ево Григорію по гривнѣ на день,—да ему же, Іосифу, дана келья каменная..; да ему же давати нашего жалованья на всякой годъ въ приказѣ по десяти аршинъ камки-куфтерю да по сороку куницъ“... Заботы москов. правительства на этотъ разъ не увѣнчались успѣхомъ: въ 1633—1634 г. архим. Іосифъ умеръ,—вмѣстѣ съ его смертью закрылась, вѣроятно, и его школа: послѣ извѣстій о ней уже не встрѣчается.

Повидимому, чисто случайный характеръ имѣла и другая школа, о которой упоминаетъ Олеарій, бывшій въ Москвѣ въ 1633—1634 и 1643 гг. (сообщаемое извѣстіе едва-ли не

должно быть относимо къ болѣе позднимъ годамъ, 1647—1655): „Къ немалому удивленію, замѣчаетъ Олеарій, въ настоящее время, по распоряженію патріарха и великаго князя, русское юношество начинаютъ обучать греческому и латинскому языкамъ. Близъ патріаршаго двора учреждена латинская и греческая школа, которою завѣдуетъ одинъ грекъ, по имени Арсеній“...

Весной 1640 г. кіевск. митр. Петръ Могила въ особой грамотѣ, „паче всѣхъ прошеній своихъ“ билъ челомъ царю Михаилу Ѳеодоровичу,—чтобы онъ приказалъ въ Москвѣ соорудить монастырь, въ которомъ жили-бы старцы и братія одного изъ кіевскихъ монастырей и „учили-бы дѣтей боярскихъ и простого чину грамотѣ греческой и славянской“... Замѣчая, что такое дѣло было-бы „угодно Богу, честно для царскаго величества и во всѣхъ странахъ преславно“,—митрополитъ выражаетъ свою готовность немедленно прислать въ Москву такихъ старцевъ съ учителями,—какъ только царю будетъ угодно... Предложеніемъ этимъ въ Москвѣ однако почему-то не воспользовались.

Мало удачной была и другая попытка,—исходившая на этотъ разъ съ Востока. Въ 1645 г. изъ Константинополя прибылъ въ Москву, по церковнымъ дѣламъ, митр. Ѳеофанъ; спустя нѣкоторое время, онъ подалъ царю челобитную,—въ которой, указывая на то, что католики и лютеране печатаютъ на Востокѣ, въ собственныхъ типографіяхъ, греческія богослужебныя и вообще духовныя книги, сильно искажаютъ ихъ, вносятъ въ нихъ свои еретическія мнѣнія и тѣмъ смущаютъ православныхъ—самимъ же грекамъ печатать книги не даютъ турки, по наущенію тѣхъ же католиковъ и лютеранъ,—указывая на эти обстоятельства, митрополитъ просилъ московскаго царя, чтобы онъ повелѣлъ завести греческую типографію въ Москвѣ, а также вызвалъ бы греческаго учителя „учити русскихъ дѣтей философства и богословія греческаго языку и по русскому“... Тогда, прибав-

лялъ митрополитъ, будетъ обоюдная польза: для грековъ будутъ печататься книги безъ поврежденій, по древнимъ рукописямъ, а для русскихъ подготовятся знающіе люди, которые станутъ переводить эти неповрежденныя греческія книги или исправлять по нимъ свои, прежде переведенныя"... По отъѣздѣ своемъ изъ Москвы, въ Кіевѣ, Θеофанъ случайно встрѣтилъ одного константинопольскаго архимандрита, нѣкоего Венедикта, „премудраго учителя", у котораго и самъ нѣкогда учился, и тотчасъ отписалъ въ Москву, рекомендуя этого ученаго грека, какъ человѣка вполнѣ способнаго къ завѣдыванію типографіей и училищемъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдилъ и самого Венедикта ѣхать въ Москву для указанной цѣли. Венедиктъ пріѣхалъ въ Москву, и немедленно подалъ царю челобитную, въ которой, излагая все дѣло,—сообщалъ свѣдѣнія о себѣ, о томъ, какъ передалъ ему митр. Θеофанъ, что его, Венедикта, зовутъ въ Москву „для ученія и печати", и что съ этою цѣлью онъ и поспѣшилъ въ Москву; Венедиктъ выражалъ полную готовность заняться обученіемъ и печатаніемъ, прибавляя, что то и другое ему хорошо извѣстно, такъ какъ еще въ Константинополѣ онъ имѣлъ въ своемъ монастырѣ училище,—въ которомъ преподавалось „полное церковное ученіе и священное богословіе"... Въ заключеніе Венедиктъ просилъ царя и патріарха дать ему отвѣтъ, согласны-ли въ Москвѣ принять его или нѣтъ,—такъ какъ, замѣчаетъ онъ, „другіе даютъ здѣсь совѣтъ противный, думая, что они великіе мудрецы и ученые"... Отказа не послѣдовало,—Венедикта приняли въ Москвѣ и поручили ему заняться переводомъ латинскихъ книгъ. Вскорѣ имъ была переведена книга *Объ индійскомъ царствѣ*... Занятія однако были не продолжительны: отчасти, можетъ быть, переспплили и „другіе", о которыхъ упоминалъ Венедиктъ, отчасти москвичамъ не понравился и самъ Венедиктъ,—его непомѣрное самохвальство, ученая напыщенность и притязательность, жадность, къ

тому же и „плутовство“... Вскорѣ на одну изъ его челобитныхъ былъ данъ отвѣтъ въ томъ смыслѣ,—что „таланты даются отъ Бога; никто не долженъ самъ величать себя учителемъ и богословомъ; св. Павелъ, потрудившійся болѣе всѣхъ апостоловъ и высоко парившій въ богословіи, считалъ себя меньшимъ изъ всѣхъ ихъ; особенно же при патріархѣ неприлично и крайне дерзко младшему по сану называть себя учителемъ и богословомъ; надобно помнить, какъ Господь обличалъ книжниковъ, которые любили величать себя учителями“... Не такого учителя хотѣли имѣть въ Москвѣ; Венедиктъ скоро былъ отосланъ назадъ.

Въ 1649 году неожиданно въ Москвѣ оказался самый, повидимому, благонадежный „учитель“. Въ январѣ этого года въ Москву прибылъ за милостынею іерусалимскій патр. Паисій, при которомъ находился „дидаскалъ“ Арсеній, человѣкъ, очень образованный, знавшій хорошо не только языки греческій и латинскій, но—что́ было особенно важно—и славянскій; касательно религіозной и нравственной благонадежности Арсенія, человѣка приближеннаго къ патріарху, казалось, не могло быть никакихъ сомнѣній,—къ тому же на оставленіе Арсенія въ Москвѣ въ качествѣ „учителя“. Паисій далъ полное согласіе и одобреніе... Но выѣхавъ изъ Москвы, Паисій изъ Кіева самъ же написалъ московскому правительству, что Арсеній—воспитанникъ іезуитовъ, что онъ не разъ мѣнялъ свою вѣру, что его православнымъ назвать никакъ нельзя, скорѣе еретикомъ... Произведенное дознаніе подтвердило доносъ, и Арсеній немедленно былъ сосланъ въ Соловки... Дѣло это, конечно, не совсѣмъ выгодно освѣщало въ глазахъ москвичей и самого Паисія.

Восточные патріархи, пріѣзжая теперь въ Москву довольно часто, не разъ укоряли „преблагословенныхъ россійскихъ людей“, что они, живя на свободѣ, въ полномъ изобиліи и покоѣ, совсѣмъ не хотятъ однако заниматься науками,—„ученія чуждаются волею“, „малоцѣняще и мудрость пред-

стоящую Богу, недобрѣ о ней держутъ, презираютъ ее“... „Видимъ, говорили патріархи, яко во мнозѣхъ изъ васъ не имѣетъ премудрость, идѣже главу приклонити“... Въ 1666 г. патріархи Паисій и Макарій, въ *Словѣ на Рождество Христово*, увѣщеваютъ царя обратить на это вниманіе, „взыскать премудрости“... „Положи отнынѣ въ сердцѣ своемъ— убѣждаютъ патріархи царя—училища какъ греческая, такъ славенская и иная назидати“... Въ заключеніе своего опроверженія соловецкой челобитной Паисій Лигаридъ,—замѣчая, что расколъ произошелъ „отъ лишенія и неимѣнія народныхъ училищъ, такожде отъ скудости и недостаточества святыя книгохранительницы“,—обращается къ московскому царю: „О, пресвѣтлый царю! Подражай Θеодосіямъ, Юстиніанамъ, и созижди здѣ училища ради остроумныхъ младенецъ, ко ученію трехъ языкъ коренныхъ, наипаче: греческаго, латинскаго и славянскаго... Отъ сего новаго училища Алексіевскаго (которое имѣетъ быть открыто царемъ), продолжаетъ патріархъ, извѣстнѣе извѣстнаго (несомнѣнно), изидутъ, аки отъ коня троянскаго, христоименитіи борцы, иже о добродѣтели твоего пространнѣйшаго царства, о умноженіи сего чина церковнаго и общей напослѣдокъ пользѣ всего христоименитаго гражданства ратовати будутъ“... „Эти поученія были хороши, замѣчаетъ историкъ,—но ораторы не пошли далѣе словъ“, и на дѣлѣ очень мало заботились, чтобы помочь Москвѣ завести у себя школы и учителей...

„Учителей“ все же пришлось вызывать съ запада, изъ Кіева. Въ 1649 году, „ради россійскаго рода во просвѣщеніи свободныхъ мудростей ученія“, въ Москвѣ основывается училище на средства нѣкоего „милостиваго мужа“, Θедора Михайловича Ртищева,—который одновременно вызываетъ изъ Кіева и преподавателей, до 30 кіевскихъ иноковъ. Ртищевское училище вскорѣ переведено было въ основанный Ртищевымъ же Андреевскій монастырь, и дѣло преподаванія соединилось здѣсь съ печатаніемъ и исправленіемъ книгъ.

Одновременно съ этимъ и правительство изъ того же Кіева вызываетъ нѣсколько иноковъ,—главн. образ. для исправленія и печатанія Библіи.

Немногими годами позже видимъ другую частную попытку, на этотъ разъ уже со стороны кіевлянина: около 1665 года Симеонъ Полоцкій устроиваетъ въ Москвѣ особую „школу“,—чтобы учить „по латынямъ“ и „для грамматичнаго ученія“; въ ней обучались уже взрослые ученики, имѣвшіе извѣстную подготовку—„подъячіе приказа тайныхъ дѣлъ“... Едва-ли это предпріятіе однако не имѣло чисто временнаго, совершенно случайнаго характера; „школа“, повидимому, имѣла лишь ближайшую, совершенно опредѣленную, чисто практическую цѣль—научить двухъ-трехъ „подъячихъ“ латинскому языку, чтобы приготовить изъ нихъ хорошихъ переводчиковъ, которые вообще такъ были нужны въ это время московскому правительству, при сношеніяхъ съ иностранными государствами... О томъ, чтобы указанныхъ „подъячихъ“ предполагалось научить, кромѣ латинскаго языка, разнымъ школьнымъ наукамъ: риторикѣ, піитикѣ, исторіи, и т. д., чтобы имѣлось въ виду сдѣлать изъ нихъ людей научно образованныхъ,—вообще чтобы при постройкѣ въ Спасскомъ монастырѣ „хоромнаго строенія“, гдѣ указанные „подъячіе“ должны были „учитца по латынямъ“, имѣлось цѣлью основать о б щ е о б р а з о в а т е л ь н у ю латинскую школу, если не съ высшимъ, по крайней мѣрѣ съ среднимъ курсомъ наукъ,—на это, по замѣчанію компетентнаго историка, „рѣшительно нѣтъ никакихъ данныхъ“..

Переходимъ къ возникшей въ концѣ столѣтія академіи.

„Храмы чиномъ академіи“ учреждались „на взысканіе свободныхъ ученій мудрости“,—во еже бы свѣтъ разума въ благочестіи умножался, а тьма невѣжества искоренялася“..; въ академіи должны были преподаваться „науки гражданскія и духовныя, наченше отъ грамматики, піитики, риторики, діалектики, философіи разумительной, естественной и нрав-

ной, даже до богословіи учащей вещей божественныхъ"...; вмѣстѣ съ тѣмъ, особое мѣсто отводилось „ученію правосудія духовнаго и мірскаго, и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, ими же цѣлость академіи, сирѣчь училищъ, составляется"..., и вообще —„всякимъ отъ церкви благословеннымъ благочестивымъ наукамъ"... „А отъ церкви возбраняемыхъ паукъ—замѣчается далѣе—наипаче же магіи естественной и иныхъ, такимъ не учити, и учителей таковыхъ не имѣти. Аще же таковые учители гдѣ обрящутся, и оны со учениками, яко чародѣи, безъ всякаго милосердія да сожгутся"... Ректоръ („блюститель") и „учители" академіи должны быть изъ православныхъ—русскихъ или грековъ; послѣдніе должны имѣть удостовѣренія о своемъ православіи отъ восточныхъ патріарховъ, и кромѣ того и въ самой Россіи должны быть испытаны въ вѣрѣ. „А новопросвѣщеннымъ отъ римскія вѣры и лютерскія и кальвинскія, и иныхъ ересей приходящимъ",—профессорами, тѣмъ болѣе въ должности „блюстителя" (ректора), „ради вѣры нашея лучшаго хранепія, весьма не быти. Ибо они обыкоша злохитростнымъ образомъ, тайно ереси своя по малу во ученики вкореняти. А иже имутъ—продолжаетъ грамота—въ наше царствіе изъ Литовскія страны и изъ Малыя Россіи и изъ иныхъ странъ ученые люди, хотящіи здѣ въ нашихъ училищахъ (въ академіи) блюстителемъ и учительми быти, пріѣзжати, и о себѣ повѣдати, яко они благочестивые и отъ благочестивыхъ родителей рожденны и воспитанны въ православной восточной вѣрѣ,—и онымъ, безъ подлиннаго объ нихъ извѣстія и достовѣрныхъ благочестивыхъ людей свидѣтельства, словесемъ ихъ не вѣрити, и въ блюстители и во учители ихъ не устрояти,—аще бы кто отъ нихъ и писаніемъ правду вѣры нашея восточныя удостовѣрялъ...,—того ради, что обычай есть таковыми способы прелестникомъ въ вѣрахъ замѣшаніе творити; прежде та-

ковіи являются яко-бы совершенно благочестивые и по благочестіи ревнители крѣпкіе, а потомъ, когда увѣрятся быти (когда станутъ ихъ считать) благочестивыми, тогда по малу развратная словеса вѣрѣ нашей всѣвати, и оныя непорочную цѣлость терзати начинаютъ“... Ректоръ и профессора должны давать присягу въ твердомъ храненіи православія; „а кто изъ нихъ того по своей клятвѣ цѣло не содержитъ, и начнетъ каковая толкованія, или подлоги ко усумнѣнію нашея восточныя вѣры подлагати, или поне ону иныхъ вѣрамъ, или ересемъ, во всемъ равенствѣ совершенномъ полагати; паче же аще кто изъ нихъ начнетъ чуждую вѣру римскую, или ереси лютерскія и калвинскія и иныя какія похваляти, а нашу православную вѣру укоряти, или каковыя порочныя на ню словеса произносити...,—и таковый за усумнѣніе родящее подлоги... по винѣ да накажется, и отъ чина своего учительскаго да извержется. А за хуленіе православновосточныя вѣры, аще онъ въ таковомъ хулительствѣ пребудетъ, безъ всякаго милосердія да сожжется“... Въ академію могутъ быть принимаемы ученики всѣхъ сословій,—„всякаго чина, сана и возраста“, лишь православные.

Согласно проекту, цѣль учреждаемой академіи не одна учебная или ученая; академія должна была быть въ тоже время стражемъ православія, должна была быть какъ-бы высшимъ контролирующимъ учрежденіемъ по дѣламъ вѣры. Ректору и профессорамъ вмѣнялось въ обязанность преслѣдовать проявленіе всякаго вольнодумства въ области вѣры, немедленно пресѣкать всякія попытки, направленныя противъ господствующаго вѣроисповѣданія.

Академія учреждалась между прочимъ съ цѣлью контроля, а отчасти и для устраненія, разныхъ „домовныхъ учителей“, которые около этого времени въ Москвѣ дѣлаются особенно многочисленными и въ православіи которыхъ не всегда можно было поручиться. Въ виду этого, на преподаваніе иностран-

ныхъ языковъ академіи давалась привиллегія, родъ монополіи: москвичамъ предписывалось „развѣе сего.. училища, въ своихъ домѣхъ греческому, польскому и латинскому и прочимъ страннымъ языкамъ, безъ вѣдомости (вѣдѣнія) и повелѣнія училищъ блюстителя и учителей, домовыхъ учителей не держати, и дѣтей своихъ не учити, точію въ семъ единомъ общемъ училищѣ да учатся,—во еже-бы отъ разныхъ домовыхъ учителей, паче же отъ иностранныхъ и иновѣрныхъ, противности каковой-либо вѣрѣ нашей православной не внестися и не быти разгласію“... Виновные въ нарушеніи этого предписанія подвергаются конфискаціи имущества.

Вѣдѣнію ректора и профессоровъ подчинялись всѣ пріѣзжавшіе и проживающіе въ Россіи ученые иновѣрцы. „Иже имутъ, говорится въ грамотѣ, изъ разныхъ странъ въ наше царствіе разныхъ вѣръ и ересей ученые свободныхъ наукъ люди пріѣзжати, ради какихъ нибудь винъ, и восхотутъ въ нашемъ царствіи жити,—и оныхъ въ вѣрѣ разсмотрѣнія силу даемъ блюстителю... и учителемъ, и свидѣтельство отъ нихъ даяти: и кто по ихъ свидѣтельству каковыя за своя науки чести, или жалованья, или достоинства годенъ, и тѣмъ по ихъ (ректора и профессоровъ) свидѣтельству совершати, а о нихъ же они (ректоръ и профессора) судятъ, яко не суть годны въ нашемъ царствіи ради въ вѣрѣ нашей развращенія быти, и оныхъ абіе изъ нашего царствія, яко негодныхъ здѣшняго пребыванія, изъ царствующаго града выслати за предѣлы нашего царствія“... Никакимъ увѣреніямъ „иностранныхъ ученыхъ людей“, что они принадлежатъ къ православной вѣрѣ,—ни словеснымъ ни письменнымъ,—безъ свидѣтельства ректора академіи и профессоровъ „не вѣрити“...

Помимо иностранцевъ, академія должна слѣдить и за своими: ректоръ и профессора должны наблюдать, чтобы въ народѣ не было какихъ-либо распрей и непристойныхъ тол-

ковъ о вѣрѣ. „Блюстителю.. и учителемъ, читаемъ въ грамотѣ, даемъ нашимъ царскимъ повелѣніемъ силу, еже-бы имъ крѣпцѣ наблюдати, дабы отъ противно святыя нашея православныя вѣры мудрствующихъ, всякаго чина людей, каковыя въ вѣрѣ противности и распри и раздоры не являлися; аще же явятся, и оныхъ блюстителю великому государю изъявляти"... Ректоръ и профессора должны слѣдить также, чтобы въ обществѣ не распространялись зловредныя книги и чтобы „неученые люди" не вступали въ препія о вѣрѣ: „И о семъ имъ, блюстителю съ учительми, тщатися крѣпцѣ, читаемъ въ грамотѣ,—еже бы всякаго чина духовнымъ и мірскимъ людемъ волшебныхъ и чародѣйныхъ и гадательныхъ, и всякихъ отъ церкви возбраняемыхъ богохульныхъ и богоненавистныхъ книгъ и писаній у себя никому весьма не держати, и по онымъ не дѣйствовати, и иныхъ тому не учити...Такожде и неученымъ людемъ свободныхъ ученій никому польскихъ и латинскихъ и нѣмецкихъ и лютерскихъ и калвинскихъ и прочихъ еретическихъ книгъ у себе въ домѣхъ не держати, и ихъ за неимѣніемъ довольнаго разсужденія и ради въ вѣрѣ нашей усумнѣнія не читати, и нигдѣ никому изъ оныхъ еретическихъ книгъ и ихъ восточной нашей православной вѣрѣ и церковнымъ преданіямъ противныхъ толкованій—состязаній не имѣти и подлоговъ не подлагати... И таковыя книги еретическія сожигати, или къ блюстителю училищъ и учителемъ приносити. Аще же кто сему нашему царскому повелѣнію явится противенъ и отнынѣ начнетъ кто отъ духовныхъ и мірскихъ всякаго чина людей волшебныя и чародѣйныя и гадательныя и всякія отъ церкви возбраняемыя богохульныя и богоненавистныя книги и писанія у себе коимъ ни буди образомъ держати и по онымъ дѣйствовати и иныхъ тому учити, или и безъ писанія таковая богоненавистная дѣлеса творити или таковыми злыми дѣлами хвалитися, яко мощенъ онъ таковая творити,—и таковый че-

ловѣкъ.. безъ всякаго милосердія да сожжется. Аще же кто свободныхъ ученій неискусный имать польскія и латинскія и нѣмецкія, люторскія и кальвинскія и иныя еретическія книги въ домѣ своемъ имѣти и ихъ читати и изъ нихъ состязаніе имѣти и подлоги на усумнѣнія нашея восточныя вѣры и церковныхъ преданій подлагати,—и таковыхъ предлагати казни смотря по ихъ винѣ нещадно"...

Въ случаѣ перехода иновѣрцевъ въ православіе,—они подчиняются особому контролю академіи: такіе иновѣрцы записываются въ особыя книги, которыя хранятся у ректора и профессоровъ, и послѣдніе по этимъ спискамъ слѣдятъ за новообращенными, живутъ-ли они „въ храненіи нашея православныя вѣры и церковныхъ преданій, и кто изъ нихъ како житіе свое въ ней препровождаетъ, и крѣпко-ли и цѣло ону и церковная преданія содержитъ... Аще же кто отъ новопросвѣщенныхъ, не цѣло храняй православную нашу вѣру и церковная преданія явится,—и таковаго въ дальные наши грады, на Терекъ и въ Сибирь сылати. Аще же кто явится въ держаніи своея прежнія вѣры, или ереси, изъ нея же пришелъ есть къ православной вѣрѣ, а нашея вѣры въ хуленіи,—и таковый да сожжется безъ всякаго милосердія"... „Аще кто, читаемъ въ заключеніе въ грамотѣ, отъ чуждоземцовъ и русскихъ людей при пиршествѣ или во иномъ каковомъ ни буди мѣстѣ..., православную нашу христіянскую вѣру, или церковная преданія хулити и укорительная каковая словеса о ней глаголати имать,—и таковаго на судъ во ономъ дѣлѣ отдавати блюстителю училищъ со учительми; и аще кто въ хулительствѣ нашея вѣры... по суду явится...,—итаковый безъ всякаго милосердія сожженъ да будетъ"...

Что касается самаго преподаванія наукъ въ учрежденной академіи, то оно до самаго конца столѣтія оставляло желать многаго. По уставу или „привиллегіи", въ академію вводился полный циклъ тогдашнихъ наукъ,—но преподавать всѣ эти

науки должны были лишь два брата Лихуды, да и изъ нихъ одинъ, вскорѣ по пріѣздѣ въ Россію, отпрашивается на три года въ Венецію; черезъ десять же лѣтъ по учрежденіи академіи оба брата и совсѣмъ отрѣшаются отъ академіи,—переводятся въ типографію, и начинаютъ заниматься обученіемъ москвичей... итальянскому языку. Мѣсто изгнанныхъ Лихудовъ въ академіи занимаютъ два ихъ ученика—Николай Семеновъ и Ѳедоръ Поликарповъ; черезъ пять лѣтъ (1699) и эти два преподавателя, по собственному желанію, оставляютъ академію и поступаютъ въ типографію въ справщики. Ихъ мѣсто занялъ ученикъ же Лихудовъ, чудовскій монахъ Іовъ, но онъ только нѣсколько мѣсяцевъ училъ въ академіи... Предначертанныя для академіи науки уже самими Лихудами были прочитаны не сполна. Еще въ меньшихъ размѣрахъ преподавались онѣ, конечно, ихъ учениками; послѣдніе напр. совсѣмъ не читали философіи и богословія,—потому что „имъ самимъ не успѣли еще преподать сихъ наукъ Лихуды“... Между тѣмъ, за учениками дѣло не стояло. Въ годъ открытія въ академіи, правда, было только 5 человѣкъ студентовъ; но уже на второй годъ число ихъ сразу значительно увеличивается: однихъ „боярскихъ дѣтей“ поступаетъ до 40,—кромѣ „священниковъ“, „іеродіаконовъ“, „монаховъ“, „стольниковъ“ и „всякаго чина царствующаго града“, поступившихъ также въ число слушателей академіи... Немедленно же обнаружились и „плоды“: уже въ 1690 году студенты академіи привѣтствуютъ вступленіе новаго москов. патріарха „срадовательнымъ словомъ“,—показывавшимъ, что ученики „прослушали уже риторику“...

Помимо систематическаго образованія, туго прививается въ Московскомъ Государствѣ XVI—XVII вв. и другой двигатель просвѣщенія — начавшій особенно развиваться въ это время у западныхъ сосѣдей—книгопечатаніе. Уже къ концу XV вѣка типографіями покрывается вся Европа; въ концѣ того же вѣка являются славянскія типографіи

въ Краковѣ, Венеціи, Цетиньѣ, — нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1525 г., открывается типографія въ Вильнѣ... Въ Москвѣ первая мысль о типографіи возникаетъ лишь въ половинѣ XVI вѣка; только въ 1553 году, „по повелѣнію царя“ и „благословенію митрополита“, впервые приступаютъ здѣсь къ этому дѣлу, — царь приказываетъ построить на свой счетъ домъ „для составленія печатному дѣлу“ и „не щадить сокровищъ“ для самихъ „дѣятелей“ новаго дѣла... Послѣднее подвигается однако крайне медленно: лишь послѣ десятилѣтнихъ приготовленій и сборовъ приступаютъ къ печатанію первой книги (*Апостолъ, 1563*); черезъ два года выходитъ изъ печати вторая (*Часословъ, 1565 г.*), — затѣмъ дѣло останавливается, и надолго... Даже прямое благоволеніе государя не могло спасти нашихъ первопечатниковъ отъ преслѣдованія окружающаго невѣжества,—отъ „презѣльнаго озлобленія многихъ начальникъ и священноначальникъ и учитель“, которые, „зависти ради, умышляли на нихъ многія ереси, хотячи благое въ зло превратити и божіе дѣло въ конецъ погубити“... Печатный домъ почью былъ подожженъ, станокъ съ буквами погибъ, и типографы принуждены были бѣжать въ Вильну... Окончательно книгопечатаніе упрочивается въ Москвѣ лишь къ концу XVI столѣтія, и долго, во все продолженіе XVII в., вплоть до Петра В., не оказываетъ замѣтнаго вліянія на распространеніе просвѣщенія.

Главнымъ источникомъ просвѣщенія и теперь, въ XVI—XVII вв., по прежнему остается „книжное почитаніе“, самостоятельное чтеніе книгъ. Не говоримъ о томъ, что источникъ этотъ и теперь, какъ прежде, былъ доступенъ лишь отдѣльнымъ единицамъ, и вообще ничтожному меньшинству; но онъ, самъ по себѣ, при отсутствіи правильной школы, и теперь, какъ прежде, являлся крайне сомнительнымъ, и вообще условнымъ: онъ могъ и просвѣтить „вельми препростыхъ людей страны сея“, но могъ быть—по прежнему—

и „веліемъ предательствомъ спасенію“... Тотъ общій типъ „книжнаго человѣка“, который является господствующимъ у насъ въ первые вѣка нашей письменности и который продолжаетъ оставаться господствующимъ до самаго конца XVII в.,—а въ низшихъ слояхъ народа въ значительной долѣ остается таковымъ и до сихъ поръ,—показываетъ, что́ могла и можетъ дать одна грамотность... Характеристика, которую дѣлаетъ себѣ одинъ книжный человѣкъ конца XV вѣка, является чрезвычайно типичной, и не для одного его времени. „Я—человѣкъ сельской, замѣчаетъ онъ... Учился буквамъ, а еллинскихъ борзостей не текохъ, а риторскихъ астрономій не читалъ, съ мудрыми философы въ бесѣдѣ не бывалъ, учуся буквамъ благодатнаго закона, дабы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣховъ“... Троицкій старецъ Арсеній, помощникъ пг. Діонисія, вмѣстѣ съ нимъ пострадавшій въ первыхъ годахъ XVII в. по поводу исправленія *Требника*, не безъ основанія замѣчаетъ о своихъ судьяхъ, что они—„не знаютъ ни православія, ни кривославія..., божественная писанія по чернилу проходятъ, разума же сихъ не нудятся свѣдѣти“, все это люди, „чтущіе и поющіе на едину строку зря“, люди, „кои и азбуки едва умѣютъ..., не знаютъ въ азбукѣ гласныя письмена и согласныя, а родовъ, и временъ, и лицъ, и числъ—того и не помнинай, священная же ѳеологія и въ рукахъ ихъ не бывала“...

Такова была въ общемъ „образованность“ Московской Руси XV—XVII вѣковъ. Характеризуя эту „образованность“, изслѣдователямъ поневолѣ приходится вести рѣчь собственно о „грамотности“, и чаще даже—„малограмотности“... „Жалобы Геннадія, отцовъ Стоглаваго собора и Посошкова“, къ великому прискорбію, при всѣхъ изысканіяхъ, не поддаются не только „большимъ ограниченіямъ“, но и самымъ малымъ...

Почти лишенная образованія, всецѣло предоставленная самой себѣ, религіозная мысль русскаго народа принимаетъ направленіе крайне ненормальное, патологическое.

Господствующее направленіе религіозной мысли — церковно-обрядовое. Не говоря о низшей массѣ, такое направленіе дѣлается постепенно господствующимъ и въ лучшихъ представителяхъ страны, въ книжной средѣ. Типичнымъ представителемъ большинства книжныхъ людей конца XV—XVII в. является Іосифъ Волоколамскій, стоящій во главѣ обширной партіи „осифлянъ“ (къ которымъ ихъ противники присоединяли епитетъ „презлыхъ“); позднѣе, въ половинѣ XVII в., такими представителями господствующаго направленія мысли выступаютъ первые дѣятели раскола...

Четыре посланія Іосифа Волоколамскаго *къ вельможамъ объ епитимьяхъ* ярко отражаютъ на себѣ этотъ характеръ религіозныхъ интересовъ, господствовавшій въ нашей книжной средѣ въ XV—XVII вв... Приведемъ отрывки. „Что ми, господине, прислалъ свою грамоту—пишетъ Іосифъ въ одномъ изъ посланій – а велѣлъ ми еси къ себѣ отписати: какъ поститися, какъ молитися, какъ милостыню творити, да какъ которой святынѣ коснутися въ міру живущимъ. Ино, господине, постится такъ: держати въ недѣли три дни понедѣльникъ, среду, пятокъ; ясти сухояденіе, хлѣбъ или колачъ, съ водою или квасомъ; аще ли се невозможно, ино едино вареніе, или два нужа ради безъ масла. Аще ли жъ случится въ понедѣльникъ, или въ среду, или въ пятокъ, праздникъ владычень, или евангельской, или славославной, тогда разрѣшити на все. А дванадесятъ дней послѣ Рождества Христова до Крещенія, да недѣля фарисеева, недѣля сыропустная, да недѣля по велицѣ дни, недѣля по троицынѣ дни, на все разрѣшити, и въ понедѣльникъ и въ среду и пятокъ, и на мясо и на сыры, и на вино, а по нашему обычаю на медъ... А молитися, господине, поклоны класти по 300 на день, а не мочно по 300 на день, класти ино по 200, а ино будетъ не мочно, класти по

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА

100 поклоповъ на день, да по 4 кафизмы Псалтыри на день, кромѣ кануна, да бречи о церковномъ пѣніи (о службѣ). А не класти поклоновъ во всѣ субботы и въ недѣли и въ праздники владычни и евангельскіе и славословные, да отъ Рождества Христова до Крещенія, да недѣля фарисѣева, да недѣля сыропустная, да отъ велика дня до петрова заговѣнія. Да коли не бываетъ поклоны, ино приложити къ тѣма кафизмамъ 600 молитвъ или 400. А въ который день постной не можно будетъ поститися или молитися, какъ здѣ писано, ино дать милостыня по силѣ за тотъ день. Ино ты человѣкъ великой, имѣешь у собя живота много, и по моему совѣту, ино бы тебѣ давати хотя мало по гривнѣ на день за тотъ день, а опроче того давати милостыня по силѣ. Занежь господине, то ваша путь, тѣмъ и спастися. А коли, господине, не въ постной день не мощно ти будетъ правила отправити, ино давати милостыня въ полы того. А что еси, господине, писалъ, которой святынѣ коснутися,—ино, господине, въ тѣ три годы не причащатися божественнымъ тайнамъ, ни къ дорѣ не ходити, ни Пречистыя хлѣба не имати, а къ иконамъ прикладыватися, а не цѣловати, а водою святою кропитися, а не пити, а просфиры выманыя не ѣсти, а не выманыя ѣсти. А въ великій четвертокъ причащатися св. воды богоявленскія, да и иконы цѣловати, и къ дорѣ ходити, ко всякой святыни, да въ суботу и на велик день по томужъ... А въ великое говѣнье все такъ держати, опроче суботы и недѣли; аще случитца въ понедѣльникъ, въ среду и пятокъ праздникъ владычень, ино на квасъ разрѣшати, аще ли праздникъ евангельской или славославный или всенощной, тогда разрѣшати на масло, а не рыбу“...—Въ другомъ посланіи, писанномъ, повидимому, къ другому боярину, пр. Іосифъ пишетъ: „А въ великій постъ на первой недѣли сухо ясти, хлѣбъ и колачъ, и зелее

сурово, капуста, расолъ, квасъ отъ жита или отъ меду квасъ, во всѣ пять денъ. Такожъ въ понедѣльникъ и среду и пятокъ и во всю четыредесятницу, а во вторникъ и четвергъ варе-ніе съ масломъ и съ медомъ преснымъ, за нужю. А въ суботы и недѣли икра и потрохи. А на обрѣте-ніе главы Предтечевы, и на 40 мучениkъ, и на Благовѣ-щеніе, и въ цвѣтную недѣлю, рыба, а великій четвергъ съ масломъ, и икра и потрохи. А въ пятьдесятницу, въ среду и пятокъ, ясти рыба и икра и потрохи. А въ прочіе три посты вторники и четверкъ и вариво съ масломъ и съ ме-домъ преснымъ, а за нужю, и рыба ясти, укоряя себѣ, яко нетерпѣлива сущи. А въ суботы и недѣли рыба ясти; аще случится въ среду въ пятокъ праздникъ владычень, ино на все разрѣшати... Аще ли особное правило не успѣеши исправити—ино въ иной день исправити, или мило-стыня по силѣ за то дати. Аще ли день случится по-коенъ, ино и на иной день впередъ правила запа-сти лзя. А не класти поклоновъ по вся суботы и недѣли... Да такъ держати два года. И въ тѣ два года не при-чащатися божественнымъ тайнамъ, ни св. доры, а св. иконы и честный крестъ цѣловати, но точію единою въ годъ цѣловати, въ великій четвергъ“...—По-вторяя тѣ же самыя наставленія и въ третьемъ посла-піи, Іосифъ прибавляетъ здѣсь между прочимъ: „А отъ Рождества Христова и до Крещенья, да отъ велика дни да до петрова заговѣина, и въ суботы и въ недѣли и на вла-дычни праздники поклоновъ большихъ въ землю не класти, опричь великіе суботы, занежь та субота постная. А отдержавъ опитемья, ино причащатися на вся-кой годъ христовымъ тайнамъ, а иконы цѣловати, а къ дорѣ ходити. А въ среду и пятокъ поститися, ясти сухоядe-ніе, или вариво безъ масла, опричъ владычныхъ праздниковъ и Пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ, ко-торымъ всенощное. На тѣ праздники рыба ясти. А кто не

постится въ среду и пятокъ, таковый равенъ есть іюдеомъ, которые Христа распяша. А урокъ опитемьи на колико лѣтъ по разсуженію, каковъ будетъ грѣхъ учинился. Меньшому грѣху опитемья годъ единъ, а иному два, иному три, а иному четыре, а инѣмъ пять, а инѣмъ шесть, а инымъ семь, а великымъ грѣхомъ тяжкымъ 15 и болѣ, а инымъ 12, а инымъ 3. Который грѣхъ меньши, ино тому и опитемья меньши. А кто держитъ опитемью крѣпко, да ещо и милостыню даетъ, ино отцы духовные опитемью тому убавливаютъ. А кто пострижется въ черницы, ино тому съ тѣхъ мѣстъ впередъ опитемьи нѣтъ“...

Недостатокъ образованія, вообще истиннаго христіанскаго просвѣщенія, вызываетъ развитіе суевѣрій,—и въ массѣ народа и въ болѣе высшемъ обществѣ. Извѣстны данныя въ этомъ отношеніи Стоглаваго собора или такихъ памятниковъ, какъ посланіе игум. Памфила... Въ XVII в. религіозныя суевѣрія не только не уменьшаются, но дѣлаются еще гуще, безпроглядиѣе. Среди народа является цѣлая ватага непризванныхъ пророковъ и учителей,—„овъ глаголетъ посланъ чрезъ явленіе самого Бога, другой чрезъ явленіе ангела, иные чрезъ иныхъ святыхъ ради истины проповѣданія“... Особенно развивается вѣра въ волшебство, въ возможность „порчи“, „наговора“. Здѣсь и верхніе слои народа не далеко отстояли отъ низшей массы. Въ самомъ дворцѣ возникаютъ процессы о вѣдовствѣ и порчѣ; къ помощи вѣдуновъ и знахарей обращаются въ затруднительныхъ случаяхъ и лучшіе, наиболѣе образованные люди. По обвиненію въ колдовствѣ ссылаются въ Пустозерскъ бояринъ Матвѣевъ; кн. Василій Голицынъ, образованнѣйшій человѣкъ своего времени, любимецъ Софьи, пытаетъ нѣкоего Бунакова за то, что тотъ будто-бы вынималъ „его княжой слѣдъ“,—тотъ же Голицынъ бралъ у своего крестьянина-вѣдуна приво-

ротнаго корепья для снисканія любви царевны,—заставляетъ одного поляка лазить на Ивановскую колокольню посмотрѣть по звѣздамъ, сбудутся-ли планы Софьи и т. д. До какой степени сильна была въ это время боязнь быть вездѣ и всюду „испорченнымъ“, боязнь разнаго рода „чаръ“,—показываютъ такъ наз. *крестоцѣловальныя записи*, особые присяжные листы, которые разсылались при вступленіи на престолъ Годунова, Василія Шуйскаго и Михаила Ѳеодоровича: по всѣмъ городамъ и селеніямъ приносились клятвы,—„а лиха мнѣ государю, царицѣ и ихъ дѣтямъ не хотѣти ни которою хитростію, ни въ ѣствѣ, ни въ питьѣ, ни въ платьѣ, ни въ иномъ чемъ, никакого лиха не учинити и зелья лихого и коренья не давати и не испортити; да и людей своихъ съ колдовствомъ да со всякимъ лихимъ зельемъ и съ кореньемъ не посылати, а вѣдуновъ и вѣдуней не добывати на государево лихо, и ихъ, государей, на слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортити, ни вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не посылати и слѣду не вынимати“ и т. д.... Вѣра въ оборотничество продолжала существовать, даже въ высшихъ сословіяхъ, и много послѣ. Въ одномъ мѣстѣ своей *Исторіи*, по поводу Геродотовыхъ извѣстій о превращеніяхъ Невровъ,—Татищевъ о своемъ времени замѣчаетъ: „У насъ многіе и не весьма глупые, но отъ неученія суевѣрствомъ обладанные сему твердо вѣрятъ. Я не весьма давно отъ одного знатнаго, но неразсуднаго дворянина слышалъ,—якобы онъ самъ нѣсколько времени въ медвѣдя превращался, что́ слышащіе довольно вѣрили... Одна баба тоже о себѣ сказывала, что въ сороку и дымъ превращалась, и оная съ пытки въ семъ винилась“...

Одна крайность всегда вызываетъ другую... Не находя для себя нормальнаго выхода въ систематическомъ образованіи, въ прочной наукѣ, знаніяхъ,—мысль древнерусскаго книжника развивалась ненормально, принимала направленія случайныя, патологическія. Та основная причина, которая

больше всего обусловливала собой появленіе и развитіе отмѣченныхъ сейчасъ свойствъ господствующаго характера умственно-религіозной жизни Московскаго Государства—крайняя недостаточность просвѣтительныхъ средствъ страны—та же самая причина должна была вызывать въ умственно-религіозной жизни древней Руси факты и другого рода. То или другое направленіе религіозной мысли сводилось главн. образ. къ индивидуальной почвѣ каждаго. Рядомъ съ все болѣе усиливавшеюся крайностью внѣшнеобрядового направленія, — скоро возникаетъ другая: наиболѣе смѣлые представители книжности, покидая почву мертваго обряда, ударяются въ крайность голаго отрицанія, переходятъ на почву религіозныхъ „сумнѣній“ и „шатаній“... Рядомъ съ горячими спорами о „земномъ раѣ“, о „сугубой аллилуіѣ“, о „хожденіи по-солонь“, рядомъ съ наставленіями о небритіи бороды и усовъ,—заявляется отрицаніе всей церковной іерархіи и монашества, отрицаніе всей церковной обрядности, высказываются мысли раціоналистическія и прямого матеріализма. Правда, до крайностей послѣдняго рода, повидимому, доходятъ немногіе; религіозное отрицаніе глав. обр. развивается на почвѣ общихъ „сумнѣній“ и „шатаній“; но послѣднія быстро охватываютъ собой уже весьма значительную площадь... „Въ домѣхъ, и на путѣхъ, и на торжищахъ, иноци и мірстіи, вси сомнятся, вси о вѣрѣ пытаютъ“..., жалуется современникъ,—и пытаютъ о вѣрѣ „не отъ пророкъ, ни отъ апостолъ, ниже отъ св. отецъ, но отъ еретиковъ (рѣчь идетъ о послѣдователяхъ ереси жидовствующихъ) и отступниковъ Христовыхъ, съ ними дружатся, и пьютъ, и ядятъ, и учатся отъ нихъ жидовству“... „Явися шатаніе въ людѣхъ въ неудобныхъ словесѣхъ о божествѣ“, лаконически замѣчаетъ лѣтописецъ...

„Ереси“ и „шатанія“ начинаютъ обнаруживаться на Руси уже очень рано. Уже въ нач. XI-го в. въ Кіевѣ является еретикъ Адріанъ, который „укоряше церковные законы и

епископы и пресвитеры и иноки“; черезъ сто лѣтъ тамъ же является „злой еретикъ“ Димитрій. Въ житіи моск. митр. Петра, составленномъ еп. Прохоромъ († 1327), глухо упоминается о какомъ-то еретикѣ, котораго митрополитъ „препрѣ“ и „прокля“; въ чемъ состояла ересь этого еретика въ житіи не говорится,—другія извѣстія поясняютъ, что упомянутый еретикъ „былъ новгородскій протопопъ, соумышленникъ тверскаго епископа Андрея, отвергалъ существованіе рая на землѣ и проповѣдывалъ противъ нашествa“... Въ житіи рост. еп. Іакова (1385—1392) разсказывается о еретикѣ Маркіанѣ, который сталъ проповѣдывать, что иконамъ поклоняться не слѣдуетъ, что иконы—идолы, распространялъ и другія подобныя мысли; будучи „зѣло хитръ въ словесѣхъ и въ писаніи книжномъ коваренъ“, еретикъ „поколебалъ не только простой народъ, но и бояръ и самого князя“... Все это были однако отдѣльные факты. Болѣе обширное религіозное броженіе возникаетъ въ Псковѣ, въ концѣ XIV в.; на время оно кажется подавленнымъ, прекращеннымъ,—но въ концѣ XV вѣка съ новой силой обнаруживается въ Новгородѣ и Москвѣ. Разумѣемъ ересь жидовствующихъ...

Господствовавшія крайности религіозной мысли вызываютъ протесты и на почвѣ строго церковной, православной; „любопрѣнія“ быстро растутъ и помимо собственно „еретиковъ“. Среди полнаго господства обрядовой религіозности, мы слышимъ изрѣдка голоса, которые возстаютъ противъ общаго теченія, требуютъ болѣе духовнаго пониманія религіозныхъ и нравственныхъ обязанностей человѣка. Рѣзкость ихъ тона объясняется рѣзкостью другой стороны, противоположной .. „Милостыню далъ еси убогому, о богатый!—говоритъ неизвѣстный русскій проповѣдникъ XIV вѣка, добрѣ сътвори. Но индѣ раби твои, пасуще стада воловъ твоихъ, потравиша ниву худыхъ (бѣдныхъ) сусѣдъ твоихъ, ихъ же ты прилучи злымъ томленіемъ и казньми неправедными въ работу собѣ. Да луче бы ти, бе-

зумне, помиловати домочадца своя,—да не скорбяще ходять, и остатися (удерживаться) отъ насилія и томленія, нежели Бога дарити безумно имѣніемъ, неправдою собраннымъ“...—„Кая польза, говоритъ другой, малоядѣніемъ тѣло свое сушити, а не покормляти алчныхъ излишними? Кая добродѣтель въ нощи не спя въ теплѣ храмѣ молитися, а обѣднiи (обездоленные) тобою и порабощенные боси, нази, ранени, голодни на тя со слезами вопіютъ къ Богу! Кая помощь къ таковой мольбѣ? Аще и вся нощи не спя молитися—не пріятенъ есть! Кое добротвореніе томити плоть свою и имѣніе скрывати,—вдовицъ и сиротъ немилующе, ни обидимыхъ избавляюще?“... „Вжеглъ еси, о богатый, свѣщи своя въ церкви на свѣтилѣхъ читаемъ въ одномъ поученіи Измарагда 1518 г.: но онъ пріидетъ тобою обидимъ, сирота или вдова, воздохнетъ къ Богу на тя—слезами твою погаситъ свѣщу!.. О лихое лицемѣріе! Луче-бы ти ни обидити, ни грабити, нежели храмъ Божій просвѣщати неправдою собраннымъ воскомъ! Луче помилуй ихъ же ты обидѣлъ. Се же есть лютость, а не милостыня: сиротъ обидѣти, а иныхъ миловати, иные работáти (морить работой), а иныхъ надѣляти“...—„Подобаетъ всякому христіанину, читаемъ въ другомъ „словѣ“ того же Измарагда, что́ жити вся разсмотрѣніемъ творити... Что бо иже ся постимъ безъ исправленія? Удержаніе ли брашенъ постъ глаголется?.. Ни мало пользы сотворитъ ны и жестокое воздержаніе отъ брашенъ, а плоды творяще злобныя. И аще бо пепелъ зоблемъ, а злобяся не останемъ, не можемъ спастися! Аще бо отъ хлѣба удержимся, а гнѣваемся, завидимъ, то звѣріи есмы подобни: и тіи бо не ясть хлѣба, но плоть ясть, яко и мы гнѣвомъ и завистію снѣдаемъ другы и братію свою клеветою. Аще бо воздержатися хощеши отъ мяса и отъ рыбы, то первѣе останися гнѣва и гордости и клеветы и ярости и

пьянства и блуждения и всякія злобы.. Аще кто ни пьетъ ни мяса не ясть, а злобы держитъ—таковый и пуще скота есть: скотина бо не ястъ мяса ни вина не пьетъ. Аще ли кто есть на голѣй земли леглетъ, а мыслитъ злое—тако ся хвали: не требуетъ бо постели скотъ"...—„Не яде бо, не пія дьяволъ, замѣчается въ той же рукописи, въ другомъ „словѣ" и по другому поводу, но спаде долу, а Павелъ (апостолъ) и яде и пія, но взыде на небо"...—„Вся создавый Богъ, читаемъ въ *Словѣ о филиповѣ постѣ, еже предъ Рождествомъ Христовымъ*, что же требуетъ отъ насъ? Подаянія ли ятъ? и намъ всѣмъ нескудно подаетъ. Пѣнія ли и славы? а поютъ и славятъ Его всегда ангели и архангелы и вся воинства безплотныхъ. Поклоненія-ли? а покланяются Ему всѣ небесныя силы со боязнію. Что отъ насъ требуетъ? Но да быхомъ ся спасли правду творяще,—того отъ насъ проситъ, да блуда бѣгаемъ и законно поживемъ, да любимъ другъ друга, безъ гнѣва мольбы Ему въсылаемъ, отъ насъ милости хощетъ къ убогимъ, ко вдовамъ и сиротамъ, хощетъ отъ насъ воздержанія, да пьянства злаго уклоняемся и безъ времени яденія бѣгаемъ; хощетъ отъ насъ да быхомъ всегда къ церкви востанливы были; ищетъ и того, да богатство безгрѣшно держимъ,—злаго же корене всѣмъ грѣхомъ да бѣжимъ, еже отъ насилія грабленія собраное богатство съ клятвою или въ пожарѣ грабленное, то горшее и татьбы есть, вельми за сія злобы гнѣвъ Божій на непокоривыя приходитъ, на рѣзопмца и кленущаяся лжою. О чада, останите насилія и грабленія спротъ и вдовицъ"!... Возставая противъ всеобщаго упованія на могущество „милостыни" и на „святыя молитвы" другихъ,—нѣкоторые проповѣдники стараются убѣдить, что „аще человѣкъ не сотворитъ (самъ), и молитва святыхъ ничтоже пользуетъ молящимся святымъ о немъ; аще воздержаются и молятся о немъ, самъ же и объѣдается и упи-

ваетсѧ или безчинствуетъ—что пользуетъ моленіе ихъ о немъ? Ту бо исполняется реченное: единъ зиждяй, другой разоряяй"...—„Князь или богатый, читаемъ въ одной рукописи кон. XV—нач. XVI вв., и въ ересь вошли быша съгрѣшающе и даяли быша за ся, а сами не трудящеся и ходити къ церкви лѣнящеся, а всегда въ объяденіи и въ пьянствѣ и во блужденіи пребывающе день и нощь,—то ни на кій успѣхъ такихъ милостыни есть, таковыхъ приносы гнусны есть Богу и скаредни, иже оскорбляютъ вдовицы и насиліе творятъ сиротамъ"... Слышатся заявленія: „Неправдою зиждены церкви, хытростьми украшены всѣми неправдами и порабощеніемъ сиротъ и убогихъ насиліемъ—скверно еже здати"... „Иже богатая (богатства) церкви приносити, кая се польза? во многихъ бо церквахъ собранная или отъ татей украдено или отъ ратникъ или огнемъ сгорѣ; еже церкви утваряти никому не запрешено, а еже убогыхъ не миловати—родство огнено (геенна) обѣщано"... Идеямъ нетерпимости и суроваго преслѣдованія стараются противопоставить идеи евангельской любви и кротости: „Господь рече—читаемъ въ одномъ поученіи конца XV вѣка—не осуждайте, да не осужени будете. Осуждаяй бо брата своего съгрѣшьша антихристъ есть (потому что осуждающій противится приведеннымъ словамъ Христа). А размыслите и сами, братіе, продолжаетъ проповѣдникъ, аще кто зло сотворитъ—намъ отвѣта предъ Богомъ не дати за него; но койждо о своихъ грѣсѣхъ отвѣщаетъ"...

Эти голоса однако были крайне единичны и слабы. Наиболѣе сильными представителями такихъ „необычныхъ" идей въ концѣ XV—пол. XVI в. являются так. наз. заволжскіе старцы, съ Паисіемъ Ярославовымъ и Ниломъ Сорскимъ во главѣ, съ наиболѣе рѣзкимъ и энергичнымъ борцомъ за эти идеи, кн.-ин. Вассіаномъ Патрикѣевымъ. На почвѣ борьбы съ ересью жидовствую-

щихъ, „заволжскіе старцы“ вступаютъ въ открытую полемику съ „презлыми осифлянами“,—но борьба оканчивается быстро: силы были слишкомъ неравны, и уже къ концу XVI в. мы совсѣмъ не слышимъ голосовъ „заволжцевъ“...

Исконное благоговѣніе къ „писаніямъ“, отсутствіе всякихъ зачатковъ критики, вмѣстѣ съ господствующимъ внѣшнеобрядовымъ характеромъ религіозныхъ представленій—вызываетъ очень рано крайнюю религіозную нетерпимость, мыслебоязнь... При слѣпой привязанности къ „буквамъ благодатнаго закона“, когда религія понимается какъ обрядъ, когда религіозная мысль исключительно сосредоточивается на немъ и имъ исчерпывается, когда „въ дѣлахъ вѣры не умѣютъ различать существеннаго отъ несущественнаго, болѣе важнаго отъ менѣе важнаго и совсѣмъ неважнаго, догматическихъ преданій отъ обрядовыхъ“, — всякое нарушеніе обряда, даже самаго ничтожнаго, является нарушеніемъ вѣры, религіи, и всякій посягающій на это является посягателемъ на вѣру, богохульникомъ, еретикомъ... Въ области вѣры подавляются всякая сколько нибудь свободная мысль, всякая религіозная пытливость, всякое „сумнѣніе“... „Дрожь мя велікая поимала и ужасъ на меня напалъ“, говоритъ Михаилъ Медоварцевъ, когда онъ сталъ „заглаживать“, по приказанію Максима Грека, „великій догматъ церковный“—отпускъ вечерни, искаженный въ книгѣ... „Великая дрожь“ и „ужасъ“ нападаютъ на московскихъ книжниковъ всякій разъ и послѣ—при малѣйшей попыткѣ исправить очевидную описку или искаженіе въ книгѣ...

Въ 1531 году отцы собора обвиняютъ въ Москвѣ подсудимаго. „Ты—говорятъ они ему — волшебными хитростьми еллинскими писалъ еси водками на дланѣхъ своихъ, и распространялъ длани свои противъ великаго князя, также противъ иныхъ многихъ поставлялъ волхвуя. Ты говорилъ: „азъ вѣдаю все вездѣ, гдѣ что дѣется“—ино то волхвованіе еллинское и еретическое. Симонъ волхвъ вся

вездѣ вѣдѣти глаголаше себе и нніи мнози безчисленніи еретицы таковая же глаголаху, прельщающе и губяще народы; тако и ты глаголеши прельщая и погубляя люди. Ты хвалишися еллинскими и жидовскими волшебными хитростьми и чернокнижными волхвованіями— то все есть отвержено отъ христіанскаго закона и житія, и нелѣпо есть христіаномъ въ то себе вдати мудрованіе. Ты прилагаеши зло ко злу, еллинскими и жидовскими мудрованіи и чернокнижными ихъ хитростьми волшебными, отреченными отъ христіанскаго закона и житія, хвалишися и возносишися и много христіанство губиши"... Отцы собора обвиняютъ подсудимаго, что онъ составлялъ „писанія хульна и еретическая",—среди общества („во многіе люди и народы") распространялъ жидовская и еллинская ученія и аріанская и македонская, истлѣнно-мнителная и прочая пагубная ереси"; въ сочиненіяхъ подсудимаго они находятъ „хулы на Господа и на Пресв. Богородицу, и на церковныя уставы и законы, и на святыя чудотворцы и на святыя монастыри и на прочія"... И кто же этотъ страшный еретикъ и чернокнижникъ?.. Максимъ Грекъ!!..

Нѣсколько позднѣе, подобнымъ же подсудимымъ оказался „дьякъ", человѣкъ свѣтскій, „мірской". Разумѣемъ дѣло Висковатаго. Подсудимому были поставлены въ вину самыя „сумнѣнія" его въ совершенно не относящихся къ нему „божіихъ дѣлахъ"... „Ты о всемъ томъ—грозно повторяютъ не разъ отцы собора въ своихъ „отвѣтахъ" на заявленныя подсудимымъ „сумнѣнія"—писалъ и мудрствовалъ негораздо, понеже не велѣно вамъ (мірскимъ людямъ) о божествѣ и божіихъ дѣлахъ испытовати, но токмо вѣровати и св. иконамъ покланятися... О непостижимѣмъ существѣ Божіи не разсужати, рѣкоша богословцы, ни описовати, но токмо вѣровати; чего не велѣно святыми отцами испытовати, ты мудрствуешь и испы-

туешь... О тѣхъ св. иконахъ сомнѣніе имѣлъ отъ своего смышленія, не испытавъ божественнаго писанія... О томъ—всѣмъ православнымъ христіаномъ не подобаетъ никакого сумнѣнія имѣти, но токмо со страхомъ вѣровати и поклонятися... Сталъ еси на еретикы (дѣло происходило на одномъ изъ засѣданій собора, судившаго Башкина, игум. Артемія и др.), а нынѣ говоришь и мудрствуешь негораздо о св. иконахъ: не попадися самъ въ еретикы. Зналъ бы ты свои дѣла, которыя на тебе положены, не разроняй списковъ (діяческихъ дѣлъ)—пронизируютъ отцы собора... „Отнынѣ и впредь тебѣ заповѣдуемъ..., неподобаетъ предъ людьми простыми учительнаго слова подвигнути или учити, санъ себѣ учительства абіе утваряя (присвоивая), но внимати отъ Господа преданному чину. Всякъ убо долженъ вѣдати свой чинъ, и не творити себе пастыря, овчя сый, но повиноватися отъ Бога преданному чину... Мірстіи человѣцы да не учать словесе о заповѣдѣхъ, да не подвизаютъ тѣмъ, санъ учительства привлачаще. И того ради тебѣ у себя отнынѣ и впредь въ дому священныхъ правилъ не держати ни учити (дѣло идетъ между прочимъ о такихъ книгахъ, какъ *Богословіе* Іоанна Дамаскина!). Также тебѣ отнынѣ и впредь... заповѣдуемъ о невидимомъ божествѣ не испытовати и о непостижимѣмъ существѣ не разсужати, но токмо вѣровати, еже Богомъ вся быша,—а еже како быша, не испытовати.. О тѣхъ всѣхъ св. иконахъ, о которыхъ еси сумнѣніе имѣлъ, и о прочихъ, впредь тебѣ сумнѣнія не имѣти, ни разсужати, ни поносити, ни испытовати,—ни въ церкви, ни въ народѣ, ни въ дому, православныхъ христіанъ не развращати по прежнему своему сумнѣнію, но токмо св. иконамъ и св. честному кресту любовію и со страхомъ молитися... Аще впредь... учнешь паки злѣ мудрствовати—тогда конечнѣ отъ св. соборныя церкви изгнанъ будеши.. и проклятъ со всѣми еретикы и отступникы“...

Изложенная выше „Привиллегія“ моск. академіи ярко рисуетъ эту крайнюю религіозную нетерпимость—черту московской общественности, давно уже сказывавшуюся въ нравахъ Московскаго Государства, теперь вполнѣ укоренившуюся и окрѣпшую, являющуюся всегда прямымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ отожествленія вѣры съ обрядомъ.

Всякое сумнѣніе въ дѣлахъ вѣры влечетъ церковное проклятіе... „Мнѣніе—мати всѣмъ страстемъ“, восклицаетъ писатель XVI в., „второе паденіе!...“ Исторія исправленія церковныхъ книгъ въ XVI и XVII вв., оканчивающая „расколомъ“, направленіе мысли первыхъ расколоучителей, отношенія къ кіевской учености и вообще къ западу и т. д.,—показываютъ, съ какой опасливостью и неохотой давали роль этому „мнѣнію“ въ самыхъ невинныхъ вопросахъ. Крайняя нетерпимость и исключительность, и въ національномъ и въ религіозномъ отношеніи—то и другое было неотдѣлимо—составляютъ господствующую черту русской общественности XVII вѣка. Постепенно все сильнѣе укореняется мнѣніе, что церковная старина русская ни въ чемъ не погрѣшима—„не точію въ вѣрѣ, но ни въ малѣйшей чертицѣ каноновъ и пѣсней, что ни у какого слова, ни у какой рѣчи не убавить, не прибавить ни единого слова не должно, и что православнымъ должно умирать за едину букву азъ“...

Между тѣмъ эта старина русская именно теперь—въ XVII вѣкѣ—стала подвергаться все бо́льшимъ и бо́льшимъ нападкамъ.

Чисто внутреннія „шатанія“ и „любопрѣнія“, исходившія преимущественно изъ церковной и религіозной сферы,—какъ нельзя болѣе усиливались и подкрѣплялись все сильнѣе развивавшимися внѣшними вліяніями Запада.

При всей своей національной замкнутости, при всемъ стремленіи къ этому,—Московская Русь не могла совершенно

спасти себя отъ вліянія западныхъ идей и понятій, не могла не заразиться ими... Съ половины XVI вѣка, насущныя государственныя потребности все чаще и настойчивѣе заставляютъ обращаться къ Западу,—на каждомъ шагу заставляютъ лучшихъ людей Московскаго Государства убѣждаться въ полезности и необходимости западнаго образованія, западныхъ знаній. Правительству все чаще приходится вызывать къ себѣ разнаго рода западныхъ людей, „свѣдущихъ“ въ томъ или другомъ государевомъ дѣлѣ. Съ XV—XVI вв. мы встрѣчаемъ въ Москвѣ все болѣе увеличивающуюся толпу иноземцевъ,—наемныхъ офицеровъ, разнаго рода мастеровъ, заводчиковъ, архитекторовъ, лекарей. Подъ Москвой какъ-то незамѣтно вырастаетъ цѣлая „нѣмецкая слобода“,—цѣлая колонія этихъ выходцевъ, первыхъ представителей на Руси западной культуры, первыхъ будущихъ помощниковъ Петра Великаго... Въ XVII в. „новшества“ съ небывалой силой обнаруживаются вездѣ и всюду. Разомъ въ различныхъ сферахъ умственной и общественной жизни дѣлаются нововведенія: въ домашній бытъ высшаго сословія съ особенной силой проникаетъ рядъ обще-культурныхъ вліяній съ Запада—въ одеждѣ, образѣ жизни—усиливаются сношенія съ юго-западной Русью, вызываются кіевскіе ученые, въ церковной сферѣ начинаются реформы Никона, при дворѣ полагается основаніе „комидійному дѣлу“, въ литературѣ вдругъ обнаруживается небывалый дотолѣ наплывъ западной беллетристики, переводятся романы, свѣтскія повѣсти, „фацеціи“ и т. д. и т. д. Современники жалуются, что „русская земля зашаталась“, что она „переставливаетъ свои обычаи“, что вездѣ „волки“ и „козни вражіи“, вездѣ—„поруха“ старому преданію, „закону прародителей“... Прот. Аввакумъ съ отчаяніемъ видитъ, что современная ему Русь—весьма „пестра“, что „скверные поляки, нѣмцы и прочіе безбожные языки яко благодѣи пріемлются и честію

велію почитаются..,—сплелись западные съ восточными“... „Охъ, бѣдная Русь“, восклицаетъ онъ, чего-то тебѣ захотѣлось латинскихъ обычаевъ и нѣмецкихъ поступокъ!..“

Издавна начавшія приходить новыя начала не могли спокойно, безъ борьбы, стать достояніемъ умственной жизни Московскаго Государства, не могли незамѣтно слиться съ ея прежнимъ теченіемъ. Прежніе, старые элементы жизни были слишкомъ противоположны новымъ. Пришлая новизна не могла мириться съ туземной стариной. Московская Русь слишкомъ долго жила своею собственною, замкнутою жизнью, чтобы западныя понятія могли проникнуть теперь, въ XVII в., въ нее незамѣтно, безъ сопротивленія, безъ борьбы. Туземная старина и вновь нахлынувшія „новшества“—какъ результаты продолжительныхъ и различныхъ жизней—были слишкомъ разнородны, чтобы при ихъ встрѣчѣ дѣло могло обойтись мирно... Приходившія „новшества“ не могли однако и затеряться, остаться безслѣдными. Въ умственный кругозоръ старой московской жизни вводилась теперь такая масса новыхъ идей и понятій, вводилась, правда, случайно, рѣзко, непослѣдовательно, — но въ такомъ количествѣ и объемѣ, что игнорировать ихъ уже не было возможности. Нахлынувшія новшества не могли не всколыхнуть застоявшуюся древнерусскую жизнь,—и они не только всколыхнули, но и раскололи ее... Общей, основной причиной „раскола“, помимо всего другого, было непримиримое противорѣчіе старыхъ, укоренившихся воззрѣній съ новыми, начавшими приходить теперь; тѣ формы, которыя усвоила себѣ русская религіозная мысль къ XVI вѣку, которыя вырабатывала себѣ въ теченіе ряда столѣтій,—не могли слиться съ тѣми „нѣмецкими поступками“, которые теперь все болѣе дѣлались въ „послѣдней Руси“ господствующими... Старая „отчина“, „законъ прародителей“ не позволяли болѣе

вѣрнымъ хранителямъ своимъ вступить на ту дорогу, по которой пошла теперь „бѣдная Русь“—въ лицѣ своихъ лучшихъ сыновъ...

Уже при самомъ началѣ нашей письменности, у насъ возникаетъ особый отдѣлъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ; религіозная нетерпимость древнерусскаго книжника издавна направлялась противъ „поганаго латынства“... Теперь, въ XVI, особенно въ XVII вв., обстоятельства стали сложнѣе. Приходилось оберегать себя не только „отъ поганыхъ латынянъ“,—но и отъ „лютеровъ и кальвиновъ и всякихъ нѣмецкихъ и польскихъ и литовскихъ ересей“... Исконная вражда къ латынству принимаетъ характеръ вражды ко всему иновѣрному, западному,—ненависти къ какимъ-бы то ни было „новшествамъ“, ко всякимъ нововведеніямъ, шедшимъ съ Запада. Все это—мудрованія „поганаго латынства“,—„люторскихъ“, „кальвинскихъ“ и „всякихъ другихъ“ ересей... „Братія моя возлюбленная! взываетъ одинъ изъ писателей XVI в.: бѣда и скорбь и погибель роду христіанскому! Отлучився вѣры православныя..., и возлюбивъ слабую и прелестную и незаконную латинскую и многихъ ересей вѣру—позавидѣхомъ ихъ иновѣрнымъ ризамъ, отъ главъ и до ногъ, и всего ихъ обычая. И то не разумѣхомъ, чему отъ невѣрныхъ порадѣемъ, а послѣ тому со слезами поработимъ. А Богъ не повелѣ на невѣрныхъ ризы и на ихъ обычаи вѣрнымъ человѣкомъ взирати и завидѣти: понеже Богу мерзко беззаконное житье ихъ и обычай ихъ мерзокъ и непріятенъ“... Проникавшія всюду „новшества“ заставляютъ протопопа Аввакума вездѣ видѣть „послѣднюю Русь“. „Иного отступленія, говоритъ онъ, уже не будетъ: вездѣ бо бысть послѣдняя Русь“... Больше всего смущаетъ проникновеніе западной науки. Аввакумъ возстаетъ противъ иноземныхъ книгъ, которыя переходятъ „отъ римлянъ, отъ парижанъ, отъ венетовъ“ (изъ Венеціи): эти „еретическія“

книги только „творятъ расколы“... Ѳедоръ дьяконъ укоряетъ царя Алексѣя Михайловича, что онъ „алманашниковъ любитъ“,—а попъ Лазарь взываетъ къ нему же: „Царю благородный! Како времени сего не испытуешь? Имѣеши у себѣ мудрыхъ философовъ, разсуждающихъ лица небесе и земли, и звѣздъ хвосты аршиномъ измѣряющихъ: сихъ Спасъ глаголетъ лицемѣры быти, яко времени не изгадаютъ. Государь! Таковыхъ ли въ чести имаши и различными брашны питаеши?..“ Онъ указываетъ на примѣры Ветхаго Завѣта: „Егда въ законѣхъ отеческихъ не отступно пребываху, того ради вся благая отъ Бога пріимаху; а егда въ законѣхъ отеческихъ блудствоваху,—вся злая бываху имъ. Подобаетъ ти, царю, заключаетъ ревнитель старины, заповѣдати благороднымъ чадомъ своимъ, да пребываютъ въ законѣхъ отеческихъ во вѣки не отступно“... Общимъ девизомъ отношеній Москвы ко всему Западу, ко всѣмъ этимъ, все сильнѣе напливавшимъ отовсюду „нѣмецкимъ поступкамъ“—становятся теперь слова, брошенныя лѣтописцемъ случайно еще въ 1471 году: „Кое пріобщеніе свѣту ко тьмѣ? Такожъ и погапому латынству съ нашимъ хрестьянствомъ“?..

Борьба шла вездѣ и всюду, во всѣхъ сферахъ духовной жизни...

Яркую иллюстрацію къ сказанному представляла въ XVII в между прочимъ сфера московскаго иконописнаго и вообще церковнаго искусства.

Слѣды иноземныхъ вліяній на древнерусское искусство наши изслѣдователи видятъ уже въ очень раннее время. По свидѣтельству древнѣйшихъ лѣтописцевъ, строители церквей на Руси издавна, съ XI—XII вв., были преимущественно „нѣмцы“, т. е. иностранцы; лѣтописецъ чрезвычайно удивляется тому, что ростовскій епископъ Іоаннъ при перестройкѣ собора Божіей Матери въ Суздалѣ могъ обойтись безъ нѣм-

цевъ. Владимирская церковь Вознесенія (XII в.), построенная ломбардскими мастерами, послужила типомъ для многихъ другихъ церквей,—въ Суздалѣ, Переяславлѣ, Ростовѣ, Ярославлѣ и другихъ городахъ. По мнѣнію Буслаева, вліяніе романскаго стиля отразилось уже въ суздальскихъ орнаментахъ XII вѣка. Слѣды западныхъ вліяній видятъ въ украшеніяхъ Геннадіевской Библіи (1499), въ первыхъ изданіяхъ Ивана Ѳедорова и т. п. Уже въ XV вѣкѣ въ Новгородѣ мастера пишутъ образа, подъ которыми, на западный образецъ, подписываютъ портреты того семейства, въ которомъ заказали образъ... Въ концѣ XV—нач. XVI в. вызывается въ Россію изъ Италіи множество итальянскихъ архитекторовъ; въ 1487 году итальянецъ Маріо начинаетъ постройку Грановитой Палаты, докончennой другимъ итальянцемъ Пьетро Антоніо; Успенскій соборъ построенъ Аристотелемъ Фіоравенти, церковь Василія Блаженнаго построена тоже итальянцемъ... Въ XVII в. цѣлый рядъ ихъ вызывается изъ Германіи и Голландіи. Въ Псковѣ, по заказу извѣстнаго священника Сильвестра, дѣлаются снимки съ картинъ Чимабуэ и Перуджино. Къ пол. XVI в. относятся первыя попытки снимать изображенія съ переводовъ западныхъ, т. е. съ западныхъ гравюръ... Изъ „Розыска“ о Висковатомъ видимъ, что уже въ русскую живопись XVI вѣка значительно проникала новизна; XVII вѣкъ является еще болѣе рѣшительнымъ моментомъ „возрожденія“ въ исторіи нашего исскуства. Западныя идеи, проникшія къ намъ въ XVII в., „озарили новымъ, до тѣхъ поръ невѣдомымъ, свѣтомъ скромную мастерскую древнерусскаго живописца“... Подъ вліяніемъ художественныхъ образчиковъ, которые мало-по-малу стали переходить къ намъ съ Запада,—„въ древнерусскомъ художникѣ пробудилась потребность красоты, естественности и природы“... Этотъ моментъ исторіи русскаго искусства хорошо отразился въ сохранившемся до насъ сочиненіи неизвѣстнаго изографа Іосифа *О премудрой мастротѣ* (*sic*) *живописую-*

щихъ, сирѣчь о изящномъ мастерствѣ иконописующихъ и цѣломудренномъ познаніи истинныхъ персонъ и о дерзостномъ лжеписаніи неистовыхъ образовъ,—на уничижающихъ святыхъ иконъ живописаніе и пр. Памятникъ по своему содержанію чрезвычайно любопытенъ. Сочиненіе „написано въ защиту художественнаго изящества иконописи противъ застарѣлыхъ невѣждъ, которые не только не чувствовали необходимости въ красотѣ священныхъ изображеній, но даже почитали все свѣтлое, ясное, радостное, собственно живописное, т. е. жизненное, непристойнымъ и вреднымъ въ этихъ изображеніяхъ“...

Авторъ прежде всего выступаетъ противъ пошлаго ремесленничества современныхъ ему иконописцевъ-„богомазовъ“. „Нигдѣ въ другихъ странахъ, говоритъ онъ, не видать такого безчинства, какъ нынѣ у насъ. Вездѣ по деревнямъ и по селамъ прасолы и щепетинники иконы кромнями таскаютъ, а писано онѣ таково ругательно, что иныя походили не на человѣческіе образы, а на дикихъ людей... И простой народъ щепетинники тѣ своими блудными словами обаяючи говорятъ, будто отъ доброписанія спасенія не бываетъ“.... Противъ разсужденій одного изъ такихъ „щепетинниковъ“, Ивана Плѣшковича, авторъ и направляетъ свое сочиненіе. Авторъ ссылается на Стоглавъ, на его требованія о благообразіи, на заботы отцовъ, чтобы иконописцы списывали иконы „съ добрыхъ образцовъ“,—и вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутъ уваженіемъ къ западно-европейскому искусству. Возставая противъ разсужденій Плѣшковича, порицавшаго начинающій усиливаться въ Москвѣ, съ пол. XVII вѣка, обычай пріобрѣтать священныя изображенія изъ-за границы, съ Запада, утверждая, что эти западныя изображенія совершенно недостойны поклоненія,—Іосифъ доказываетъ, что должно пользоваться всѣмъ хорошимъ, кому-бы это хорошее ни принадлежало, и при этомъ даетъ понять, ка́къ много такимъ „хорошимъ“ наше искусство обязано Западу: „Неужели ты скажешь, обращается авторъ къ своему противнику, что только

однимъ русскимъ дано писать иконы, и только одному русскому иконописанію покланяться, а отъ прочихъ земель иконъ не принимать и не почитать? Ты только такъ мудрствуешь... Когда у своеземцевъ или у иноземцевъ—продолжаетъ авторъ—видимъ Христовъ и Богородиченъ образъ выдрукованъ (напечатанъ) или премудрымъ живописаніемъ написанъ, тогда многой любви и радости очи наши наполняются..., и не укоряемъ иностранцевъ, видѣвъ у нихъ хорошо написанныя иконы. Такія благодатныя вещи паче всѣхъ земныхъ вещей предпочитаемъ и отъ рукъ иноземныхъ любочестно выкупаемъ, иныя-же и за великій даръ испрашиваемъ, и пріемлемъ Христово изображеніе на листахъ или на дскахъ, любезно цѣлуючи, и по закону къ іерею таковыя иконы приносимъ,—они же должными глаголами молебствуютъ и благословляютъ и образъ освящаютъ, и водами святопѣтыми покропляютъ.... И такъ всѣ разумѣя образамъ честь творятъ. Ты одинъ, злозавистный Плѣшковичъ, какъ бѣшеный песъ мятешься и творишь развращенно сердце твое, намъ зазпраешь отъ иноземцевъ иконныя изображенія принимать“.... Авторъ замѣчаетъ далѣе, что Плѣшковичъ, возставая противъ иноземныхъ иконъ,—„самъ хитродѣлія иноземнаго касается“, не видитъ, что „во всѣхъ нашихъ христіано-русскихъ церквахъ, всѣ утвари священныя, фелони и омофоры, пелены и покровы, и всякая хитроткань, и златоплетенья, и каменье дорогое, и жемчугъ, все это отъ иноземцевъ“,—„все это и въ церковь вносишь, и престолъ и иконы тѣмъ украшаешь, а ничто скверно или отметно не нарицаешь!“...

Иванъ Плѣшковичъ съ братіею, эти „несмысленніи любопрители“, требовали, чтобы лики святыхъ изображались „одною формою (на одинъ образецъ),—смугло и темновидно“. Іосифъ возражаетъ противъ этого: „Всѣ-ли святые смуглы и тощи были?... Кто изъ благомыслящихъ не посмѣется такому юродству, будто-бы темноту и мракъ паче свѣта предпочитать слѣдуетъ? Зри, доброразсудный читатель, какъ много

вездѣ въ божественныхъ писаніяхъ обрѣтается: темноту и очаденіе на единаго дьявола возложилъ Господь“.... Возставая противъ мнѣній Плѣшковича и „его старцевъ“, противъ ихъ любви „къ темнообразію и очадѣлымъ лицамъ“, къ ихъ стремленію писать образы „мрачные и неподоболѣпные“,—Іосифъ замѣчаетъ, что „не таковъ обычай премудраго художника. Что́ онъ видитъ или слышитъ, то и начертываетъ въ образахъ или лицахъ, и согласно слуху или видѣнію уподобляетъ“...

Въ пылу полемики съ „несмысленными любопрителями“ Іосифъ въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія произноситъ замѣчательныя слова: „Не слѣдуетъ истина за обычаями невѣжественными, но обычай невѣжественный долженъ истинѣ повиноватися“...,—мысль, сдѣлавшаяся принципомъ всей петровской реформы... И вообще изложенное сочиненіе, по своимъ идеямъ, шире той спеціальной области, къ которой относится. „Упреки изографа Іосифа, справедливо замѣчаетъ одинъ изъ изслѣдователей, падаютъ не на одного Плѣшковича,—они поражаютъ всѣхъ приверженцевъ старины, весь расколъ“... Новыя, развиваемыя „изографомъ“ иден, обусловливались общимъ, совершавшимся за это время поворотомъ къ Западу,—отражали на себѣ общее паденіе старыхъ византійскихъ идеаловъ и торжество всякаго рода западныхъ „новшествъ“.

Къ Кіеву Москва съ конца XVI вѣка стала относиться съ крайнимъ недовѣріемъ; въ глазахъ московскихъ книжниковъ кіевскіе ученые стали бо́льшей частью „латынники“, „латинская часть“... Большихъ симпатій не чувствовали къ Москвѣ и сами кіевляне; причины на это у нихъ, впрочемъ, были другія: не связанные административно съ Москвой они чувствовали себя свободнѣе... Непріязненныя отношенія Москвы къ кіевской учености обнаруживаются на первыхъ же порахъ, — одновременно съ первыми фактами

сближенія. *Учительное Евангеліе* (1619) Кирилла Транквилліона Ставровецкаго († 1646), „по государеву указу“, было подвергнуто въ Москвѣ тщательному разсмотрѣнію,—и дошедшій до насъ современный дѣлу *Списокъ со свитка укоризненна Кирилу Транквиліону Ставровецкому, погрѣшительнымъ словесемъ блуженія его*, подробно указываетъ въ той книгѣ „и ереси и погрѣшенія и блуженія“ автора, на взглядъ московскихъ критиковъ... Вслѣдствіе найденныхъ въ книгѣ „ересей и блуженій“,—въ началѣ декабря 1627 года, ко всѣмъ воеводамъ Московскаго Государства была разослана грамота: „Велѣли мы... сыскать и досмотрити литовскія печати въ книгахъ въ „Учительныхъ Евангильехъ“ архим. Кирила Транквиліона Ставровецкаго его слогу (составленія); и въ тѣхъ книгахъ въ „Учительныхъ Евангильехъ“ сыскано и досматривано и приправлено къ древнимъ святыхъ отецъ книгамъ, къ „Евангельямъ Учительнымъ“ и къ инымъ божественнымъ книгамъ, и въ тѣхъ Кириловыхъ книгахъ, въ его слогѣ, сыскались многія ереси и супротивства древнимъ „Учительнымъ Евангельямъ“ и инымъ св. отецъ божественнымъ книгамъ. И мы... указали—на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ, литовскія печати „Учительныя Евангилья“ архим. Кирила Транквиліона Ставровецкаго и иныя книги его Кирилова слогу собрати и на пожарѣхъ сжечь,—чтобъ та ересь и смута въ мірѣ не была. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, и вы-бъ велѣли по торгамъ кликати бирячамъ по многіе дни: у которыхъ людей такія литовскія „Учительныя Евангелія“ или иныя книги его Кирилова слогу есть, и тѣ-бъ люди тотчасъ несли безмѣнно къ вамъ въ съѣзжую избу; а кто именемъ какія книги литовскія печати Кирилова слогу Транквиліона Ставровецкаго принесутъ и вы-бъ тѣхъ людей имена велѣли писати на росписи поименно. А собравъ... тѣ литовскія печат-

ныя „Учительныя Евангельи“ и иныя книги Кирилова слогу, велѣли на пожарѣ сжечь...,—да о томъ о всемъ отписали“... Вмѣстѣ съ этимъ давался приказъ: „Велѣли-бъ всякимъ людямъ сказывати именно и заказъ крѣпкой учинити, чтобъ одноличнo литовскія печати никакихъ книгъ Кирилова слогу ни кто у себя не держали и впередъ никакихъ книгъ литовскія печати и письменныхъ литовскихъ не покупали. А кто нынѣ такія книги литовскія печати Кирилова слогу у себя утаитъ, или кто впредъ учнетъ литовскія книги какія покупати—тѣмъ людямъ... быти въ великомъ градскомъ наказаніи, а отъ... святѣйш. патріарха въ великомъ духовномъ наказаніи и въ проклятіи“... 4 декабря — „въ Москвѣ на пожарѣ сожгли 60 книгъ, что были вышли изъ Литвы и именовались „Евангельи Учительные“ слогу (составленія) Кирила Транквиліона.., а жегъ ихъ приставъ Григорей Ивановъ сынъ Горизонтовъ“.

Вмѣстѣ съ названнымъ сейчасъ „Свиткомъ укоризненнымъ“ Кириллу Транквилліону, до насъ дошелъ другой въ высшей степени любопытный памятникъ: *Преніе литовскаго протопопа Лаврентія Зизанія съ игуменомъ Ильею и справщикомъ Григоріемъ*—по поводу исправленія въ Москвѣ составленнаго Лаврентіемъ Зизаніемъ *Катихизиса*. „Преніе“ происходило въ томъ же 1627 году,—и чрезвычайно ярко характеризуетъ все различіе во взглядахъ и образованіи кіевскихъ и московскихъ ученыхъ... Не останавливаясь на этомъ „Преніи“, приведемъ здѣсь дошедшіе до насъ отрывки одного судебнаго дѣла, относящагося къ самому первому времени появленія въ Москвѣ кіевскихъ ученыхъ. къ 1650 году,—которое наглядно рисуетъ передъ нами положеніе юго-западной науки въ Москвѣ на самыхъ первыхъ порахъ.

Въ 1650 году, апрѣля 3, заявилъ нѣкто чернецъ Саулъ, что „есть за нимъ государево дѣло“ и просилъ про тотъ его извѣтъ доложить государю. Государю доложили—и чернецъ Саулъ показалъ:

„Въ нынѣшнюю зиму, 5 марта, приходили къ нему, Саулу, въ келью Иванъ Засѣцкій да Лука Голосовъ да благовѣщенскаго собора дьячекъ Константинъ Ивановъ,—и между собою шептали: „Учится укіевлянъ Ѳедоръ Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той грамотѣ и ереticество есть. А бояринъ де Борисъ Ивановичъ (Морозовъ) держитъ отца духовнаго для приличи людской, а ереticество де знаетъ и держитъ“... Показанія Саула велѣно было провѣрить и все дѣло разслѣдовать. Что́ говорили на допросѣ названные Засѣцкій и Голосовъ, неизвѣстно: ихъ показанія не сохранились; дьячекъ же Константинъ Ивановъ показалъ:

„Нынѣшняго года на маслянницѣ, дня не помню, провожали мы, Лука Голосовъ, Иванъ Засѣцкій да я, благовѣщенскаго протопопа къ нему на дворъ, и проводивъ пришли къ воротней кельѣ, къ старцу Саулу, и сѣли на лавкѣ. И говорили мнѣ Лука и Иванъ: „Извѣсти благовѣщенскому протопопу (Степану Вонифатьеву), что онъ, Лука, у кіевскихъ чернецовъ учиться не хочетъ; старцы не добрые, онъ де въ нихъ добра не позналъ, добраго ученья у нихъ нѣтъ. Теперь онъ манитъ Ѳедору Ртищеву боясь его, а впередъ учиться никакъ не хочетъ“... Да Лука же говорилъ: „Кто по латыни учится, тотъ де съ праваго пути совратится. Да потомъ вспомяни протопопу—продолжалъ Лука: поѣхали въ Кіевъ учиться Перфилка Зеркальниковъ да Иванъ Озеровъ, а грамоту проѣзжую промыслилъ Ѳедоръ (Ртищевъ),—поѣхали они доучиваться у старцевъ кіевлянъ по латыни, и какъ выучатся и будутъ назадъ, то отъ нихъ будутъ великія хлопоты. Надобно ихъ до Кіева недопустить и воротить назадъ. И такъ они (старцы кіевляне)

всѣхъ укоряютъ и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ (Ивана и Стефана Неронова и Вонифатьева, считавшихся первыми учеными въ московскомъ духовенствѣ) и другихъ; враки де вракуютъ они, слушать у нихъ нечего; про то ничего не знаютъ, чему учатъ"...—„Въ прошломъ 1649 году, продолжалъ свои показанія дьячекъ Константинъ Ивановъ, лѣтомъ, попъ Ѳома, сосѣдъ мой, спрашивалъ меня: „Скажи, пожалуй, какъ быть? Дѣти мои духовные, Иванъ Озеровъ да Порфирій Зеркальниковъ, просятся въ Кіевъ учиться"... Я, Константинъ, ему сказалъ: Не отпускай, Бога ради. Богъ на твоей душѣ это взыщетъ. А Ѳома молвилъ: „Радъ бы не отпускать, да они безпрестанно, со слезами, просятся и меня мало слушаютъ и ни во что ставятъ" (какъ выше видно, эти Иванъ Озеровъ и Порфирій Зеркальниковъ своего отца духовнаго все таки не послушали и въ Кіевъ поѣхали, при помощи Ртищева)...—Далѣе дьячекъ Константинъ Ивановъ продолжалъ: „Потомъ Лука и Иванъ про боярина Бориса Ивановича Морозова говорили между собою тихонько: „Борисъ де Ивановичъ держитъ отца духовнаго для прилики людской, и началъ жаловать кіевлянъ; а это уже явное дѣло, что туда уклонился, къ такимъ же ересямъ"... Чѣмъ кончилось дѣло, неизвѣстно; отъ него сохранились лишь приведенные отрывки; но для нашей цѣли и ихъ вполнѣ достаточно.

Недовѣріе къ Литвѣ и къ юго-западной Руси въ Москвѣ выражалось не разъ и по другимъ случаямъ. Такъ, напр. въ январѣ 1632 года къ псковскимъ воеводамъ послана была царская грамота,—которою запрещалось покупать у литовскихъ людей хмѣль: „Писали намъ изъ Вязьмы, говорилось въ грамотѣ, воеводы наши, князь Романъ Пожарской съ товарищи: Посылали они за рубежъ для вѣстей лазутчиковъ, и тѣ лазутчики, пришедъ изъ-за рубежа, сказывали имъ,—что въ литовскихъ городѣхъ баба-вѣдунья наговари-

ваетъ на хмѣль, которой изъ Литвы возятъ въ наши городы, чтобъ тѣмъ хмѣлемъ въ нашихъ городѣхъ на люди навесть моровое повѣтріе“... Вслѣдствіе этого предписывалось воеводамъ объявить—„во Псковѣ, въ городѣ, и на посадѣ, и по слободамъ, и во всемъ псковскомъ уѣздѣ, въ селѣхъ и въ деревняхъ, всякимъ людемъ велѣли бъ учинити заказъ крѣпкой, подъ смертною казнью, которые люди поѣдутъ въ литовскіе городы для торговли, и они бъ у литовскихъ людей и у зарубежскихъ мужиковъ хмѣлю не покупали и во Псковъ и во псковскій уѣздъ не привозили отнюдь, ни которыми дѣлы“...

Симпатіи многихъ лучшихъ людей, сознавая необходимость для страны образованія, клонились къ Востоку,—хотѣли это образованіе получить черезъ Византію, а не отъ латинскаго Запада...

Отъ конца XVII вѣка до насъ дошли два чрезвычайно любопытныхъ памятника, принадлежавшихъ неизвѣстнымъ авторамъ, — родъ ученыхъ записокъ-трактатовъ—въ которыхъ отражается между прочимъ то великое культурно-историческое „распутіе“, на которомъ стояла въ концѣ XVII в. „послѣдняя Русь“. Содержаніе записокъ составляетъ рѣшеніе великаго принципіальнаго вопроса, занимавшаго лучшихъ людей времени,—вопроса о томъ, который изъ двухъ языковъ русскимъ болѣе нуженъ и необходимъ въ цѣляхъ образованія, латинскій языкъ или греческій?.. Въ заглавіи одной изъ записокъ ставится и другой существенный вопросъ времени: „Учитися-ли намъ полезнѣе грамматики, риторики, философіи и ѳеологіи и стихотворному художеству, и оттуду познавати божественная писанія, или не учася симъ хитростемъ, въ простотѣ Богу угождати и отъ чтенія разумъ писаній познавати?“—т. е. слѣдуетъ-ли русскимъ остаться и дальше при

прежней системѣ начетчества, „почитанія книжнаго“, или послѣднее должно быть замѣнено правильнымъ школьнымъ обученіемъ разнымъ наукамъ?..

Два названныхъ памятника мало извѣстны, и мы позволяемъ себѣ остановиться на ихъ содержаніи съ нѣкоторой подробностью.

На второй вопросъ одинъ изъ авторовъ отвѣчаетъ: „Простота сугуба есть: ова незлобіе глаголется, еже есть добродѣтель терпѣнія и непамятозлобія и немщеніе обидящимъ; оваже невѣжество, рекше неученіе, въ немъ же содержится невѣжество Божіего закона, еже злоба есть преглубока... Неученіе тма ослѣпляющая умныя очи и есть и глаголется, яко апостолъ глаголетъ: зане тма ослѣпи очи. Ученіе же ясная луча есть, ею же невѣжества тма разрушается, и естественныя человѣческаго разума очеса просвѣщаются и есть веліе благо“... Въ этихъ словахъ, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Каптеревъ (которому мы обязаны обнародываніемъ двухъ названныхъ сочиненій)—окончательно осуждается старая система начетчества и признается самымъ рѣшительнымъ образомъ просвѣтительное значеніе школы, ея полезность и необходимость для русскихъ.

Первая записка носитъ заглавіе: *Доводъ вкратцѣ, яко ученія и языкъ эллиногреческій наипаче нужнопотребный, нежели латинскій языкъ и ученія, и чѣмъ ползуетъ славенскому народу.* Превосходство греческаго языка предъ латинскимъ, необходимость и пользу для русскихъ изучать именно греческій языкъ—авторъ прежде всего доказываетъ тѣмъ, что русскіе приняли христіанство отъ грековъ и вмѣстѣ съ христіанствомъ отъ нихъ же заимствовали свои письмена, церковныя книги, гражданскіе и другіе обычаи, которые держатъ и до сего дня. Съ другой стороны, объ общечеловѣческомъ культурномъ значеніи грековъ и греческаго языка, о превосходствѣ послѣдняго предъ латинскимъ, свидѣтельствуютъ сами

латинскіе писатели, напр. Антоній Поссевинъ, Липсіусъ и др. За превосходство греческаго предъ латинскимъ говоритъ далѣе то обстоятельство, что основная христіанская литература—на языкѣ греческомъ, а не латинскомъ: св. Писаніе, постановленія вселенскихъ соборовъ и т. д. Да и не только собственно христіанская, но и вообще научная и поэтическая: „Кто, говоритъ авторъ, богословію сице высоко яко Діонисій и Григорій написаху, кто остроумнѣе Аристотеля философію или во астрологіи Птоломеа и въ геометріи Эвклида, въ риторику Димосѳена, и въ докторство Ипократа и Галина, и въ творцахъ Омира, и во всѣхъ прочихъ ученіяхъ кто подобніи грекамъ, которыхъ и сами латини во всѣхъ своихъ академіахъ и по се время яко основаніе себѣ предлагаютъ и вкупѣ учатся греческому и латинскому языку, зане иное основаніе, кромѣ грековъ, во всѣхъ свободныхъ ученіяхъ, хотя и много трудилися, вымыслити не могутъ. И для того и имена всѣхъ ученіямъ, начинающе отъ грамматики, не токмо латини, но и всѣ народи греческими именами именуютъ“. Но особенно полезно изучать греческій языкъ русскимъ, такъ какъ „не токмо латинскому языку великую помощь воздаетъ греческій ученіями своими, но наипаче славенскому помогати будетъ, какъ очистится ученіемъ греческимъ, зане языкъ славенскій ближній и свойственный греческому, нежели латинскому“,—тѣмъ болѣе что для печатанія нашихъ церковныхъ книгъ въ исправномъ видѣ, необходимо сличать ихъ съ греческими книгами, съ которыхъ они переведены. „Того ради подобаетъ наипаче учитися гречески, понеже не токмо тѣмъ языкомъ не вредится православная вѣра, яко латинскимъ, но и зѣло исправляется, и учити купно съ славенскимъ, яко да временемъ и славенскій языкъ (который пребогатъ есть) очистился и медъ иныхъ ученыхъ языковъ сочетался. А по греческомъ ученіи легче хотящему невредительно учитися и латинскому,—а въ пер-

выхъ латинскому языку учитися веліе опасеніе, яко да не латинскимъ языкомъ подкрался тайна и вѣра и обычей латинской, какъ видимъ въ разныхъ народѣхъ, наипаче въ французскомъ, зане ничего не премѣняетъ человѣка и нравы сице, яко странное ученіе“...

Другое сочиненіе о превосходствѣ греческаго языка предъ латинскимъ носитъ заглавіе: *Учитися-ли намъ полезнѣе грамматики, риторики, философіи и θеологіи и стихотворному художеству, и оттуду познавати божественная писанія, или не учася симъ хитростемъ въ простотѣ Богу угождати и отъ чтенія разумъ святыхъ писаній познавати, и что лучше россійскимъ людемъ учитися греческаго языка, а не латинскаго.* На вопросъ: „Котораго языка ученію учитися намъ славяномъ потребнѣе и полезнѣйшее латинскаго или греческаго“, авторъ въ самомъ началѣ заявляетъ, что полезнѣе учиться „греческаго и словенскаго“. „Глаголютъ нѣціи, продолжаетъ онъ, яко свойственше намъ словеномъ учитися латинскаго языка ученію, яко удобншу сущу къ познанію и потребншу, нежели греческому неудобнознанному“; разбирая возраженіе, авторъ подробно указываетъ тѣ причины, по которымъ намъ слѣдуетъ учиться именно греческому языку. „Азъ тебѣ покажу, говоритъ онъ, яко свойственнѣ намъ словяномъ, удесемъ сущимъ святыя восточныя церкви, греческій языкъ и ученіе того знати потребнѣе есть и полезнѣе по многимъ. Первое, по вѣры православныя единству, изъ востока ны просвѣтившія и въ сыноположеніе Божее чрезъ крещеніе родившія. Второе, по согласію и купночину церковныхъ законовъ и по преданію божественныхъ таинъ и по ученію въ томъ гречестѣмъ языцѣ древнихъ святыхъ отцевъ нашихъ: Діонисія Ареопагита, Василія Великаго, Григоріа Богослова, Іоанна Златоустаго, Аѳанасіа и Кирилла Александрійскихъ и Іоанна Дамаскина и прочіихъ,—паче же по самому святому Евангелію и Апостолу, писанныхъ первообразно... греčески, а не

латински“... Помимо того, „по самымъ стихіемъ или писменемъ свойственъ греческій языкъ славенскому. Латинскій же языкъ и ученіе и писаніе во всѣхъ сихъ славяномъ намъ чуждо и далече отсутствующе, и не точію непотребно отнюдь, но паче вредно и губительно“... Авторъ сличаетъ алфавиты греческій, славянскій и латинскій, и продолжаетъ: „Овча подобно есть своей матери всячески по виду и праву, яко славенская писмена греческимъ подобна суть. Козлище же инородное, аще чимъ малымъ и пріуподобляется овцѣ, обаче всячески естествомъ и видомъ отсутствуетъ и разнствуетъ, яко и сія латинскія литеры греческимъ и славянскимъ, яко козлище овцѣ, много зѣло не подобятся. Греческая же писмена и славенская, яко овча съ матерію (славенская бо изъ греческихъ приложишася), обоя между собою подобствуютъ и согласуются. И сія далечности и разности славяномъ отъ латинъ первая, аще мнится и малая вина, обаче не есть малая“. Вторая и бо́льшая вина, „раздѣляющая славянъ отъ латинъ“, заключается въ томъ, что „греческій языкъ и ученіе славяномъ велми свойственно по частемъ грамматики“. Подробно раскрывъ это положеніе, авторъ замѣчаетъ: „Зри, како согласенъ славенскій языкъ со греческимъ, и учася тому не погрѣшитъ истины о богословіи. Латинскій же, отъ его же и польскій растлѣвся, колико далече отсутствуетъ истины. Опаство имѣти подобаетъ, да не и славенскій діалектъ что отъ того латинскаго ученія постраждетъ, яко уже и начинаются латинскія и польскія пословицы славенскаго языка въ писаніихъ появлятися (древле же отнюдь таковыхъ глаголаній славяне удаляхуся), зане реченіемъ обыкоша и нравы послѣдовати. Тако бо латинское ученіе прелестно, яко ножъ медомъ намазанный: изначала лижущимъ сладокъ и безбѣденъ мнится, и елико больши облизуется, толико ближше гортаню ближится и удобно лижущаго заколетъ и смерти предастъ. А яко ла-

тинскій языкъ скуденъ и убогъ по себѣ самому и за скудость свою овогда употребляетъ еллинская реченія и имена, овогда же иными реченми измѣняетъ... Свойство же славенскаго и греческаго и отъ самыхъ именъ соединися, яже издревле употребишася и вообычаишася славяномъ греческая и яко свое естественное вкорениишися, яко *евангеліе*, *апостолъ*, *апокалипсисъ*, *паралипоменонъ*, *псалтирь*, *тріодь*, *минеа*... (указываетъ множество и другихъ греческихъ словъ, употребляющихся въ славянскомъ). Латинцы же имена овая греческая за скудность свою употребляютъ (яже невѣдущимъ быти мнятся латинскія) и не могуще на свою бесѣду добрѣ претолковати, растлѣнно глаголютъ: *метрополитъ*, *архиепископъ*, *епископъ*, *клеръ*, *клерикъ*, *преоръ*, *псалтеръ*, *кроника*, пачеже самого Сына Божія спасительное имя *Іисусъ* глаголютъ *Іезусъ*...; всѣхъ же стыднѣйшее: святаго многострадательнаго праведнаго Іова имя зовутъ срамно *Іоб*.... Вся сія и множайшая сихъ растлиша во ученіихъ своихъ учимыхъ, за еже не имутъ во ученіи своемъ стихіи *и*. Славенскій же языкъ и ученіе купно со греческимъ имутъ оную стихію *и*, и добрѣ оба тіи языцы вся имена зовутъ“... По мнѣнію автора, „книги греческія латинскимъ языкомъ добрѣ на славянскій діалектъ превести отнюдь невозможно“. Авторъ указываетъ на превосходство греческаго перевода книгъ Ветхаго Завѣта предъ латинскимъ, и далѣе продолжаетъ: „Внимати треба, яко языкъ греческій честенъ и великъ и богословіе могущъ объяти, не заимствуя языка латинскаго; языкъ же латинскій безъ греческаго ничто же могущъ высокихъ разумѣній, паче же о богословіи писати и глаголати, и велми самъ собою непотребенъ намъ славяномъ, и ничто же вспользуетъ насъ, но паче пошлитъ и далече отъ истины въ богословіи отведетъ и къ западныхъ зломудрію тайно и внезапно привлечетъ. Греческій же языкъ и ученіе всю вселенную просвѣщаетъ“... Русскимъ нужно изучать греческій языкъ и потому еще, что, во-пер-

выхъ, прежніе русскіе митрополиты и епископы „чины и пѣснопѣнія держаху греческая; явлено, яко и ученіе бѣ греческое, а не латинское, яко показуется въ житіи блаженнаго Игнатіа епископа ростовскаго: ликъ пояху греческій, вторый славянскій“. Во-вторыхъ, въ 1586 году соборъ восточныхъ патріарховъ повелѣлъ славянамъ учиться греческому языку,— „и того ради напечатася во Львовѣ градѣ грамматики греко-славянскія“... Наконецъ,—„во днехъ благочестивѣйшаго государя царя и великаго князя Алексіа Михаиловича священный всероссійскій соборъ о исправленіи (книгъ) написаша, яко тщася всѣми силами и отъ души прилежнымъ попеченіемъ святѣйшій Никонъ патріархъ исправити совершенно. Но двое не допусти ему совершеннаго книгъ исправленія: едино, яко скудно зѣло преводниковъ искусныхъ въ языцѣ гречестѣмъ,—аще и обрѣтахуся нѣцін знающе отчасти діалекта греческаго, но ученіемъ точію грамматики; къ сему не быша лексиконы греческія и славянскія, того ради въ преводѣхъ погрѣшаху. Иніи же преводиша съ греческа на латинскій языкъ, съ латинска же на славенскій прелагаша, и того ради быша въ реченіихъ отъ греческа чрезъ латинскій на славенскій языкъ погрѣшенія. Яко и мудрый въ греческомъ и латинскомъ діалектѣхъ Максимъ монахъ грекъ сперва латинскою бесѣдою сказываше толмачомъ (зане не изучися еще совершенно языку славенскому), толмачи же съ латинска сказываху славенски, и того ради въ его первыхъ преводѣхъ быша нѣкая погрѣшенія, за яже истязаніе и томленіе терпяше Максимъ“...

Авторъ указываетъ далѣе на тотъ вредъ, какой происходитъ и можетъ происходить для русскихъ отъ изученія латинскаго языка: „Отъ ученія латинскаго, говоритъ авторъ, ничто-же еще видя, начинаются быти странныя подверги и чуждыя восточныя святыя церкве матере нашея нѣкоего символа, его-же держатъ латинницы и лютеры, лживо называюще быти апостольскій...,—иный подвергъ тайный по латинскому

смышленію о пресуществленіи тѣла и крове Христова изъ хлѣба и вина, не согласующійся святыхъ отцевъ восточныхъ ученіемъ и ина нѣкая новшества. И сія убо еще ниже начало пріемшу латинскому ученію славяномъ! Егда же тое ученіе въ дѣло произыдетъ и преуспѣвати начнетъ, не пострадати-бы но притчи: бѣжавшимъ дыма, не впасти-бы въ пламень. Къ сему, егда услышатъ латинское ученіе въ Москвѣ наченшееся врази истины, плевелосѣятеле тернія западнаго во среди чистыя пшеницы, изъ востока насѣянныя, лукавіи іезуити подъидутъ, и неудобопознаваемыя своя силлогизмы или аргументы душетлительныя начнутъ злохитростно всѣвати, — тогда что будетъ? Ничто ино, точію окоптѣлый чистительнаго огня дымомъ латинскаго смышленія зачнется куколь и родитъ любопрѣнія, потомъ (пощади Боже!) отступленіе отъ истины, еже страждетъ или-же и пострада малая Россія, пріучившися латинѣ, быша мало невси уніаты; рѣдціи осташася православніи“... Въ виду этого, авторъ молитъ всѣхъ начальниковъ духовныхъ и мірскихъ, всѣми средствами, погаспть „малую искру латинскаго ученія“, „не дати тѣй раздмитися и воскуритися,—да не пламень западнаго зломысленнаго мудрованія растекся попалитъ и въ ничто-же обратитъ православія восточнаго истину: егда бо многородный той (сикилійскому подобный, или и еще горшій) огнь распалится и кто въ него ввалится, той и съ великимъ трудомъ отъ того не свободится, но вѣчно въ томъ потопится“.

Авторъ указываетъ въ заключеніе на тѣ благотворныя послѣдствія, какія произойдутъ для русскихъ, если основой образованія будетъ положенъ не латинскій, а греческій языкъ. „Аще-же народъ великороссійскій, говоритъ онъ, будетъ учитися греко-славенски (подаждь Господи!) и чести книги оныя, всѣхъ сихъ предрѣченныхъ бѣдъ избѣгнутъ, и согласны во всѣмъ и купночинны будутъ съ восточною святою церковію

и со святѣйшими равночисленными святымъ евангелистамъ патріархи, и истинно ученицы Христовы будутъ, и здрави и тверди и непозыбленни отъ приражения инославныхъ пребудутъ въ православной вѣрѣ, основани не на песцѣ нововымышленій, но на твердомъ основаніи водруженни, на самомъ краеугольномъ камени Христѣ: иного бо основанія никто-же можетъ положити. Еще и святѣйшіе патріарси подадутъ вящшее благословеніе и молитву о благосостояніи великороссійскаго царствія, и народи вси окружніи, сущіи православія восточнаго, Богу возблагодарятъ и царскому величеству приклонятся. Но и противніи западницы и иніи мужеству, твердости и постоянству въ вѣрѣ великороссійскаго народа почудятся, яко ничто возможе ихъ поколебати. И свой народъ, наченъ отъ благородныхъ до простыхъ и самыхъ глаголю поселянъ, услышавше ученіе греческое возрадуются и похвалятъ; и мятежницы церкве, отложивше всякую молву, утишатся и церкви святѣй покарятся и прилѣпатся чрезъ покаяніе. Аще-же услышится въ народѣ, паче-же въ простакахъ, латинское ученіе, не вѣмъ коего блага надѣятися, точію избави Боже всякія противности“...

Так. образомъ если одни, какъ Ѳедоръ Ртищевъ, съ полнымъ довѣріемъ обращались къ Западу,—симпатіи другихъ лучшихъ людей, при всемъ сознаніи необходимости и важности науки, образованія, рѣшительно клонились къ православному Востоку; въ противоположность иновѣрному, католическому Западу, и науку и образованіе хотѣли найти на Востокѣ, въ Византіи. Нельзя не согласиться, эти симпатіи имѣли извѣстное основаніе: примѣръ наполовину окатоличенной юго-западной Руси былъ у всѣхъ на глазахъ, и не могъ не производить своего вліянія... Во всякомъ случаѣ, эти взгляды были взглядами многихъ лучшихъ людей времени,—хорошо сознававшихъ необходимость для Московской Руси просвѣщенія, но

не желавшихъ купить его рискомъ для православія и цѣной народнаго обезличенія, взгляды, которые вообще могли-бы предостеречь противъ слишкомъ беззавѣтныхъ увлеченій Западомъ. Образованіе и наука, принесенныя съ Востока, безспорно, были-бы въ религіозномъ отношеніи роднѣе и безопаснѣе... Но византійскій Востокъ и самъ не имѣлъ у себя ни науки, ни образованія! Византія и сама не имѣла средствъ къ широкому, свободному развитію,—не имѣла у себя ни академій, ни университетовъ. Наиболѣе образованные греки-византійцы, приходившіе къ намъ—напр. патріархи—чаще всего сами были воспитанниками Запада... „Тогдашніе греки, говоритъ историкъ, были мало способны явиться на Руси просвѣтительной и зиждительной силой, вѣстниками для русскихъ иной, высшей и совершеннѣйшей жизни,—они сами были задавлены тяжелымъ, деморализующимъ народную жизнь рабствомъ, сами нуждались въ обновленіи, въ посторонней помощи и поддержкѣ. Если у грековъ и была тогда наука, то не своя, а чужая, заимствованная съ Запада, гдѣ они получали свое высшее научное образованіе“... Помимо того, греки и „не имѣли особенной охоты дѣлиться съ русскими тѣми научными знаніями, которыя они получали на Западѣ, вовсе не думали дѣятельно насаждать въ Россіи просвѣщеніе... Правда, греки торжественно и краснорѣчиво заявляли въ Москвѣ о необходимости для русскихъ науки и образованія, совѣтовали имъ открыть у себя школы, но дальше краснорѣчивыхъ совѣтовъ и заявленій не пошли“...

Выбора такимъ образомъ не было,—и великій преобразователь круто повернулъ на Западъ...

Таковъ былъ характеръ эпохи,—важнѣйшія черты современной духовной жизни. Всѣмъ этимъ опредѣлялся и характеръ современной московской письменности, литературы.

II.

Постепенно сосредоточившаяся въ Москвѣ и потомъ, въ теченіе двухъ послѣдующихъ столѣтій, быстро здѣсь развивающаяся,—литература Московскаго Государства своимъ общимъ характеромъ и направленіемъ является прямымъ продолженіемъ предшествовавшей литературы Удѣльной Руси. Это по прежнему почти исключительно литература духовная, церковная, монастырская, —литература, сюжеты и вопросы которой исключительно, или почти исключительно, церковные, церковно-обрядовые... Господствующія литературныя формы—прежнія; передъ нами, какъ и раньше, главн. образ. посланія, „слова“, житія святыхъ, сочиненія историческаго характера, многочисленные сборники и т. п. Писатели попрежнему почти исключительно представители церкви, монастыря, люди духовные, монахи. Памятники литературы, какъ и прежде, почти исключительно памятники собственно религіозной жизни общества, памятники возникавшихъ за это время различныхъ религіозныхъ или прямо церковныхъ вопросовъ. Собственно „литературы“, литературы поэтической, свѣтской, почти не существуетъ—если мы не будемъ считать литературу переводную—или лишь зачатки...

Не смотря однако на это, сохраняя въ общемъ свой прежній характеръ, литература Московскаго Государства—уже не та́, какую мы видѣли раньше, въ Кіевѣ, Новгородѣ... Новый строй жизни возникшаго огромнаго государства, новыя отношенія, внѣшнія и внутреннія, новые факты и событія, находятъ себѣ нѣкоторое отраженіе и въ литературѣ,—раздвигаютъ ея старыя рамки, ставятъ ей болѣе широкія задачи. Вмѣстѣ съ политическимъ ростомъ Москвы, литература быстро увеличивается количественно, дѣлается болѣе сложной,—служа отраженіемъ и

несравненно болѣе сложной теперь духовной жизни Московскаго Государства.

Завершившаяся политическая централизація создаетъ цѣлый рядъ особыхъ, чрезвычайно своеобразныхъ письменныхъ произведеній своднаго характера,—налагаетъ и вообще замѣтный отпечатокъ на литературныя произведенія времени. Съ конца XV—пол. XVI в. въ московской литературѣ мы видимъ то же „собираніе“, какое къ этому времени только-что закончилось въ сферѣ политической. Литература подводитъ итоги; ея важнѣйшіе памятники этого времени главн. образомъ носятъ характеръ сводовъ,—сводовъ стараго, уже пережитаго, являются кодексами прежняго, смотрятъ чаще всего не впередъ, а назадъ...

Подведеніе итоговъ въ литературѣ отчасти служило отраженіемъ общаго, уже окончательно завершившагося въ Московскомъ Государствѣ, объединенія политическаго, отчасти было результатомъ стремленія изолировать свое умственное достояніе, накопившееся въ теченіе вѣковъ, отъ стороннихъ иноземныхъ вліяній, „опредѣлить кругозоръ тѣхъ умственныхъ вопросовъ и интересовъ, котораго не долженъ переступать благочестивый русскій человѣкъ“,—и въ этомъ отношеніи стояли въ связи съ другой еще болѣе господствовавшей чертой литературы Московскаго Государства, проникающей бо́льшую часть ея явленій и фактовъ, полемикой, полемикой съ разными „новшествами“ и конечно, прежде всего „новшествами“ книжными, новыми западными вѣяніями и вліяніями въ области письменности, литературы... Цѣлый рядъ памятниковъ, о которыхъ мы сейчасъ будемъ говорить, наглядно покажетъ намъ, какъ трудно было московскимъ защитникамъ старины спасти себя отъ этихъ вліяній...

Полемика дѣлается господствующимъ теченіемъ московской общественной жизни и литературы... Уже на самомъ рубежѣ, отдѣляющемъ московскую литературу отъ предшествовавшей литературы Удѣльной

Руси, вспыхиваетъ борьба съ еретическими мнѣніями „жидовствующихъ“; далѣе, во все продолженіе XVI в., идетъ борьба съ отдѣльными „еретиками“, съ различными „сумнѣніями“ и „шатаніями“, возникающими въ Московскомъ Государствѣ въ сферѣ умственной и религіозной, отчасти спеціально литературной,—съ начавшими проникать къ намъ различными западными „альманахами“, „звѣздозрительными художествами“, и т. п. книжными „прелестями“; въ самомъ началѣ XVII вѣка на московскихъ площадяхъ и по другимъ городамъ жгутъ всенародно „польскія“ и „литовскія“ книги, шедшія изъ юго-западной Руси,—по городамъ разсылаются грамоты, чтобы тѣхъ „еретическихъ“ книгъ никто не держалъ и чтобы онѣ отнюдь не заходили въ предѣлы Московскаго царства...; спустя нѣсколько лѣтъ, вспыхиваетъ ожесточенная полемика съ самими кіевлянами,—еще ранѣе этого наиболѣе типичной и рѣзкой является борьба съ расколомъ и самое появленіе раскола и т. д. и т. д.

Столкновеніе, возникшее на почвѣ полемики изъ-за „еретиковъ“, быстро переходитъ къ обсужденію болѣе общихъ вопросовъ современной монашеской и церковной жизни. Рамки полемики какъ-то само собой разширяются, и литература, въ видѣ различныхъ „словъ“ „бесѣдъ“, „посланій“, дѣлаетъ первыя попытки затронуть нѣкоторые вопросы чисто общественнаго характера... Рядомъ съ возникшимъ по поводу еретиковъ вопросомъ о религіозной терпимости,—заявляется общее критическое отношеніе къ господствующему типу монашества; изъ отвлеченной монашеско-аскетической сферы мысль переходитъ къ окружающей дѣйствительности; современное русское иночество, какъ оно проявлялось въ жизни, сопоставляется съ высшими, болѣе духовными, требованіями и идеалами: ставится вопросъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ инокамъ владѣть вотчинами, согласно ли это съ идеалами истиннаго подвижничества; въ современномъ монашествѣ указывается цѣлый рядъ иноковъ,

„кружающихъ стяжаній ради“, „прошаковъ, безстудно у дверей стоящихъ“, „лже-монаховъ“, которыми „отягчаются вся грады и веси“... Отъ монастыря критическая мысль быстро поднимается и выше: затрогиваются вопросы о „властелѣхъ и судіяхъ“, даже о „царѣхъ“,—не слишкомъ ли они „потакаютъ“ нокамъ, даютъ имъ много вотчинъ, да и сами судятъ-ли и управляютъ „по правдѣ“, и какъ вообще „устрояютъ“ свое государство... Отъ аскетическихъ трактатовъ литература впервые переходитъ къ обсужденію вопросовъ болѣе близкой жизни... Передъ нами—первые зародыши литературныхъ протестовъ противъ общественныхъ „нестроеній“,—первые зачатки общественной критики, критическаго отношенія къ различнымъ явленіямъ современной церковности, къ характеру всей общественности...

Съ другой стороны, въ связи съ общимъ подъемомъ мысли и разширеніемъ литературы,—въ Москвѣ появляются первые опыты публицистики... Разумѣемъ сочиненія Котошихина († 1667) и Крижанича († кон. XVII в.), пытающіяся придать возникшему критическому броженію болѣе широкое направленіе и являющіяся наглядным свидѣтельствомъ пробужденія въ московскомъ обществѣ пол. XVII в. болѣе серьезнаго общественнаго самосознанія. Имена Матвѣева, Ртищева, Ордина-Нащокина и др. показываютъ, что взгляды Котошихина и Крижанича не были единичными и случайными... Особенно важными являются сочиненія Крижанича, пытающіяся внести въ русское общественное самосознаніе широкое политическое содержаніе,—хотя мы не знаемъ, на сколько эти попытки достигали цѣли...

Особенно могущественно вліяютъ новыя политическія связи и отношенія—съ юго-западной Русью, Польшей и непосредственно съ Западомъ. Въ связи съ общими культурными вліяніями, шедшими съ Запада, въ XVI—XVII в. мы видимъ въ Московскомъ Государствѣ небывалый дотолѣ наплывъ

западной литературы. Усиленіе переводовъ съ Запада вообще существенная черта литературы Московскаго Государства. Литература переводная западно-европейская быстро пріобрѣтаетъ господствующее положеніе,—оттѣсняя старую, византійскую.

Подъ вліяніемъ шедшимъ изъ Польши въ московской литературѣ быстро развивается исторіографія,—переводная и оригинальная,—появляются переводныя космографіи, сочиненія астрологическія, календарныя и т. п.

Въ связи съ переводной повѣстью появляются слабые опыты оригинальной поэзіи, беллетристики; область литературы повѣствовательной вообще значительно увеличивается. Разъ пробужденная критическая мысль дѣлаетъ попытки обратиться къ сатирѣ, пародіи, насмѣшкѣ: въ литературѣ вырабатывается новая, совершенно оригинальная литературная форма—шутливыхъ „челобитныхъ“, сатирическихъ „списковъ съ судныхъ дѣлъ“, пародій на церковные „тропари“ и „кондаки“, и т. п. Обнаруживается стремленіе книжной литературы сблизиться непосредственно съ областью устнаго народнаго творчества, и т. д.

Непосредственное вліяніе юго-западной литературы и образованія на первыхъ же порахъ сказывается—помимо расширенія собственно литературы духовной, появленія новыхъ сочиненій богословскихъ, полемическихъ, новыхъ переводовъ патристическихъ, — возникновеніемъ въ Москвѣ литературы проповѣдной, первыми опытами литературы учебной и научной, появленіемъ въ Москвѣ первыхъ образчиковъ духовной драмы, развитіемъ вкуса къ силлабической поэзіи, бывшей дотолѣ еще неизвѣстной въ Москвѣ, опытами произведеній панегирическихъ, и т. д.

Болѣе замѣтнымъ центромъ литературной дѣятельности на первыхъ порахъ, въ XIV—XV вв., является Новгородъ; къ концу XV вѣка начинаетъ болѣе замѣтно обнаруживать свою умственную дѣятельность и Москва: вмѣстѣ

съ политической жизнью, и литература централизуется, „собирается“ ок. Москвы. Въ концѣ XVI в.—перв. пол. XVII-го рядомъ съ Москвой—другимъ центромъ, на западѣ, возникаетъ Кіевъ; но со второй пол. XVII в., въ силу общаго своего политическаго роста, отчасти и совершившагося ок. этого времени присоединенія Малороссіи,—господствующимъ центромъ умственной и литературной жизни окончательно дѣлается Москва...

Такова общая картина; переходимъ къ подробностямъ. Мы не будемъ впрочемъ останавливаться на всѣхъ отмѣченныхъ сторонахъ московской литературы.

Совершившееся политическое объединеніе находитъ рано живое отраженіе въ литературѣ.

Начиная съ момента Флорентійской уніи и паденія Константинополя, передъ нами цѣлый рядъ написанныхъ по различнымъ поводамъ литературныхъ произведеній, которыя постепенно все настойчивѣе и ярче выражаютъ идею совершившагося политическаго роста Москвы, необыкновеннаго усиленія ея религіозной и политической роли,—въ основѣ которыхъ прославленіе новаго, возникшаго теперь, „твердаго и честнаго и крѣпкаго царства“, „Руссійской земли“, которая „божіею милостью и молитвами пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ чудотворецъ, растетъ, младѣетъ и возвышается“...

Литературные памятники этого рода на первыхъ порахъ группируются около двухъ названныхъ современныхъ событій, наиболѣе поразившихъ мысль московскихъ книжниковъ—Флорентійской уніи и паденія Константинополя. Въ *Повѣсти, како римскій папа Евгеній состави осмый соборъ съ своими единомышленники*, написанной суздальскимъ іереемъ Симеономъ, не безъ намѣренія уже отмѣчается, что митр. Иси-

дору, представителю Москов. Руси, на соборѣ и императоръ и папа и патріархи воздаютъ „велію честь“,—садятъ его на патріаршее мѣсто, такъ какъ „въ Руси великое православное христіанство“... Великій князь московскій, разрушившій замыселъ папы, уподобляется царю Константину, „сотворшему православіе“, и в. кн. Владимиру, „крестившему русскую землю“; московскій князь называется „русскія земли утвержденіемъ и православной вѣрѣ исправленіемъ“... „Радуйся, православный княже Василіе, всѣми вѣнцы украсивыйся православныя вѣры греческія—взываетъ къ нему авторъ повѣсти—и съ тобою радуются вси православніи князи русстіи!..“ Св. чудотворецъ Петръ, митрополитъ всея Руси, говоритъ въ заключеніе авторъ, обращаясь къ князю—„вразуми тя и научи положенный ти вѣнецъ на главѣ твоей истинныя православныя вѣры сохранити, поне и самому тому греческому царю, киръ Ивану, отступившу отъ свѣта благочестія и омрачившемуся тмою латинскія ереси,—твое же отечество, княже Василіе, Русская земля просвѣтися свѣтомъ благочестія“...

Въ *Словѣ избранномъ отъ св. писаній еже на латыню*, написанномъ по поводу избранія и поставленія м. Θеодосія (въ 1461 году) и, по догадкѣ проф. Павлова, принадлежащемъ перу извѣстнаго Пахомія Логоѳета,—вполнѣ уже опредѣляется политическая роль московскаго великаго князя и московскаго царства среди другихъ удѣльныхъ княжествъ. По замѣчанію изслѣдователя, въ „Словѣ“—„бросается въ глаза постоянное употребленіе титула царь, боговѣнчанный царь при имени вел. кн. Василья Васильевича“... „Авторъ заставляетъ самого греческаго царя Іоанна Палеолога признать за русскимъ великимъ княземъ несомнѣнное право на этотъ титулъ и торжественно заявить о томъ предъ восточными и западными іерархами, собравшимися на соборъ въ Феррару. И не збороваше долго, разсказываетъ авторъ, ожидающе отъ великыя Руси ми-

трополита Исидора... Царь же тогда киръ Іоаннъ извѣствоваше слово Евгенію папѣ римьскому и всѣмъ, бывшимъ ту, яко восточніи земли суть рустіи, и бо́льшее православіе и вышьшее христіанство—Бѣлые Руси, въ нихъ же есть государь великій, братъ мой, Василей Васильевичъ, ему же восточніи царіе прислухаютъ и велиціи князи съ землями служатъ ему. Но смиренія ради благочестіа и величествомъ разума благовѣрія не зовется царемъ, но княземъ великимъ русскимъ своихъ земль православія“...

При разсказахъ о паденіи Константинополя, немедленно припомнились различныя старыя пророчества о судьбѣ Константинополя,—которыхъ издавна не мало обращалось въ византійской письменности, пріурочиваясь къ различнымъ историческимъ фактамъ. Въ нашей письменности между прочимъ были издавна извѣстны переведшія изъ Византіи пророчества Меѳодія Патарскаго, нѣкоего Льва Премудраго и так. наз. *Видѣнія пророка Даніила.* Теперь эти пророчества какъ нельзя лучше подходили, по взгляду московскихъ книжниковъ, къ новымъ совершившимся событіямъ. Съ конца XV в. византійскія „пророчества“ и „видѣнія“ стали приспособляться къ Московскому Государству... Одна изъ многочисленныхъ повѣстей *о паденіи Царяграда* припоминаетъ въ концѣ разсказа старыя пророчества: „Такъ совершилось за грѣхи наши, заключаетъ авторъ свое повѣствованіе о совершившемся событіи: беззаконный Махметъ сѣлъ на царскомъ престолѣ—на престолѣ, который благороднѣе всѣхъ, какіе есть подъ солнцемъ—и сталъ владѣть двумя частями вселенной... Но помни, окаянный,—грозно обращается авторъ къ этому Махмету—если совершилось все предсказанное при царѣ Константинѣ, и Меѳодіемъ Патарскимъ и Львовъ Премудрымъ, если всѣ знаменія объ этомъ городѣ исполнились, то совершится и послѣднее, какъ

сказано: Русскій родъ сразится съ измаильтянами, и возьмутъ Седьмихолмный съ первозаконными его обладателями, и воцарятся въ немъ!“...

Въ повѣсти *О взятіи Царяграда отъ безбожнаго Турскаго царя Амурата, еже бысть въ лѣто 6961* — вполнѣ опредѣленно указывается та политическая роль, которая выпадаетъ Москвѣ, Руссійской землѣ, теперь, съ паденіемъ Царяграда, прежняго представителя и хранителя православія. „Вся благочестивая царствія, греческое и сербское, басанское и арнабазское и иніи мнози... божіимъ попущеніемъ безбожніи турци поплѣниша и въ запустѣніе положиша и покориша подъ свою власть. Наша же Россійская земля, божіею милостью и молитвами пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ чудотворецъ, растетъ и младѣетъ и возвышается. Ей же, Христе милостивый, даждь расти и младѣти и разширятися до скончанія вѣка...“

Въ составленномъ м. Зосимой (1490—1494) *Извѣщеніи о пасхаліи на осьмую тысячу лѣтъ*, помѣщенномъ въ солов. Кормчей 1493 года,—едва ли не впервые указывается непосредственная преемственность Москвы послѣ Царьграда,—высказывается мысль о замѣнѣ „новаго града Константина“, Царьграда, „новымъ градомъ“, „повымъ Римомъ“— Москвой: „И бысть, говоритъ составитель пасхаліи, по прехожденіи лѣтъ прослави Богъ православнаго перваго царя Константина...; и божіею волею сотвори градъ во имя свое и нарече и градъ Константинъ, еже есть Царьградъ, и нарече ся Новый Римъ. И болма простреся православная вѣра Христова по всей земли. По сихъ же лѣтѣхъ избра себѣ Господь Богъ отъ идолопоклонникъ сосудъ чистъ, благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Владимира.., иже пріимъ отъ Константина града... православную вѣру Христову... и нареченъ бысть вторый Константинъ. И нынѣ же, въ послѣднія сія лѣта, якоже и первая, прослави Богъ сродника его, иже въ православіи просіявшаго, благовѣрнаго... князя

Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, новаго царя Константина новому граду Констянтину—Москвѣ“...

Посланія нѣкоего Филофея, старца одного псковскаго монастыря, написанныя въ 20-хъ—50-хъ гг. XVI в., даютъ уже окончательную формулу сложившихся въ обществѣ новыхъ политическихъ взглядовъ и представленій. „Вся христіанскія царства—пишетъ псковскій старецъ къ боярину-намѣстнику—преидоша въ конецъ и снидошася во едино царство нашего государя, то есть Россійское царство... Два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти“... „Да вѣсть твоя держава, благочестивый царю—пишетъ старецъ въ посланіи къ великому князю московскому—яко вся царства православныя христіанскія вѣры снидошася въ твое едино царство: единъ ты во всей поднебесней христіаномъ царь“...

Возникаетъ рядъ сказаній о томъ, какъ величайшія святыни, бывшія ранѣе въ Римѣ или въ Константинополѣ,—теперь сами собой, „божьими судьбами“ переходятъ въ Москву... Этотъ переходъ долженъ былъ наглядно указывать современникамъ религіозную и политическую преемственность новаго возникшаго царства,—„третьяго Рима“, послѣ того какъ пали „первый“ Римъ и „второй“... По *легендѣ о посѣщеніи Руси ап. Андреемъ*—какъ эта легенда передается въ Степенной Книгѣ—уже этимъ апостоломъ предвозвѣщается на Руси будущее „священное чиноначаліе“ и „царское скипетроправленіе“... *Повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ* разсказываетъ, какъ бѣлый клобукъ—нѣкогда принадлежавшій лишь римскимъ папамъ — когда послѣдніе впали „въ аполлинаріеву ересь, опрѣсночное служеніе“, былъ отправленъ однимъ изъ папъ, по повелѣнію ангела, въ Константинополь, а отсюда, по новому ангельскому указанію, на Русь, въ Новгородъ,—дабы „въ семъ градѣ (Константинополѣ), не завладѣли этой святыней (бѣлымъ клобукомъ) агарянстіи внуци и погани и не

поругались ей... „Якоже бо суть отъ Рима благодать и слава и честь православія отъяся,—поясняетъ авторъ повѣсти,—тако и отъ царствующаго сего града (Константинополя) благодать св. Духа отъимется въ плѣненіе агарянское, и вся святыня предана будетъ отъ Бога величѣй Рустей земли во времена своя, и царя русскаго возвеличитъ Господь надъ многими языки“... Въ этихъ словахъ ясно обнаруживается основная идея повѣсти—возвеличеніе русской земли, Московской Руси, ея церковнаго авторитета. „Эмблема высшей церковной власти—бѣлый клобукъ—передвигается изъ Рима и Константинополя въ русскую землю“... Любопытно, что эта великая святыня сначала достается новгородскимъ митрополитамъ, и лишь потомъ, отъ нихъ, переходитъ въ Москву, къ митрополитамъ московскимъ. Повѣсть очевидно первоначальное происхожденіе получила въ Новгородѣ, возникла вѣроятно въ кон. XV—нач. XVI в., и въ своихъ первыхъ редакціяхъ принадлежала къ циклу мѣстныхъ новгородскихъ сказаній... Та же идея возвеличенія Русской земли, передъ Царьградомъ лежитъ въ основѣ *Сказаніе о Тихвинской иконѣ Богоматери*,—лѣтописнаго разсказа *О новгородской Спасовой иконѣ* и др. п.

Новый рядъ легендъ сосредоточивается ок. самой Москвы. Легенды съ особой религіозно-исторической точки зрѣнія санкціонируютъ въ глазахъ современниковъ совершившіяся политическія событія, въ то же время—тѣми выводами, которые могли дѣлаться, и дѣйствительно дѣлались изъ подобныхъ сказаній тогдашней политической практикой—заключая въ себѣ и немаловажное, чисто реальное значеніе.

Уже въ *Житіи м. Петра*, составленномъ м. Кипріаномъ († 1406) довольно опредѣленно указывается, въ формѣ пророчества, будущее политическое значеніе Москвы. „Градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ градѣхъ русскихъ, и святители поживутъ въ немъ, и взыдутъ руцѣ его на плеща враговъ его“... Позднѣе эта мысль кладется въ основу цѣлыхъ ле-

гендъ. Въ центрѣ этого рода московскихъ сказаній можетъ быть поставленъ циклъ сказаній о Мономаховомъ вѣнцѣ.

„Въ казнѣ московскихъ государей уже со временъ Калиты были извѣстны особенно почитаемыя князьями облаченія: животворящій крестъ, златая шапка, бармы и др. Весьма возможно, что эти предметы въ разное время и по разнымъ случаямъ были присланы изъ Греціи или пріобрѣтены тамъ. Они-то и послужили исходнымъ пунктомъ сказанія о присылкѣ царственныхъ регалій изъ Греціи“... Сказаніе было прикрѣплено къ имени Владимира Мономаха, какъ къ лицу, болѣе всего подходящему,—народному герою, сыну греческой царевны, про котораго еще мнтр. Никифоръ писалъ, что „его Богъ издалеча проразумѣ и предповелѣ, его же изъ утробы освяти и помазавъ, отъ царское и княжьское крови смѣсивъ, его же благочестіе воспита“ и т. д.

По выводамъ изслѣдователя, основной и наиболѣе ранней струей въ сложномъ циклѣ этого рода московскихъ сказаній должно быть признано особое народно-поэтическое сказаніе, о воинѣ кн. Владимира съ греками,—циркулировавшее на Руси приблизительно въ XV—XVI вв., родственное съ дошедшими до насъ былинами Владимирова цикла и представлявшее эпическое воспоминаніе о походѣ Владимира Св. на Корсунь. Древняя „былина“ о войнѣ Владимира съ греками не дошла до насъ въ ея первоначальномъ видѣ. Она извѣстна намъ по книжнымъ передѣлкамъ XV—XVI вѣковъ (разсказъ о воинѣ Владимира Всеволодовича съ греческимъ царемъ Константиномъ Мономахомъ; разсказъ о походѣ Владимира Мономаха на Кафу; извѣстіе о царскомъ вѣнчаніи Владимира святого послѣ взятіи Корсуни). Разница въ составѣ разсказовъ объясняется не одинаковыми историческими пріуроченіями одного и того же основного преданія. Разнообразные лѣтописные разсказы на подобныя темы были попыткой воспользоваться для историческаго повѣствованія на-

родно-поэтическимъ матеріаломъ. Въ этомъ случаѣ особенную роль сыграли изстари обращавшіяся въ нашей письменности византійскія легенды о томъ, какъ греческій царь Леонъ, „въ святомъ крещеніи Василій“, добылъ изъ Вавилона драгоцѣнности, принадлежавшія нѣкогда Новуходоносору... Въ свою очередь эти сказанія примыкали и въ Византіи—а оттуда и у насъ—къ болѣе широкому циклу сказаній о Вавилонѣ, отзвукомъ которыхъ у насъ между прочимъ была *Притча о Вавилонѣ градѣ*... Литературная исторія сблизила эти сказанія переводнаго происхожденія съ мѣстными, туземными повѣствованіями, книжными,—къ пол. XVI в. уже сильно циркулировавшими на Руси,—съ сказаніями объ исконныхъ генеалогическихъ связяхъ московскихъ великихъ князей съ императорами римскими и о перенесеніи на Русь, еще при Владимирѣ Мономахѣ, греческихъ царскихъ регалій... Въ длинномъ ряду этихъ книжныхъ повѣствованій, довольно различныхъ между собою, наиболѣе раннимъ текстомъ—если не первоначальнымъ, то ближайшимъ къ первоначальному—изслѣдователь признаетъ текстъ, представляемый такъ наз. *Сказаніемъ о великихъ князехъ владимірскихъ*. „Сказаніе“, по выводамъ изслѣдователя, должно быть поставлено въ основѣ всѣхъ остальныхъ книжныхъ сказаній этого цикла, всѣ они идутъ уже отъ него. Бо́льшею частью дословно „Сказаніе“ воспроизводится въ *Посланіи о Мономаховомъ вѣнцѣ* нѣкоего Спиридона-Саввы, современника в. кн. Василія Ивановича, написанномъ не позже 1523 года,—въ особомъ *родословіи великихъ князей русскихъ*, дошедшемъ до насъ въ пересказахъ, сходныхъ въ основѣ, но различныхъ по передачѣ или опущенію нѣкоторыхъ подробностей,—далѣе, въ разсказѣ о Мономаховыхъ утваряхъ, какъ отдѣльной статьѣ, встрѣчаемой въ нѣкоторыхъ спискахъ хронографа, различныхъ сборникахъ, а также читаемой на затворахъ царскаго мѣста въ Успенскомъ соборѣ (царское мѣсто устроено было въ 1551 году), и носящей заглавіе: *Поставленіе* (или *О постав-*

ленiи) великихъ князей русскихъ на великое княженiе откуду бѣ, и како начаша ставитися святыми бармами и царскимъ вѣнцемъ,—наконецъ, рядъ *краткихъ пересказовъ*, читаемыхъ въ Степенной Книгѣ и другихъ лѣтописныхъ сводахъ московской редакцiи, въ Густынской лѣтописи, Синопсисѣ и т. д. Позднѣе отзвуки этихъ сказанiй—мѣстныхъ книжныхъ и заносныхъ, переводныхъ—отразились и въ области устной народной поэзiи, доказательствомъ чего являются такiя произведенiя, какъ *самарская сказка о Бормѣ-ярыжкѣ* и т. п.

„Сказанiе о князехъ владимирскихъ“ и передѣлка его, посланiе Спиридона-Саввы, являются вообще чрезвычайно любопытными памятниками. Помимо своего непосредственнаго отношенiя къ циклу московскихъ сказанiй о царскихъ инсигнiяхъ, „Сказанiе“ является весьма любопытнымъ въ другомъ отношенiи: своимъ происхожденiемъ оно указывало главный исходный источникъ у насъ тѣхъ генеалогическихъ баснословiй, которыя съ пол. XVI вѣка начинаютъ особенно сильно циркулировать въ московской историографiи,—и какъ оффицiально признанныя заносятся и въ Степенную Книгу,—вмѣстѣ съ этимъ является и вообще однимъ изъ яркихъ памятниковъ той литературной струи, которая уже съ конца XIV в. является довольно замѣтной въ литературной жизни Московской Руси... Источникъ упомянутыхъ генеалогическихъ баснословiй до послѣдняго времени искали въ польской историографiи XVI—XVII вв.; обслѣдованiемъ литературной исторiи названнаго „Сказанiя“ проф. Ждановъ указалъ для этихъ фантастическихъ генеалогiй другой источникъ—южное славянство, южно-славянское вляниe, съ конца XIV в. дѣлающееся весьма ощутительнымъ въ московской письменности. Проф. Ждановъ ставитъ Сказанiе въ ближайшую связь съ начальной редакцiей Степенной Книги. Изслѣдователь между прочимъ указываетъ на очевидную отрывочность Сказанiя: оно не имѣетъ ни начала, ни конца. Памятникъ начинается словами: „Отъ исторiи Ханаановы

и предѣла Арфаксадова, перваго сына Ноева, рождьшагося по потопѣ; по отца своего Ноя благословенію раздѣлися вся вселенная на три части“ и т. д. „Въ такомъ заглавіи бросается въ глаза отсутствіе вступительной замѣтки, отсутствіе „приступа“, столь обычнаго въ произведеніяхъ нашихъ старинныхъ книжниковъ. Что касается окончанія Сказанія, то оно обрывается на замѣткѣ о папѣ Формозѣ; въ нѣкоторыхъ спискахъ эта замѣтка опущена. Такое вступленіе и заключеніе придаютъ Сказанію видъ какого-то фрагмента, видъ небольшой главы, входившей первоначально въ составъ какого-то болѣе обширнаго труда. Отрывочность Сказанія подтверждается и самымъ его заглавіемъ. Памятникъ называется: „Сказаніе о князехъ владимирскихъ“, но о князьяхъ владимирскихъ въ немъ совсѣмъ не говорится“... Какой же видъ могъ имѣть этотъ первоначальный памятникъ, на основѣ котораго сложилось „Сказаніе о князехъ владимирскихъ“ и его позднѣйшая переработка? ставитъ вопросъ изслѣдователь, и отвѣчаетъ: „Сказаніе“ расположено по родословной схемѣ: Рюрикъ—отъ рода кесаря Августа; отъ Рюрика четвертое колѣно—Владимиръ Св., отъ него четвертое колѣно Владимиръ Всеволодовичъ. На разсказѣ о Владимирѣ Всеволодовичѣ Сказаніе обрывается. Не слѣдуетъ ли предположить, что родословіе продолжалось и далѣе?“.. По мнѣнію изслѣдователя, едва ли „Сказаніе о князьяхъ владимирскихъ“ не представляетъ собой отрывка того генеалогическаго труда, который приписывается (хотя бы ошибочно) м. Кипріану. „Схема, данная этимъ памятникомъ, могла лечь въ основу позднѣйшихъ генеалогическихъ работъ, причемъ позднѣйшій текстъ могъ подвергаться и сокращеніямъ и добавкамъ. На той же генеалогической схемѣ, осложненной сводомъ историческихъ извѣстій и сказаній, построена и Степенная Книга“...

Путемъ сопоставленій съ другими современными памятниками, изслѣдователь прочно установляетъ время появленія „Сказанія“: конецъ XV и нач. XVI ст.,—не позже 1523 года;

Сказаніе явилось не позже 1523 года, потому что не позже этого года написано Посланіе Спиридона-Саввы, являющееся лишь слабой передѣлкой „Сказанія“. Съ другой стороны, „Сказаніе“ явилось очевидно и не раньше 1480 года,—когда было написано извѣстное посланіе на Угру рост. архіеп. Васcіана († 1481), который е щ е н е з н а е т ъ „Сказанія о князехъ владимирскихъ“, не упоминаетъ о немъ, хотя по содержанію посланія, не могъ бы не упомянуть о „Сказаніи“, если бы памятникъ существовалъ въ то время, когда было писано посланіе... Авторомъ Сказанія изслѣдователь склоненъ считать извѣстнаго сербскаго книжника Пахомія Логофета, такъ много трудившагося именно въ это время въ нашей письменности. По этому поводу изслѣдователь справедливо указываетъ—рядомъ съ извѣстной, чисто литературной—политическую сторону дѣятельности заходившихъ къ намъ въ это время болгаръ, сербовъ, и вообще южныхъ славянъ,—такихъ лицъ, какъ м. Кипріанъ († 1406), Пахомій Логофетъ († кон. XV в.), Аникита Левъ Филологъ и др. „Захожіе болгары и сербы, говоритъ изслѣдователь, являлись къ намъ съ запасомъ литературной образованности, они цѣнились какъ книжные люди, искусные въ плетеніи словесъ; но литературнымъ вліяніемъ не ограничивалось значеніе этихъ представителей юго-славянской учености. Митр. Кипріанъ былъ не литературнымъ только, но и государственнымъ дѣятелемъ. Ему приходилось считаться съ задачами и стремленіями московскаго правительства, съ вопросами, выдвигавшимися движеніемъ русской государственной жизни. Отвѣты, которые могъ давать на эти вопросы ученый болгаринъ, опредѣлялись, конечно, кругомъ тѣхъ политическихъ воззрѣній, которыя были въ ходу на его далекой родинѣ, которыя сложились подъ вліяніемъ исторіи балканскихъ государствъ“... Изслѣдователь ставитъ на видъ, что при м. Кипріанѣ у насъ между прочимъ отмѣнено было поминаніе византійскихъ императоровъ; что въ Кипріановомъ житіи

м. Петра впервые записано упоминавшееся выше пророчество о Москвѣ, „открывавшее передъ потомками Калиты величественную картину: „Градъ сей славенъ будетъ во всѣхъ градѣхъ русскихъ,—и взыдутъ руцѣ его на плеща враговъ его!“.. Вполнѣ опредѣленный политическій оттѣнокъ имѣли и сочиненія Пахомія Логофета. Изслѣдователь приводитъ отмѣченное нами выше „Слово избрано отъ св. писаній еже на латыни“, приписываемое Пахомію Логофету, гдѣ при имени в. кн. Василья Васильевича постоянными эпитетами являются слова „царь“, „боговѣнчанный царь“,—„титулъ, еще слишкомъ необычный для русскаго писателя“... Каковы же были задачи и стремленія московскаго правительства въ концѣ XV—нач. XVI в.? „Съ 1453 года—приводимъ въ отвѣтъ слова названнаго изслѣдователя — Цареградъ находился въ рукахъ турокъ. Не было уже „каѳолическаго царя“. Московскимъ князьямъ улыбалась мысль замѣстить своею властью оказавшійся пробѣлъ. Имъ не трудно было воспользоваться при этомъ тѣми внушеніями, которыя приходилось слышать отъ греческаго духовенства: „невозможно христіанамъ имѣть церковь, а царя не имѣть“... Для московскихъ претендентовъ на византійское наслѣдство представлялось однако затрудненіе со стороны традиціоннаго смысла византійскаго царства: каѳолическій царь отожествлялся съ императоромъ римскимъ... Но вѣдь въ самый Цареградъ, этотъ новый Римъ, развѣ не перенесена была власть изъ другаго, древняго Рима? Римское царство обладаетъ, очевидно, способностью передвиженія. Поэтому и удаленное изъ Цареграда, оно, это передвижное „царство“, могло отыскать себѣ какой-нибудъ новый пріютъ. Гостепріимная Москва радушно предложила этотъ пріютъ въ своихъ стѣнахъ, во дворцѣ своихъ великихъ князей... Явилось представленіе, что Москва—третій Римъ, причемъ, конечно, предполагалось, что этотъ третій Римъ есть вмѣстѣ и послѣдній. „Два Рима пали, третій—Москва стоитъ а четвертому не быть“. Но вѣдь Константинъ, основатель

второго Рима, былъ дѣйствительно императоромъ; римская власть переселялась на берега Босфора въ его лицѣ. Какимъ путемъ и по какому праву римская власть, удаленная изъ Константинова града, должна переселиться въ Москву? Московскій князь не могъ быть провозглашенъ римскимъ императоромъ. Оставалось перенести вопросъ на почву генеалогическихъ отношеній и историческихъ связей, отыскать для перенесенія имперіи въ Москву какія-нибудь основанія въ быломъ. Нужно было предъявить права на наслѣдство и представить при этомъ оправдательные документы. *Сказаніе о князехъ владимирскихъ* имѣетъ значеніе именно такого документа. Мы узнаемъ изъ него, что предокъ московскихъ князей былъ коронованъ византійскимъ императорскимъ вѣнцемъ, принявъ при этомъ титулъ царя; узнаемъ за тѣмъ, что наши князья приходятся сродни самому основателю римской имперіи—Августу"... Въ XVI в., особенно въ царствованіе Грознаго, эта генеалогія считается уже внѣ сомнѣній, и смѣло заявляется при дипломатическихъ сношеніяхъ. „Мы отъ Августа кесаря родствомъ ведемся", пишетъ Грозный шведскому королю; „это всѣмъ извѣстно", заявляетъ онъ лично литовскому послу Гарабурдѣ...

Авторомъ „Сказанія", этимъ „смѣлымъ генеалогистомъ", по изысканіямъ изслѣдователя, нужно признать того же Пахомія Логофета, которому приписывается и упоминавшееся выше „Слово еже на латыню". „Тотъ кругъ свѣдѣній, который обнаруживаетъ авторъ Сказанія, его начитанность и литературная сноровка, его безцеремонное обращеніе съ фактами, тенденція, лежащая въ основѣ его произведенія,—все это вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что́ извѣстно о знаменитомъ агіографѣ... „Сказаніе" могло представлять вступительную главу въ Степенной Книгѣ древней, до-Макарьевской редакціи... Не была ли трудомъ Пахомія и вся Степенная Книга древней редакціи?"—ставитъ вопросъ изслѣдователь.

Съ „Сказаніемъ о князехъ владимирскихъ“ представляетъ ближайшее, бо́льшею частью дословное сходство упомянутое выше *Посланіе* нѣкоего Спиридона-Саввы, современника в. кн. Василья Ивановича (1505—1533). Авторъ называетъ себя въ самомъ началѣ посланія,—здѣсь же, изъ самаго начала посланія, обнаруживаются и нѣкоторыя другія подробности, относящіяся къ памятнику: авторъ былъ повидимому епископомъ, и жилъ въ какомъ-то монастырѣ; написано посланіе было по требованію того лица, къ которому послано; изъ послѣднихъ строкъ посланія обнаруживается, что оно писано не позже 1523 года... Авторъ называетъ себя „Спиридонъ рекомый, Савва глаголемый“, въ моментъ написанія посланія былъ „старостью одержимъ многою“, имѣя отъ роду лѣтъ „девятьдесятъ и едино“. Кто-то настойчиво просилъ Спиридона сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія „отъ историкіи“; какъ видно, авторъ посланія былъ человѣкъ извѣстный своими познаніями, своей начитанностью... По соображеніямъ изслѣдователя, этимъ авторомъ былъ Спиридонъ, одно время митрополитъ кіевскій (1476—1477), и потомъ жившій на покоѣ въ Ферапонтовомъ монастырѣ,—авторъ *Изложенія о православной вѣрѣ* и *Житія свв. Зосимы и Савватія*, который по отзыву современниковъ, бѣ... мудръ добрѣ, умѣя писанія ветхая и новая,—„столпъ церковный“, по отзыву новг. архіеп. Геннадія... По вполнѣ возможной догадкѣ изслѣдователя, двойное имя автора Посланія указываетъ вѣроятно на то, что Спиридонъ принялъ въ это время „схиму“, при чемъ постригаемый мѣняетъ имя... Общій ходъ изложенія въ Посланіи тотъ же, что и въ Сказаніи; здѣсь нѣтъ только той отрывочности,—Посланіе не производитъ впечатлѣніе фрагмента, какъ „Сказаніе“, напротивъ является цѣльнымъ, вполнѣ закругленнымъ произведеніемъ. Изложеніе именитаго родства и исторія регалій являются здѣсь тѣсно связанными; связь замѣтна и въ самомъ изложеніи. Основная идея Сказанія выступаетъ въ Посланіи совершенно опредѣленно. Авторъ

Посланія, пользуясь Сказаніемъ, дѣлаетъ попытку связать исторіи московскаго царства съ исторіей всемірной,—и вмѣстѣ провиденціально указать на великое предназначеніе Москвы... „Главный, центральный пунктъ въ разсказѣ о древнихъ властодержащихъ—свѣдѣнія о кесарѣ Августѣ. Юлій Кесарь отправилъ Августа въ Египетъ. Приходитъ вѣсть о смерти Юлія. Римскія дружины провозглашаютъ Августа императоромъ. Провозглашеніе сопровождается обрядомъ переодѣванія. Августъ одѣтъ былъ въ порфиру и виссонъ Сеостра, начальнаго царя Египта; голова покрыта была митрой индѣйскаго царя Пора, принесенной Александромъ Македонскимъ; на плечи накинута была окрайница царя Филикса. Этотъ пестрый костюмъ долженъ былъ служить символическимъ выраженіемъ всемірной власти римскаго кесаря: онъ—наслѣдникъ Сеостра, Филикса, Пора, Александра... Въ его лицѣ сходилось все величіе былаго, отъ него же разошлась власть и сила по отдѣльнымъ странамъ: ставленники Августа сѣли и въ Египтѣ, и въ Сиріи, и на берегахъ Истра, и тамъ, гдѣ обитаютъ Угры, и на побережьѣ Вислы рѣки. Исторія Московскаго Государства двойнымъ узломъ связана съ этимъ давнимъ величіемъ Римской Имперіи. Русскіе князья—питомки Пруса, брата Августа и его намѣстника. Въ рукахъ московскихъ князей—завѣтная святыня, инсигніи византійскихъ царей, властителей новаго Рима, преемниковъ Августовой власти. „А царству ихъ (московскихъ князей) начатокъ отъ Сеостра и отъ Августа, кесаря Римска, сей бо Августъ пооблада вселенною“... Такъ оканчивается посланіе Спиридона. Передъ мыслью писавшаго эти строки носился образъ всемірной монархіи. Въ шапкѣ Мономаха и въ крабійцѣ, изъ которой „Августъ кесарь веселяшеся“, ему видѣлся символическій залогъ будущаго необъятнаго величія Москвы. Являлись вызванныя изъ сумрака вѣковъ величавыя тѣни римскаго императора и загадочнаго египетскаго Фараона и открывали передъ московскими князьями

заманчивую даль, на горизонтѣ которой рисовалось блестящее марево всемірной власти“...

Быстро развивавшееся сознаніе политическаго могущества къ концу XV вѣка уже вполнѣ опредѣленно высказывается лучшими людьми времени,—еще до окончательнаго сверженія татарскаго ига. Съ этимъ игомъ теперь уже не въ силахъ примириться русское чувство... Рост. архіеп. Васcіанъ († 1481) въ своемъ *Посланіи на Угру*, къ великому князю московскому,—называя великаго князя „въ благочестіи всея вселенныя въ концы возсіявшимъ“, „во царѣхъ пресвѣтлѣйшимъ, преславнымъ государемъ“,—съ негодованіемъ отвергаетъ самую мысль о какомъ-либо дальнѣйшемъ подчиненіи московскаго царства хану. „Который убо пророкъ пророчествовалъ, или апостолъ который, или святитель научи, сему богостудному и скверному, самому называющуся царю, повиноваться тебѣ, великому русьскыхъ странъ хрестьянскому царю?“—восклицаетъ архіепископъ... Посягательства татарскаго хана на титулъ царя авторъ посланія считаетъ совершенно незаконными,—татарскій ханъ „ни царь сый, ни отъ рода царьска“... Другое дѣло православный царь!.. „Се твердое и честное и крѣпкое царство да дастъ ти Господь Богъ въ руцѣ твои, Богомъ утвержденный владыка, и сынамъ сыновъ твоихъ, въ родѣ и родъ во вѣки!“—заканчиваетъ архіепископъ свое посланіе.

Совершавшійся ростъ политическаго самосознанія чрезвычайно ярко выражался и въ характерѣ отношеній московскаго правительства къ разнаго рода иностраннымъ заискиваніямъ... Заискиванія эти главн. образ. шли изъ Рима. Тамъ никакъ не хотѣли отказаться отъ цѣлей флорентійской уніи, и всячески добивались ея признанія въ Москвѣ,—причемъ московское правительство хотѣли прельстить различными болѣе или менѣе заманчивыми политическими предложеніями,—полученіемъ напр. королевскаго титула, пріобрѣтеніемъ константи-

нопольскаго „наслѣдія“ и т. п. На Константинополь въ Римѣ прежде всего и указывали, какъ именно на такое „наслѣдіе“ для Москвы. Поводомъ былъ бракъ Іоанна III съ Софьею Палеологъ. Уже въ 1473 году синьорія Венеціи писала Іоанну III,—что восточная имперія, „за прекращеніемъ императорскаго рода въ мужскомъ колѣнѣ, должна принадлежать вашему высочеству, въ силу вашего благополучнѣйшаго брака“... Изъ Рима предлагали оказать помощь,—въ случаѣ, если московскій великій князь захочетъ „за свою вотчину константинопольскую стояти“... Предложенія королевскаго титула тоже начались довольно рано. Все это обѣщалось и предлагалось конечно, подъ условіемъ принятія уніи. Дѣлаемыя предложенія московское правительство „оставляло бо́льшею частью безъ отвѣта, а если въ исключительныхъ случаяхъ и отзывалось о нихъ, то въ совершенно отрицательномъ смыслѣ“,—а иногда, прибавимъ, едва ли въ отвѣтахъ не сквозила и явная иронія.. Такъ, на предложенія Поссевина быть государемъ въ Царствующемъ градѣ—Іоаннъ Грозный отвѣчалъ: „Мы, великій государь, божіею благодатію дошли есмя совершеннаго возрасту, пятьдесятъ лѣтъ съ лѣтомъ намъ, ино мнѣ неколи ужъ перемѣнятись и на большое государство хотѣти; мы въ будущемъ воспріятія малаго хотимъ, а здѣшняго государства всея вселенныя не хотимъ,—будетъ ко грѣху поползновенно“... Что касается королевскаго титула, то уже Іоаннъ III опредѣленно высказалъ взглядъ на это московскихъ князей: „Московскіе князья изначала государи на своей землѣ, и имѣютъ поставленіе отъ Бога, и желаютъ, чтобы имъ и ихъ дѣтямъ до вѣка въ томъ быти, какъ есмя нынѣ на своей землѣ,—а поставленія, какъ есмя на передъ сего не хотѣли ни отъ кого, такъ и нынѣ не хотимъ“... Еще опредѣленнѣе сознаніе національной гордости высказалось въ Москвѣ въ 1587 г. послѣ смерти Стефана Батарія, по поводу переговоровъ о выборѣ царя Ѳеодора въ польско-литовскіе короли;

былъ возбужденъ вопросъ о титулѣ будущаго короля, и московскіе бояре твердо заявили, что титулъ долженъ быть такой: „Царь и великій князь владимирскій и московскій, король польскій и великій князь литовскій“, никакой другой формулы допустить не хотѣли. „Хотя бы, заявляли бояре, и Римъ старый, и Римъ новый, царствующій градъ Византія, начали прикладываться къ нашему государю,—то какъ ему можно свое государство Московское ниже какого нибудь другого государства поставить?“.. „Въ глазахъ людей, говорившихъ такія рѣчи, справедливо замѣчаетъ изслѣдователь,—могли-ли имѣть какую-нибудь цѣну мечты о византійскомъ наслѣдствѣ, о каѳолической монархіи?“.. Что касается согласія на унію,—то и тутъ на первыхъ же порахъ Москвой было заявлено вполнѣ опредѣленно: „Государь нашъ—велѣлъ уже Іоаннъ III отвѣтить папѣ—какъ напередъ того отъ прародителей своихъ законъ греческой держалъ крѣпко, такъ и нынѣ законъ свой греческой держитъ крѣпко, и впередъ законъ свой греческой хочетъ держать крѣпко“... Совсѣмъ иначе относилось московское правительство къ возможности получить санкцію на титулъ вселенскаго православнаго царя со стороны византійскаго Востока; это признаніе могло дѣйствительно въ глазахъ современниковъ имѣть силу какъ-бы свободной передачи Византіей своихъ политическихъ, нѣкогда принадлежавшихъ ей, правъ... И конечно, въ Москвѣ не безъ удовольствія въ 1561 году получили съ Востока соборную грамоту,—въ которой преподается и даруется московскому царю Ивану Васильевичу „быти и зватися ему царемъ законно и благочестно“. Въ особой грамотѣ патріархъ называетъ московскаго князя „царемъ и государемъ православныхъ христіанъ всей вселенной отъ востока до запада и до океана“... Патріархъ прибавляетъ, что о имени московскаго государя будутъ молить не только въ одной константинопольской церкви, но и по всѣмъ

другимъ,—„да будешь и ты между царями, писалъ патріархъ, какъ равноапостольный и славный Константинъ“... Въ 1586 году антіохійскій патріархъ уже въ такихъ выраженіяхъ пишетъ московскому царю: „Солнце же наше въ нынѣшніе дни—ваша царская милость; и кто видитъ царское лицо, возрадуется и прославитъ Бога, давшаго тебя въ утвержденіе просвѣщенія восточной церкви Христовой, какъ солнце свѣтящее надъ всѣми звѣздами“... А цареградскій патріархъ почти одновременно заявляетъ о московскомъ царѣ, что онъ—во всей подсолнечной одинъ „благочестивый царь“... Политическія отношенія Москвы и Византіи опредѣлились, и возможное „наслѣдіе“, какое могла получить Москва отъ Византіи, было получено...

Наиболѣе типичными представителями литературы Московскаго Государства, ея своднаго, компилятивнаго характера, являются разнаго рода сборники.

Изборники, или сборники, были вообще едва-ли не самымъ типичнымъ и во всякомъ случаѣ самымъ обширнымъ отдѣломъ нашей старой письменности... На древнерусскихъ сборникахъ особенно наглядно обнаруживались господствовавшія черты нашей старой письменности—помимо ея компилятивности, тѣсныя связи съ литературой южно-славянской и византійской, позднѣе—западно-европейской. Этотъ отдѣлъ нашей старой литературы еще недостаточно обслѣдованъ; но уже и теперь, на основаніи уже существующихъ изученій, обширный отдѣлъ древне-русскихъ сборниковъ можно раздѣлить на двѣ главныхъ основныхъ группы. Одну изъ этихъ группъ составляютъ сборники, которые своимъ содержаніемъ представляютъ извѣстные литературные типы, опредѣленную литературную физіономію,—составъ которыхъ былъ болѣе или менѣе строго опредѣленъ извѣстными границами. Извѣстный типъ сборника рѣзко отличался отъ другого, имѣлъ опредѣленный

литературный составъ, который располагался въ извѣстномъ, разъ выработанномъ, порядкѣ, имѣлъ опредѣленное назначеніе, свои опредѣленныя литературныя связи и генеалогію, вообще представлялъ собой болѣе или менѣе строго опредѣленное цѣлое, объединенное всей исторіей своего литературнаго прошлаго. Все это выражалось тѣмъ или другимъ техническимъ названіемъ,—усвоеннымъ за этимъ типомъ сборника. Отъ группы подобныхъ типическихъ сборниковъ рѣзко отличаются сборники другого рода,—сборники болѣе или менѣе случайнаго состава, весьма разнообразнаго и часто совершенно произвольнаго, обусловливавшагося чаще всего исключительно личнымъ вкусомъ и интересами составителя. Чуть не каждый изъ такихъ сборниковъ отличается отъ другихъ подборомъ статей, ихъ расположеніемъ, общимъ своимъ характеромъ; передъ нами статьи и цѣлыя сочиненія, или отрывки изъ нихъ, до безконечности разнообразныя, не связанныя никакою опредѣленною цѣлью или идеею, соединенныя въ одно цѣлое исключительно личнымъ вкусомъ составителя, его личными воззрѣніями, или иногда просто случайностью того литературнаго матеріала, который былъ у него подъ руками... Извѣстный опредѣленный литературный типъ здѣсь замѣняется характеромъ субъективно-компилятивнымъ. Сборники этой группы не имѣютъ никакихъ опредѣленныхъ названій или заглавій; это просто „сборники“, „съборъ отъ многъ отецъ на память и на готовъ отвѣтъ“, какъ сказано въ заглавіи одного изъ нихъ, собраніе всего того, что́ интересовало составителя, что́ казалось ему въ извѣстный моментъ особенно важнымъ, интереснымъ и практически полезнымъ („на готовъ отвѣтъ“...). Такихъ сборниковъ, конечно, гораздо больше, чѣмъ сборниковъ первой группы; въ общей массѣ дошедшихъ до насъ древнерусскихъ сборниковъ, столь многочисленныхъ въ каждой рукописной библіотекѣ, бо́льшая часть принадлежитъ къ этому второму виду... Не говоримъ о третьей группѣ, еще болѣе многочисленной, чѣмъ вторая,—о

тѣхъ „сборникахъ“ состоящихъ изъ разнородныхъ статей, принадлежащихъ различнымъ писцамъ, часто различнымъ литературнымъ эпохамъ и вѣкамъ, которые образовались вслѣдствіе случайнаго соединенія различныхъ произведеній въ одинъ переплетъ: такіе сборники, конечно, не могутъ быть разсматриваемы, какъ памятники особаго отдѣла литературной производительности древней Руси, не являются даже въ собственномъ смыслѣ „сборниками“, такъ какъ не обнаруживаютъ на себѣ даже руки компилятора,—а зависили исключительно отъ переплетчика...

„Сборники“, какъ литературная форма,—съ извѣстнымъ, разъ выработаннымъ характеромъ, или какъ результатъ личныхъ интересовъ „списателя“,—проходя черезъ всю нашу древнюю литературу, особенно дѣлаются преобладающими къ концу древняго періода, въ XVI—XVII вв., въ литературѣ Московскаго Государства,—долго удерживая свою позицію и позднѣе, въ литературѣ XVIII, даже XIX вв.... Разумѣемъ „литературу“, которая стояла особенно близко къ низшей читавшей массѣ, отвѣчала интересамъ читавшаго большинства; въ этомъ отношеніи разнаго рода „тетрадки“ и сборники—конечно, рукописные—и до сихъ поръ продолжаютъ представлять собой довольно замѣтную сторону простонародной литературы... Останавливаемся преимущественно на сборникахъ XVI—XVII вв., отчасти нач. XVIII.

Уже давно однимъ изъ нашихъ историковъ остроумно подмѣчена была черта позднѣйшихъ древнерусскихъ сборниковъ, довольно замѣтная, сравнительно съ болѣе ранними,—являющаяся типичной и для всего характера литературы Московскаго Государства. „Въ періодъ первоначальной русской церкви, замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ архіеп. Филаретъ въ своей „Исторіи“,—писали изборники, т. е. избранныя, лучшія мѣста изъ древнихъ учителей; въ вѣкъ Стоглава забыли уже и словъ „изборникъ“, а писали только сборники, т. е. сборъ всего, что̀ попадалось подъ руки,

вѣрнаго и ложнаго, полезнаго и пустаго, спасительнаго и вреднаго"... Эти слова чрезвычайнаго вѣрно отмѣчаютъ отличительную черту всей нашей литературы XVI—XVII вв.,—ея сводный, компилятивный характеръ.

Русскіе сборники XVI—XVII, нач. XVIII вв., своимъ быстро увеличивающимся составомъ, своимъ стремленіемъ къ компилятивности, какъ особой отличительной чертѣ, разнообразіемъ содержанія, тѣсной своей зависимостью отъ самыхъ различныхъ литературныхъ источниковъ,—наглядно свидѣтельствуютъ о чрезвычайно быстромъ развитіи около этого времени всей вообще нашей письменности, обогащеніи ея къ этому времени новыми, самыми разнообразными по характеру матеріалами, о томъ общемъ необыкновенно сильномъ умственномъ возбужденіи, которое переживала въ XVI—XVII вв. вся русская жизнь,—когда она увидѣла себя въ необходимости обратиться къ самымъ различнымъ умственнымъ источникамъ, впитать и переработать въ себѣ самые разнообразные литературные матеріалы... Русскіе сборники XVI—XVII, нач. XVIII вв. своимъ литературнымъ составомъ, тѣми матеріалами, которыми пользовались, какъ нельзя лучше отражаютъ на себѣ общій переходный характеръ современной литературы,—и то наслѣдіе, которое получила эта литература отъ прошлаго, и тѣ новыя иноземныя, преимущественно западныя, вліянія, которыя теперь съ особой настойчивостью проникали въ московскую жизнь и литературу. Сборники эти заключали въ себѣ такую массу совершенно новаго литературнаго матеріала, о какой наша старая, болѣе ранняя письменность не могла и мечтать! Быстро и широко раздвигая слишкомъ узкое дотолѣ міровоззрѣніе древне-русскаго читателя, разнообразя и обогащая его духовную пищу, эти сборники не только могущественно увеличивали массу читателей, пробуждали и усиливали любовь къ чтенію,—но вмѣстѣ съ этимъ давали въ значительной степени импульсъ и для развитія собственнаго, оригинальнаго литературнаго творчества. Одни изъ такихъ

сборниковъ тѣснѣе связаны съ прежней, болѣе ранней литературой, стоятъ ближе къ ней,—другіе болѣе примыкаютъ къ новымъ теченіямъ...

Наиболѣе типичными сборниками московской литературы XVI—XVII вв.,—помимо такихъ памятниковъ, какъ *Домострой*, *Четь-Минеи* м. Макарія, являются *Степенная Книга*, различные московскіе *лѣтописные своды*, рядъ редакцій *Хронографа*, *Азбуковники*, *Синодики*, различные *Лѣчебники*, или *Травники*, разнаго рода *Цвѣтники*, и т. п. Останавливаемся на нѣкоторыхъ изъ названныхъ памятниковъ.

Начало *Степенной Книги*, какъ лѣтописнаго свода, на основаніи словъ Татищева, обыкновенно приписывалось митр. Кипріану († 1406); недавно проф. Ждановымъ высказано было, по нашему мнѣнію, болѣе справедливое мнѣніе, что едва ли первоначальная, наиболѣе ранняя ея редакція не принадлежала перу Пахомія Логофета. Въ ближайшую связь съ первоначальной редакціей Степенной Книги проф. Ждановъ ставитъ изложенное выше „Сказаніе о князехъ владимирскихъ“. По мнѣнію изслѣдователя, едва-ли „Сказаніе“ не представляетъ отрывка того генеалогическаго труда, который приписывается Татищевымъ м. Кипріану; схема, данная Сказаніемъ, могла лечь въ основу позднѣйшихъ генеалогическихъ работъ, — между прочимъ и въ основу Степенной Книги. Во всякомъ случаѣ Степенная Книга, по своему возникновенію, была однимъ изъ ближайшихъ результатовъ литературныхъ вліяній въ московской Руси южнаго славянства,—въ связи съ ростомъ въ Московскомъ Государствѣ тѣхъ политическихъ взглядовъ и представленій, которые уже довольно опредѣленно сложились у насъ къ концу XV в., подъ вліяніемъ самыхъ историческихъ событій того времени, внѣшнихъ и внутреннихъ. Соотвѣтственно совершившемуся, или готовящему совершиться, политическому объединенію Московскаго Государства, — Степенная Книга впервые дѣлаетъ попытку слить во едино ста-

рыя мѣстныя лѣтописи и замѣнить ихъ перечнемъ „степеней“ московскихъ великихъ князей. Дошедшая редакція Степенной Книги, по соображеніямъ изслѣдователей. была выработана не ранѣе половины XVI вѣка, въ послѣдніе годы жизни Макарія († 1564), и послѣ составленныхъ имъ Четь-Миней. Во взаимныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ памятниковъ изслѣдователи подмѣчаютъ не лишенную интереса черту: житія заносились не въ одной и той же редакціи въ Четь-Минеи и въ Степенную Книгу; и самъ Макарій и книжники его времени „дѣлали различіе межлу „житіемъ“ для Четь-Миней и исторической біографіей, какая требовалась для историческаго сборника. Въ Минеи заносилось житіе, облеченное въ реторику похвальнаго слова, для Степенной нужно было жизнеописаніе менѣе витіеватое, но болѣе обильное біографическими подробностями“... На Степенной Книгѣ вполнѣ сказываются окончательно выработавшіяся къ этому времени идеи о Москвѣ, какъ „третьемъ Римѣ“. Возникновеніе христіанства на Руси Степенная Книга возводитъ непосредственно къ ап. Андрею,—и так. образ. какъ-бы выражаетъ этимъ ту же мысль, которую потомъ поздпѣе высказываетъ грекамъ Арсеній Сухановъ: „Всякую вы собою хвалитеся, говорилъ грекамъ старецъ,—что мы отъ васъ крещеніе пріяли? Мы крещеніе пріяли отъ апостола Андрея“... Разсказывая извѣстную легенду о посѣщеніи русской земли ап. Андреемъ, Степенная Книга замѣчаетъ, что „божественный ап. Андрей первіе благословивый землю нашу Русскую“,—что крестъ, поставленный имъ на горахъ днѣпровскихъ „прообразоваше въ Рустѣй земли священное чиноначаліе“, а жезлъ, водруженный имъ въ Новгородѣ „прообрази на Руси самодержавное царское скипетроправленіе“... О Владимирѣ Мономахѣ разсказывается, что Богъ „свыше славою и честію вѣнча его и царскимъ именованіемъ паче всѣхъ царствующихъ прослави“,—и далѣе излагается вышеупомянутая легенда о регаліяхъ, какъ „ради своего му-

жества“, Владимиръ Мономахъ „греческаго царя Константина Мономаха діадиму и вѣнецъ и крестъ животворящаго древа пріемъ, и парамниду царскую и крабійцу сердоличную, изъ нея же веселяшеся иногда Августъ кесарь римскій, и чепь златую аравицкаго злата, и иныя многія царскія почести въ дарѣхъ пріятъ мужества ради своего и благочестія,—и не просто рещи таковому дарованію, прибавляетъ повѣствованіе, не отъ человѣкъ, но божіимъ судьбамъ неизреченнымъ претворяще и преводяще славу греческаго царства на россійскаго царя“... Перенесеніе „славы греческаго царства на россійскаго царя“ вовсе не было чѣмъ-либо случайнымъ,—греческій царь отдавалъ лишь должное кіевскому князю: послѣдній самъ по своему роду былъ не ниже греческаго царя,—какъ потомокъ римскаго кесаря... „Рюрикъ—излагаетъ Степенная Книга на самыхъ первыхъ же страницахъ исконную родословную русскихъ князей—бѣ отъ племени Прусова, по его же имени Прусская земля именуется; Прусъ же братъ бысть единоначальствующаго на земли римскаго кесаря Августа“... Мы говорили выше объ этой генеалогіи, къ пол. XVI в. считавшейся внѣ всякихъ сомнѣній. Въ 1556 г. русскіе послы, въ Литвѣ, въ спорахъ о титулѣ царя, смѣло выставляютъ происхожденіе Рюрика отъ Августа Кесаря... Мы видѣли, какъ выводилась эта генеалогія въ Сказаніи о князехъ владимирскихъ и въ Посланіи Спиридона-Саввы; тѣ же соображенія излагаются и въ Степенной: „Обладатель всей вселенной“, Августъ передъ смертью „нача рядъ покладати на вселенную братьи и сродникамъ своимъ“, и при раздѣлѣ выдѣлилъ брату Прусу землю на берегахъ Вислы,—отчего „и до сего года по имени его зовется прусская земля“...,—„а отъ Пруса четверонадесять колѣно Рюрикъ“, котораго, какъ „суща отъ роду римьска царя Августа“, и призвали новгородцы къ себѣ, по совѣту Гостомысла...

На почвѣ и политическаго и литературнаго объединенія окончательно стоятъ болѣе поздніе лѣтописные своды—такъ наз. *Воскресенская Лѣтопись*, *Никоновская*, *Софійскій Временникъ*, *Вторая Софійская Лѣтопись* и др. Въ сферѣ исторіографіи эти своды представляли то же самое, что̀ Четь-Минеи Макарія представляли въ области общаго духовнаго чтенія, Домострой въ сферѣ понятій бытовыхъ, домашнихъ, Азбуковникъ въ сферѣ научныхъ, и т. д. По своему составу и литературному содержанію, московскіе лѣтописные своды XVI—XVII вв. неотдѣлимо связываютъ современную имъ литературу, литературный матеріалъ чтенія, съ предшедствовавшей, болѣе ранней нашей литературой XIII, XIV—XV вв., въ то же время отражая на себѣ тѣ новыя иноземныя литературныя пріобрѣтенія, которыхъ уже такъ много накопилось у насъ къ концу XVI—нач. XVII вв. Въ лѣтописныхъ московскихъ сводахъ передъ нами вся русская историческая литература,—и ранняя, съ XIII—XIV в., и болѣе поздняя. Разбросанный и разнообразный историческій матеріалъ теперь объединяется; въ огромномъ лѣтописномъ сводѣ—помимо собственно „лѣтописей“—безслѣдно исчезаютъ, тонутъ многочисленныя мѣстныя историческія повѣсти, сказанія, возникавшія по различнымъ мѣстностямъ удѣльной Руси, какъ результатъ особныхъ, областныхъ жизней... „Москва“ все замѣтнѣе и властнѣе становится въ сводахъ на первомъ планѣ изложенія, и рука московскаго „бытописателя“ самымъ рѣшительнымъ образомъ подводитъ итогъ накопившемуся историческому матеріалу...

Мы не имѣемъ собственно московскихъ лѣтописей; передъ нами лишь московскіе лѣтописные своды. Какъ сама Москва „является объединительницею всей Руси, такъ и ея лѣтописные своды заключаютъ въ себѣ лѣтописи всей Руси. Начинаясь „Повѣстью временныхъ лѣтъ“, они послѣдовательно содержатъ въ себѣ лѣтописи Южной, Ростовско-Суздальской и Новгородской земель, а затѣмъ и

остальныхъ частей обширнаго Русскаго Государства. Включивъ въ свои границы территорію княжествъ, Москва вмѣстѣ съ тѣмъ включила въ свои лѣтописные своды и ихъ исторію"...

Воскресенская Лѣтопись—пожертвованная патр. Никономъ основанному имъ Воскресенскому Новоіерусалимскому монастырю—по богатству матеріаловъ и полнотѣ извѣстій, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду московскихъ лѣтописныхъ сводовъ. Особенно близокъ этотъ сводъ по своему содержанію и характеру къ „Никоновской Лѣтописи". Изъ прежнихъ мѣстныхъ, областныхъ лѣтописей главнымъ источникомъ свода являются новгородскія лѣтописи; изъ новгородскихъ лѣтописей составитель свода на первыхъ порахъ беретъ даже извѣстія, относящіяся непосредственно къ Москвѣ. Собственно московскихъ извѣстій въ сводѣ вообще въ началѣ нѣтъ, или встрѣчаются лишь изрѣдка. Заимствованія изъ новгородскихъ лѣтописей идутъ въ сводѣ почти до половины XV в. Свѣдѣнія заимствуются обыкновенно буквально или вообще очень близко,—хотя есть слѣды и измѣненій текста, пропусковъ, вставокъ и т. п.; какъ увидимъ сейчасъ, иногда измѣненія дѣлаются и тенденціозно. Съ полов. XIV в. новгородскій источникъ начинаетъ уступать свое мѣсто другимъ: въ сводѣ начинаютъ встрѣчаться извѣсія изъ мѣстныхъ лѣтописей суздальскихъ, преимущественно изъ такъ наз. „Нижегородскаго Лѣтописца", къ которымъ вскорѣ присоединяются извѣстія, заимствуемыя изъ лѣтописей ростовскихъ, тверскихъ, смоленскихъ, псковскихъ, рязанскихъ. Собственно московскія лѣтописи,—лѣтописныя извѣстія, запись которыхъ можно считать сдѣланной въ Москвѣ,—начинаются въ сводѣ сравнительно очень поздно: лишь со второй четверти XIV стол. „Какъ только какое-либо княжество, замѣчаетъ по этому поводу изслѣдователь, выдвигалось впередъ, усиливалось въ политическомъ отношеніи, такъ тотчасъ же въ немъ начиналась лѣтописная дѣятельность; такъ было въ Новгородѣ, такъ

было въ Твери, такъ было въ Ростовско-Суздальской области,— также было и въ Москвѣ... Начало московскихъ лѣтописныхъ записей совпадаетъ съ началомъ политическаго возвышенія Москвы"... Первыя извѣстія въ Воскресенскомъ сводѣ, съ явными признаками записи въ Москвѣ, начинаются съ 1326 года. Записи эти уже съ самаго начала являются съ характеромъ чисто оффиціальнымъ. Черта эта, вообще господствующая въ собственно московскихъ извѣстіяхъ,— является отличительной и для самыхъ сводовъ, составляющихся въ Москвѣ... Московскія извѣстія, по своему содержанію, чаще всего—или церковныя или касаются частной, домашней жизни князя; записей изъ политической жизни почти нѣтъ. Какъ было уже замѣчено, свѣдѣнія о московскихъ событіяхъ на первыхъ порахъ заимствуются со стороны,— изъ лѣтописей новгородскихъ и др. Вообще, какъ въ началѣ, такъ и потомъ, московскія извѣстія имѣютъ характеръ исключительно оффиціальный,—пользуются сухими, чисто оффиціальными источниками, иногда состоятъ даже въ простомъ, мѣстами не совсѣмъ даже умѣломъ, пересказѣ чисто оффиціальныхъ документовъ.

Въ смыслѣ историческаго источника, *Никоновская Лѣтопись* является наиболѣе полнымъ и обстоятельнымъ московскимъ лѣтописнымъ сводомъ. Источниками служатъ преимущественно лѣтописи тверскія и новгородскія, затѣмъ отдѣльныя извѣстія изъ лѣтописей псковскихъ, смоленскихъ, ростовскихъ, рязанскихъ, и наконецъ московскихъ. Извѣстія, приводимыя изъ тверскихъ лѣтописей, иногда особенно драгоцѣнны, такъ какъ не встрѣчаются въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ, кромѣ того, отчасти восполняютъ пропуски въ дошедшей до насъ так. наз. *Тверской лѣтописи*. Собственно московскія извѣстія начинаются въ сводѣ съ 1320 года, и чаще всего тѣ же самыя, что и въ Воскресенской Лѣтописи; иногда впрочемъ встрѣчаются извѣстія, которыхъ нѣтъ въ другихъ сводахъ. Собственно лѣтописныя извѣстія носятъ характеръ

крайне оффиціальный,—кратки и однообразны. „Это по большей части перечень посольскихъ пересылокъ и переговоровъ съ разными государствами, оффиціальныя донесенія о военныхъ дѣлахъ, о размѣщеніи воеводъ и т. п. Всѣ эти извѣстія производятъ при чтеніи такое впечатленіе, какъ будто-бы имѣешь дѣло съ какимъ-либо реестромъ, въ которомъ занесены входящія и исходящія дѣловыя бумаги: число, мѣсяцъ, краткое содержаніе бумаги, и больше ничего; однажды писца поразила необычайная форма титула въ грамотѣ турецкаго султана, и этотъ необыкновенный титулъ, написанный къ тому же золотомъ, писецъ нашелъ нужнымъ выписать“...

Въ ряду московскихъ лѣтописныхъ сводовъ чрезвычайно любопытной и своеобразной является так. наз. *Вторая Софійская Лѣтопись*. Послѣ Воскресенскаго и Никоновскаго, сводъ этотъ, по отзыву изслѣдователя, имѣетъ самое большое значеніе—„по полнотѣ извѣстій и по оригинальности освѣщенія нѣкоторыхъ событій“. Въ бытовомъ отношеніи, говоритъ изслѣдователь, лѣтопись эта „даетъ гораздо больше, чѣмъ Воскресенскій сводъ, часто вводя насъ въ интимныя отношенія между тѣми или другими лицами, указывая нерѣдко на причину того или другого явленія. Замѣчательна она и по составу, такъ какъ въ нее вошли не только оффиціальные документы, но и записи, составленныя въ лагерѣ, враждебномъ правительству; въ ней мы нерѣдко слышимъ отголоски партіи, недовольной развивающимся и усиливающимся въ Москвѣ государственнымъ строемъ“... Относительно извѣстій собственно лѣтописныхъ, источниками были для свода тѣ же, что и для Воскресенскаго.

Софійская Вторая Лѣтопись особенно любопытна потому, что—какъ упомянуто выше—своими нѣкоторыми страницами показываетъ, что наряду съ оффиціальною лѣтописью въ Москвѣ существовала и лѣтопись неоффиціальная, „частная“, „слѣды которой“ сохранились въ разсматриваемомъ сводѣ, рядомъ съ извѣстіями оффиціальными. „Въ эту част-

пую лѣтопись записывались извѣстія съ прибавленіемъ слуховъ, циркулировавшихъ по поводу того или другого случая, съ прибавленіемъ объясненій того или другого обстоятельства, съ выраженіемъ симпатіи или антипатіи къ тому или другому лицу"... Отрывки такой частной лѣтописи изслѣдователи усматриваютъ во Второмъ Софійскомъ сводѣ за княженія Василія II, Іоанна III и Василія III. „Эта лѣтопись рисуетъ намъ не одну только показную сторону жизни московской Руси, но и закулисную; безъ этой лѣтописи мы не имѣли-бы вѣрнаго представленія о нѣкоторыхъ сторонахъ жизни въ древней Руси"...

Касательно взаимныхъ отношеній отдѣльныхъ лѣтописныхъ московскихъ сводовъ, позднѣйшій изслѣдователь замѣчаетъ: „Всѣ своды имѣютъ между собою то общее, что въ первый періодъ существованія московскаго княжества, т. е. въ XIV вѣкѣ и въ перв. половинѣ XV, они въ значительной степени пополняются выписками изъ лѣтописей другихъ земель и преимущественно изъ лѣтописей новгородскихъ, которыми всѣ своды пользуются въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Затѣмъ физіономія сводовъ нѣсколько измѣняется вслѣдствіе прилива другихъ ингредіентовъ въ ихъ составъ, и при томъ одни своды болѣе, а другіе менѣе пользуются сторонними источниками"... Съ княженія Іоанна III всѣ своды начинаютъ пополняться выдержками изъ оффиціальныхъ московскихъ источниковъ; только съ этого времени зависимость составителей отъ одного общаго источника выступаетъ наружу все яснѣе и яснѣе, при чемъ составители всѣхъ сводовъ придерживаются этого общаго источника буквально, сравнительно рѣдко позволяя себѣ измѣнять его или сокращать, такъ что со времени Іоанна III составъ всѣхъ московскихъ сводовъ—одинъ и тотъ же, и всѣ они, какъ близнецы, похожи другъ на друга безъ существенныхъ отличій. Впрочемъ, общій московскій источникъ замѣ-

тенъ у составителей московскихъ сводовъ нетолько за болѣе поздній періодъ, но и за самый ранній,—большинство московскихъ событій во всѣхъ сводахъ описывается одинаково... Одинъ общій источникъ лежитъ въ основѣ всѣхъ этихъ лѣтописныхъ сводовъ".

Являясь объединеніемъ мѣстныхъ, областныхъ лѣтописей, московскіе лѣтописные своды, какъ уже замѣчено выше, были въ значительной степени объединеніемъ и всей исторической, а отчасти и вообще читавшейся, бывшей въ обращеніи литературы, — многочисленныхъ отдѣльныхъ „повѣстей", „сказаній", „житій", поученій, посланій и др. пр. литературныхъ произведеній, возникавшихъ по областямъ, или бывшихъ вообще доступными составителю свода. Въ Воскресенскомъ сводѣ напр. передъ нами цѣлый архивъ подобныхъ отдѣльныхъ памятниковъ современной литературы — исторической, житійной, легендарной, памятниковъ чисто оффиціальныхъ и т. д. Перечисляемъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ ихъ помѣщенія въ сводѣ: *Посланіе нов. архіеп. Василья* къ тверскому еп. Ѳеодору о земномъ раѣ,—*Рукописаніе Магнуса, короля свейскаго*,—оба взяты изъ новгородскихъ источниковъ,—*Житіе м. Алексѣя*,—*Повѣсть о Митяѣ*,—*Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ*,—*Сказаніе о нападеніи Тохтамыша на Москву*,—*Сказаніе о житіи и преставленіи в. кн. Димитрія Ивановича*: редакція послѣдняго нѣсколько другая, сравнительно съ помѣщенной въ „Никон. Лѣтописи": въ обѣихъ есть добавленія сравнительно съ другой и пропуски,—послѣднее указываетъ что „составители обоихъ сводовъ имѣли общій источникъ, но каждый бралъ изъ него то, что́ нравилось"...,—*О нападеніи Темиръ-Аксака*, сравнительно съ повѣстью, помѣщенной въ Софійскомъ сводѣ (2-мъ), другой редакціи, хотя обѣ зависятъ, повидимому, отъ одного болѣе ранняго сказанія,—*Сказаніе о битвѣ Витовта съ Темиръ-Кутлуемъ*,—*Повѣсть о смерти кн. Михаила Александровича Тверскаго*,—прощальная *Грамота м. Кипріана*, заключающая между прочимъ въ себѣ

косвенныя указанія, что сводъ составленъ былъ еще до учрежденія въ Россіи патріаршества (1589),—*Сказаніе о нападеніи Эдигея на Москву,* написанное современникомъ-очевидцемъ, отрывокъ изъ *посланія м. Фотія* къ псковичамъ о Григоріи Цамблакѣ,—*Повѣсть о поѣздкѣ митр. Исидора* на *Флорентійскій соборъ,* съ двумя включенными въ нее оффиціальными посланіями, и представляющая сокращеніе извѣстнаго *Слова еже на латыню и сказанія о составленіи осмого собора латыньскаго и о извержсніи Сидора прелестнаго,* которое принадлежало нѣкоему іеромонаху Симеону, бывшему на соборѣ вмѣстѣ съ суздальскимъ еп. Авраміемъ,—*Повѣсть о взятіи Царяграда турками,* написанная современникомъ и очевидцемъ событія, нѣкіимъ Несторомъ-Искандеромъ, бывшая у насъ чрезвычайно популярной, дошедшая во множествѣ списковъ,—*Посланіе ростовск. архіеп. Вассіана къ вел. кн. на Угру,*—*Соборныя опредѣленія противъ новгородскихъ еретиковъ,*—*Чинъ поставленія князя Димитрія Ивановича,* дошедшій до насъ въ отдѣльныхъ спискахъ XVI в.,—*Сказаніе о чудѣ, совершенномъ св. Александромъ Невскимъ и о явленіи его на воздухѣ,* сообщаемое со словъ очевидцевъ,—отрывки изъ *Чина поставленія митрополитовъ,* читаемаго въ „Ник. Лѣтописи“ въ болѣе полномъ видѣ,—подробное сказаніе *О походѣ князя Іоанна Васильевича на Новгородъ* въ 1471—1472 гг., изложенное по оффиціальнымъ источникамъ, составленное москвичемъ, въ духѣ московскаго правительства,—дальнѣйшій разсказъ *о второмъ походѣ Іоанна на Новгородъ,*—подробный разсказъ *о походѣ на Угру,* особенно любопытный потому, что въ немъ, при всемъ его оффиціальномъ характерѣ изложенія, нельзя не видѣть слѣдовъ вліянія другого разсказа о томъ же событіи, читаемаго въ одномъ изъ софійскихъ сводовъ (2-мъ), и написаннаго въ духѣ враждебномъ московскому князю,—наконецъ, нѣкоторыя другія извѣстія, являющіяся повидимому также отдѣльными повѣстями и сказаніями.

Въ Никоновскій сводъ также внесено множество отдѣльныхъ произведеній древнерусской литературы, въ отрывкахъ или въ цѣломъ видѣ. Помимо бо́льшей части изъ тѣхъ, которыя читаются и въ Воскресенской лѣтописи,—здѣсь вставлены: отрывки изъ *Житія м. Петра*,—*Повѣсть о убіеніи тверск. кн. Михаила Александровича*,—отрывки изъ *Хронографа*,—*Духовная грамота Магнуса, короля свѣйскаго*,—*Описаніе путешествія въ Царьградъ м. Пимена*,—*Повѣсть умильна зѣло*, особый отрывокъ изъ Хронографа о нападеніи кипрскаго князя на Александрію и египетскаго султана на Антіохію и Іерусалимъ,—*Житіе пр. Сергія*, написанное Епифаніемъ,—отрывки изъ *Хронографа* о сербскомъ и греческомъ государствахъ,—*Сказаніе о преставленіи Арсенія, епископа тверскаго*,—*Житіе м. Фотія*, разбитое по годамъ,—*Повѣсть о знаменіи на Колочь*,—*Поученіе новг. архіеп. Симеона къ псковичамъ*,—*Повѣсть о покореніи Казани*, составленная на основаніи оффиціальныхъ источниковъ и съ привнесеніемъ сюда нѣсколькихъ другихъ отдѣльныхъ литературныхъ произведеній, относящихся къ событію,—посланій, рѣчей и т. п.

Изъ отдѣльныхъ литературныхъ произведеній во Второй Софійскій сводъ вошли: отрывки изъ *Житія пр. Сергія Радонежскаго* и изъ *Житія его ученика пр. Никона*, составленныхъ Пахоміемъ Логофетомъ, — *духовная митр. Фотія*,—отрывки изъ *Житія пр. Варлаама Хутынскаго*,—*Сказаніе о трусѣ*, Родіона Кожуха, митрополичья дьяка, очевидца событія, человѣка повидимому начитаннаго,—*Сказаніе объ обрѣтеніи мощей кн. Феодора Ярославскаго съ сыновьями Константиномъ и Давидомъ*,—*Сказаніе о походѣ на Новгородъ въ 1441 году*, „составленное съ московской точки зрѣнія: новгородцы называются „вѣчниками“, „крамольниками“, „отступниками“ и „измѣнниками“, укоряются въ измѣнѣ православію, такъ какъ хотѣли предаться „окаянному ляху и латынину кралю“, а также митрополиту Григорью, „такому же латынину“ и т. д.,—*Повѣсть о созданіи церкви во имя св. Богородицы*, разбитая по годамъ, и нѣкр. др.

Что касается до тенденціозныхъ московскихъ взглядовъ, то они хотя иногда проглядываютъ въ московскихъ лѣтописныхъ сводахъ, но вообще довольно слабо. Составители сводовъ своими источниками обыкновенно пользуются дословно,—лишь изрѣдка позволяя себѣ дѣлать какіе-либо пропуски, сокращенія или вставки. Иногда въ этихъ прибавкахъ и пропускахъ проглядываютъ признаки нѣкоторой тенденціи; разсказывая напр. о присылахъ новгородцевъ къ московскому князю съ предложеніями мира, авторъ свода иногда передаетъ это, прибавляя: „біюще челомъ за своя вины и за грубости и за неустроенія своя“,—чего совсѣмъ нѣтъ въ томъ источникѣ, которымъ пользуется, и т. п. Такія прибавки конечно, дѣлались не безъ умысла. Но вообще въ составителяхъ московскихъ сводовъ чаще всего замѣчается не столько тенденція, сколько простое невниманіе, или даже непониманіе, новгородскихъ отношеній къ князьямъ, непониманіе новгородскихъ общественныхъ обычаевъ, формы ихъ правленія и т. п. „Встрѣчая напр. извѣстія о рядахъ (договорахъ), о новгородской волѣ, московскій переписчикъ просто не могъ понять эти выраженія и старался выразить ихъ сообразно со взглядами, существовавшими въ Московскомъ Государствѣ; зная Новгородъ за составную часть Московскаго Государства и встрѣтивъ выраженіе о докончаніи мира, онъ старался передѣлать его въ смыслѣ просьбы мира съ челобитьемъ; ему чужды были понятія о повгородской волѣ; новгородская воля была для него синонимомъ своеволія и ослушанія; поэтому выраженіе вродѣ: „великій Новгородъ того не похотѣлъ“—превращается у него въ слова: „Новгородци же того не послушаша“; воспитанный въ идеяхъ московскаго самодержавія и единодержавія, пережившій, можетъ быть, страшныя времена опричины, московскій переписчикъ не могъ понимать и новгородской инпціативы; поэтому, тамъ, гдѣ въ новгородской лѣтописи говорится о Великомъ Новгородѣ, подъ перомъ москвича является дѣйствующимъ лицомъ одинъ только князь“...

Но вообще рука москвича въ сводахъ очевидна. Въ Воскресенскомъ сводѣ напр. ясно выражается противоположность Москвы съ другими городами и москвичей съ жителями другихъ областей, какъ въ отдѣльныхъ повѣстяхъ и сказаніяхъ, такъ и въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ всѣ симпатіи направлены къ великому князю московскому,—напротивъ, враги московскаго князя называются злодѣями, „волками“ и т. п. Иногда составитель свода просто выпускаетъ извѣстія, набрасывающія неблагопріятный свѣтъ на москвичей или великаго князя; такъ въ разсказѣ о распрѣ в. кн. Іоанна III съ братьями выброшено все начало, объясняющее причину неудовольствія братьевъ на великаго князя и выставляющаго послѣдняго не совсѣмъ въ приглядномъ видѣ,—разсказъ, переданный безъ этого начала, рисуетъ братьевъ измѣнниками, представляетъ ихъ виноватыми; точно также опущенъ поступокъ Іоанна III съ докторомъ Жидовиномъ, такъ какъ онъ рисуетъ вел. князя жестокимъ человѣкомъ, и т. п. На основаніи этого, заключаетъ изслѣдователь, слѣдуетъ признать московскіе своды, особенно Воскресенскій и Никоновскій, оффиціальными. Оффиціальными слѣдуетъ признать ихъ не только по господствующей тенденціи, но и потому, что начиная со второй половины XV вѣка, они представляютъ изъ себя сборники оффиціальныхъ извѣстій“.

Лѣтопись началась въ древней Руси, повидимому, безъ прямого участія княжеской власти. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, она была собственно дѣломъ города. „Се повѣсти времянныхъ лѣтъ, откуду есть пошла русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити, и откуду Русская Земля стала есть“,—эти слова, стоящія въ заглавіи нашей начальной древнѣйшей лѣтописи, по справедливому замѣчанію Забѣлина, какъ нельзя лучше указываютъ основную задачу предпринятаго труда, среду, въ которой онъ возникъ, вопросы, отвѣтить на которые ставилъ своей цѣлью нашъ древнѣйшій лѣтописецъ, весь характеръ нашей начальной

лѣтописи. Заглавныя слова лѣтописи лучше всего обнаруживаютъ „ея, такъ сказать, гражданское, иначе мірское, или общественное происхожденіе“. Наша начальная кіевская лѣтопись, замѣчаетъ авторитетный историкъ, была вызвана не „единичною и притомъ монашески-уединенною литературною мыслью“, а напротивъ послужила „отвѣтомъ на требованія мысли общественной“, была трудомъ, который вызывался сознаніемъ самого общества, нашедшаго въ лѣтописцѣ лишь достойнаго своего представителя и выразителя. „Самое содержаніе первой лѣтописи въ цѣломъ своемъ составѣ и въ подробностяхъ свидѣльствуетъ, что она писалась меньше всего для монастыря и больше всего для общества, для интересовъ и потребностей міра, по преимуществу дружиннаго, городского.. Монастырское созерцаніе, продолжаетъ историкъ, если бы оно оставалось уединеннымъ отшельникомъ, и не явилось въ настоящемъ случаѣ достойнымъ орудіемъ общественныхъ стремленій, совсѣмъ иначе опредѣлило-бы задачу лѣтописнаго труда, и во главѣ его выставило-бы неизмѣнно вопросы по преимуществу характера церковнаго. Восходя къ началу русскихъ лѣтъ, оно ближе и прямѣе всего могло начать свой Временникъ отъ начала Христовой вѣры на Руси, и не другую, а эту самую мысль выразило-бы и въ заглавіи лѣтописи. Между тѣмъ его взглядъ обширнѣе; оно только мимоходомъ замѣчаетъ, что напр. еще при Игорѣ въ Кіевѣ было много варяговъ-христіанъ, и все свое вниманіе устремляетъ на изображеніе событій и дѣлъ по преимуществу мірскихъ, политическихъ, даже такихъ, о которыхъ и говорить слѣдовало съ монашескою застѣнчивостью. Для какой надобности черноризецъ вноситъ въ лѣтопись цѣликомъ договоры съ Грецією Олега и Игоря? Какою мыслью онъ руководится въ этомъ случаѣ? Не внесены-ли они съ тою цѣлью, съ какою въ новгородскую лѣтопись внесена „Русская (Кіевская) Правда“ Ярослава, а въ суздальскую лѣтопись „Духовная“ Владимира Мономаха? Эти два послѣдніе памятника въ то

время носили въ себѣ интересъ и смыслъ не одной достопримѣчательности, достопамятности, но служили одинъ, какъ поученье, другой, какъ законъ,—дѣйствующими, живущими стихіями народной жизни. Быть можетъ, и договоры Олега и Игоря внесены въ лѣтопись, какъ дѣйствующіе и живущіе порядки отношеній къ далекому Царьграду. Во всякомъ случаѣ, ихъ помѣщеніе на страницы лѣтописи сдѣлано было не иначе, какъ въ интересѣ той среды, для которой указанныя отношенія были очень важны и дороги... Перомъ лѣтописца водитъ больше всего смыслъ княжескаго дружинника или самого князя, чѣмъ мысль благочестиваго инока“... Въ виду этого изслѣдователь справедливо думаетъ, что древнерусская лѣтопись была дѣломъ собственно города; мысль о лѣтописаніи „была возбуждена не въ монастырѣ, а въ городѣ, и оттуда получала постоянную поддержку, подкрѣпленіе и всѣ надобные матеріалы“,— и по монастырямъ должна была по необходимости находить для себя лишь фактическое выполненіе, лишь фактически, внѣшнимъ образомъ, быть дѣломъ монастырскимъ. „тамъ жили люди больше и лучше другихъ разумѣвшіе книжное дѣло, люди ничѣмъ другимъ незанятые“... Монастырь съ внѣшней стороны представлялъ лишь наиболѣе удобное мѣсто для лѣтописанія: монастырь стоялъ въ ближайшихъ отношеніяхъ къ іерархіи, къ дѣламъ политическимъ, а равно и къ жизни народной; здѣсь по преимуществу были люди книжные, которые владѣли искусствомъ писанія и могли пользоваться для лѣтописи появлявшимся независимо отъ нея книжнымъ матеріаломъ, который лѣтописцами нерѣдко цѣликомъ включался въ ихъ труды... Лѣтопись однако не осталась и не могла остаться въ монастырскихъ стѣнахъ: она была любопытнымъ чтеніемъ для тѣхъ, кого интересовала старина, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ единственная историческая запись, она должна была служить и для самой власти важнымъ источникомъ воспоминаній и справокъ. Уже въ древней лѣтописи встрѣ-

чается свидѣтельство объ этомъ рано начавшемся оффиціальномъ значеніи лѣтописи. Въ 1289 году кн. Мстиславъ Даниловичъ, подчинивши себѣ возмутившихся жителей Бреста, наложилъ на нихъ новую дань и написалъ въ грамотѣ, внесенной въ лѣтопись подъ этимъ годомъ: „Се азъ князь Мстиславъ, сынъ королевъ, внукъ Романовъ, уставляю ловчее на берестьяны и въ вѣкы, за ихъ кормолу... А вописалъ есмь въ лѣтописець коромолу ихъ“... Позднѣе, въ 1409 году, московскій лѣтописецъ приводя *Посланіе ордынскаго князя Едигея къ моск. в. кн. Василью Дмитріевичу*,—посланіе не лестное для послѣдняго,—дѣлаетъ такую оговорку: инымъ, быть можетъ, не поправится, что лѣтописецъ внесъ въ свой разсказъ „несладостная намъ и неуласканная“, но онъ сдѣлалъ это не досаждая и не поношая никому, а по старому примѣру,—„яко же обрѣтаемъ начальнаго лѣтописца кіевскаго, иже вся временна бытства земская необинуяся показуетъ, но и первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и недобрая прилучившаяся написовати, да и прочіи по нихъ образы явлени будутъ,—яко же при Владимерѣ Мономахѣ оного великаго Сильвестра Выдобыжскаго (Выдубицкаго) не украшая пишущаго, да аще хощеши прочти тамо прилежно“... Приведенныя свидѣтельства даютъ изслѣдователямъ основаніе предполагать, что древнѣйшая лѣтопись велась въ извѣстной степени по указаніямъ князей... Въ 1432 г., когда Юрій Дмитріевичъ „сперся“ съ велик. кн. московскимъ Василіемъ Васильевичемъ о великомъ княженіи и пошли судиться въ орду, то—по словамъ Никоновской Лѣтописи—Василій искалъ стола по отечеству и по дѣденству, князь же Юрій Дмитріевичъ, дядя его, лѣтописцы и старыми списки, и духовною отца своего в. к. Дмитрія... Въ послѣднемъ спорѣ великаго князя московскаго съ Новгородомъ видимъ также ссылки на лѣтопись: по мнѣнію московскаго лѣтописца, мужи новгородскіе забыли „великую старину“, какъ Новгородъ издревле былъ „отчиной“ великаго

князя, отъ в. к. Владимира до Ивана Васильевича, „всея русскія земли отчича и дѣдича“,—„еже чтется по написанному лѣтописцу бытійскыхъ книгъ“, прибавляетъ московскій исторіографъ... По извѣстію одной лѣтописи, Іоаннъ III посылалъ въ Новгородъ спеціалиста, дьяка Брадатаго, доказывать лѣтописцами неправду новгородцевъ, и т. д. Въ *описи царскаго архива* временъ Грознаго (1575—1584 г.), гдѣ перечисляется множество государственныхъ документовъ, дипломатическихъ и по дѣламъ внутреннимъ, есть между прочимъ любопытныя, хотя нѣсколько темныя, указанія, имѣющія отношеніе къ лѣтописи. Въ числѣ дѣловыхъ бумагъ упомянуты „обыскъ князя Андрея Ивановича Телятевскаго, въ Юрьевѣ Ливонскомъ, про Алексѣеву смерть Адашева, и списки черные (черновые), писалъ память, что писати въ лѣтописецъ лѣтъ новыхъ, которые у Алексѣя взяты“; и далѣе,—„ящикъ.., а въ немъ списки, что писати въ лѣтописецъ, лѣта новые прибраны отъ лѣта 7068 до лѣта 7074 и до 76“ (отъ 1560 до 1568 г.). Очевидно, не безъ основанія заключаютъ изслѣдователи, лѣтопись за эти времена составлялась въ ближайшей обстановкѣ царя, или по указаніямъ, выходившимъ изъ этой среды...

Это употребленіе лѣтописи, какъ историческаго доказательства, вполнѣ отвѣчало позднѣйшему ея складу въ Москвѣ. Здѣсь она уже окончательно получаетъ оффиціальныя свойства. Таковъ ея основной характеръ. Въ московскихъ лѣтописныхъ сводахъ,—какъ это отчасти видно и изъ предшествовавшаго изложенія,—мы постоянно встрѣчаемся съ такими чертами, которыя могли явиться только изъ оффиціальныхъ источниковъ, сообщеній и указаній. Идетъ война — лѣтописецъ подробно перечисляетъ военоначальниковъ, по именамъ и отечествамъ, указываетъ число отрядовъ и т. п.; принимается посольство—лѣтописецъ поименно знаетъ пословъ, передаетъ ихъ рѣчи, содержаніе бумагъ; происходитъ вѣнчаніе на царство—

лѣтописцу извѣстны подробности обряда, кто что́ сказалъ, куда сѣлъ и т. п. Во множествѣ дѣлъ, менѣе крупныхъ, онъ также сообщаетъ свѣдѣнія, которыя можно имѣть только изъ первыхъ источниковъ.

Оффиціальный характеръ, преобладаніе оффиціальныхъ источниковъ—вообще господствующая, отличительная черта московскихъ лѣтописныхъ сводовъ. Сухость, оффиціальность сообщаемыхъ извѣстій не измѣняется и въ томъ случаѣ, если они исходятъ отъ очевидцевъ событій,принадлежатъ современникамъ-очевидцамъ. Оффиціальными источниками московскихъ сводовъ являются: разряды, статейные списки, разныя грамоты и отписки, краткія оффиціально-лѣтописныя замѣтки и т. п.

Самый тонъ разсказа дѣлается или необыкновенно кратькимъ, чисто оффиціальнымъ, сближаясь съ оффиціальной записью „разрядныхъ книгъ“,—или наоборотъ столь же оффиціально витіеватымъ, приподнятымъ... Приподнятый, высокопарный тонъ дѣлается какъ бы обязательнымъ относительно дѣяній придержащей власти. *Исторія княженія царя Θеодора Ивановича,* приписываемая патр. Іову, такъ напр. начинаетъ свое повѣствованіе: „Небеси убо величества и высота недостижна и неописуема, земли жъ широта и долгота неосяжима и неизслѣдима, морю жъ глубина неизмѣрима и неиспытуема, святыхъ же и крестоносныхъ преславнѣйшихъ государей россійскихъ царей и великихъ князей многая добродѣтелемъ исправленія неизчетна и недоумѣваема. Аще убо кто будетъ и отъ сильныхъ въ разсужденіи и глубокоразумнаго россійскаго языка, аще и граматичными художествы и риторскою силою преукрашени будетъ довольне и о благочестивыхъ сихъ самодержавнѣйшихъ царей добродѣтелемъ величества по достоинству исповѣдати не могутъ“,—хотя авторъ все же надѣется исполнить свою задачу... Предметъ указывается такъ: „Бысть убо глаголю во время, како убо бысть и въ которое время, егда убо благочестивая и христіанская православная вѣра въ велицѣй Россіи паче солнца сіяющи

и своя свѣтозарная луча во всю вселенную испущающе, якожъ глаголетъ пророкъ, отъ моря и до моря, и отъ рѣкъ до конецъ вселенныя слава ея простирашеся, и благочестивыхъ и крестоносныхъ христіанскихъ царей русскія державы скипетродержавство велелѣпне цвѣтуще, и благородный царскій корень многими лѣты непремѣннѣ влечашеся отъ великаго Августа кесаря римскаго, обладающаго всею вселенною, якоже исторія повѣдаетъ, и до самаго сего святаго царствія богохранимыя державы великаго россійскаго государства благовѣрнаго и христолюбиваго царя и в. к. Ѳедора Ивановича всея Россіи“... Или вотъ отрывокъ изъ того же вступленія о царствованіи предшественника Ѳеодора, Ивана Грознаго: „Той же убо благочестивый царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Россіи бѣ разумомъ и мудростью украшенъ, и въ храборскихъ побѣдахъ изряденъ, и къ бранному ополченію зѣло искусенъ, и во всѣхъ царскихъ направленіяхъ достохваленъ явися, великія изрядныя побѣды показа, и многія подвиги по благочестіи совершивъ, царскимъ своимъ бодроопаснымъ правленіемъ и многою премудростью не токмо всѣхъ сущихъ богохранимыя державы своея въ страхъ и въ трепетъ вложи, но вся окрестныя страны невѣрныхъ языкъ, слышаще царское имя его, съ великою боязнью трепетаху“... Ѳедору Ивановичу историкъ дѣлаетъ обильныя восхваленія: онъ — древнимъ благочестивымъ царямъ равнославенъ, нынѣшнимъ—красота и свѣтлость, будущимъ—сладчайшая повѣсть и благое наслаждение духа,—пречестнѣйшій не только въ россійской богохранимой державѣ, но и во всей подсолнечной,—отъ своей царской юности исполненъ духовной мудрости, и не помышляя о многоцѣнныхъ и красныхъ житейскихъ вещахъ, ищетъ только вѣчныхъ благъ, и т. д. и т. д.

Въ массѣ дошедшихъ славяно-русскихъ списковъ *Хронографа* различаютъ главн. образ. три редакціи. Первая редакція (дошед ie списки—XVI и XVII вв.), повидимому, составлена въ самомъ концѣ XV—перв. годахъ XVI в.

(ок. 1512 г.). Главные источники ея—византійскіе и южнославянскіе. Составитель пользуется хрониками I. Малалы, Геор. Амартола, Манассіи, Зонары, патр. Никифора, многими изъ произведеній болгарской и сербской литературъ, наконецъ,—русскими лѣтописями. Редакція заключаетъ въ себѣ болѣе 200 главъ (208) и доводитъ обозрѣніе историческихъ событій до взятія Цареграда турками (1453). Вторая редакція (дошедшіе списки—XVII и XVIII вв.) составлена, повидимому, столѣтіемъ позже (именно к. 1617 года). Главное ея отличіе отъ первой—пользованіе нѣкоторыми источниками западно-европейскими. Кромѣ источниковъ византійскихъ, южно-славянскихъ и русскихъ, составитель второй редакціи пользуется латино-польскими хрониками—Мартина Бѣльскаго († 1575), Конрада Ликостена († 1561). Изложеніе русскихъ событій доходитъ до воцаренія Михаила Ѳеодоровича. Нѣсколько позднѣе второй, ок. 1620—1646 гг., составлена была третья редакція хронографа (дошедшіе списки—XVII и XVIII вв., трехъ разрядовъ). Вся русская часть изложенія здѣсь передѣлана съизнова, по новымъ источникамъ. Изложеніе послѣдняго полустолѣтія русской исторіи, отъ начала царствованія Грознаго до воцаренія Михаила Ѳеодоровича, отличается бо́льшей подробностью; источниками служатъ нѣкоторыя изъ повѣстей смутнаго времени, *Сказаніе* Аврамія Палицына, *Сказаніе о самозванцахъ* и др. Эти три редакціи впрочемъ—лишь болѣе или менѣе приблизительныя. Кромѣ трехъ главныхъ типовъ, дошедшіе рукописные хронографы представляютъ цѣлый рядъ такихъ списковъ, которые не могутъ быть подведены ни подъ одинъ изъ намѣченныхъ типовъ; изслѣдователь вынужденъ выдѣлить ихъ въ особую, четвертую, группу—въ отдѣлъ хронографовъ особаго состава (дошедшіе списки—XVII и XVIII в.; по бо́льшей части каждый изъ этого рода хронографовъ, какъ неполучившій обращенія среди читателей, дошелъ лишь въ одномъ спискѣ своего составителя)...

Чтобы имѣть болѣе наглядное представленіе о составѣ и содержаніи этого рода памятниковъ, дѣлаемъ подробное обозрѣніе такъ наз. „Еллинскаго и римскаго лѣтописца“—сборника, предшествовавшаго собственно „Хронографамъ русской редакціи“—и такъ наз. „первой редакціи“ русскихъ Хронографовъ.

Заглавіе (дѣлаемъ обозрѣніе „Лѣтописца“ по сп. XVI в. Моск. Синод. б-ки, № 280; см. Попова, Обзоръ хронографовъ русской редакціи. I, М., 1866, стр. 3—72): *Лѣтописецъ еллинскій и римскы*; сія книгы списаны не изъ единѣхъ книгъ, но отъ различенъ истинныхъ великихъ...

Статья Епифанія Кипрскаго, *О шести дняхъ творенія* (л. 1—6).

За Епифаніемъ начинается рядъ выписокъ изъ Малалы, съ небольшими вставками изъ другихъ источниковъ (объ Адамѣ и о прочихъ яже по немъ, о потопѣ, объ Авраамѣ и т. п., до Моисея: л. 6—16).

За послѣднимъ отрывкомъ изъ Малалы слѣдуетъ, безъ особаго заглавія, апокрифическая статья изъ *Толковой Палеи* о смерти Моисея (л. 16—17).

Краткій перечень судей израильскихъ,—до Ровоама (л. 18—19).

Далѣе начинаются цѣльныя выписки изъ *III кн. Царствъ*, съ XII гл. до конца книги (л. 19—35).

Приводится сполна *IV кн. Царствъ* (л. 36—67).

Непосредственно за IV-ю кн. Царствъ слѣдуетъ неизвѣстно откуда заимствованная вставка—*хронологическій перечень Болгарскихъ князей*, съ древнѣйшихъ временъ до Умара.

За вставкою о болгарскихъ князьяхъ слѣдуетъ статья Амартола о Новходоносорѣ (л. 69—70).

Далѣе разсказъ Малалы о Валтасарѣ,—до Нектанава (л. 70—81).

Затѣмъ—*Александрія* (л. 84—152).

За Александріею непосредственно слѣдуютъ извлеченія изъ

Малалы о пріемникахъ Александра,—до Нерона (изъ Малалы, слова VIII, IX и X: л. 153—171).

Обширная выписка изъ Амартола, о св. апостолѣ Петрѣ и Симонѣ волхвѣ (л 171—179).

Дальнѣйшій разсказъ о періодѣ съ имп. Галбы до Юліана Отступника,—почти сплошное заимствованіе также изъ Амартола (л. 179—238).

Поперемѣнныя заимствованія то изъ Малалы, то изъ Амартола, излагающія дальнѣйшій ходъ исторіи,—до казни Туракса (л. 238—288); здѣсь, на этомъ извѣстіи о казни Туракса, прерывается Малала въ Еллинскомъ лѣтописцѣ,—кончается и самый Лѣтописецъ; непосредственно за окончаніемъ названнаго текста читается киноварная замѣтка: „скончася Еллинскый Граноградъ“. Дальнѣйшій разсказъ ведется изъ Амартола, который кончается смертью имп. Романа (988 г.). Это—первая редакція „Еллинскаго и римскаго лѣтописца“; вторая отличается отъ первой главн. образомъ во второй половинѣ,—начиная съ Александріи (см. Попова, ib., стр. 72—95).

Переходимъ къ обозрѣнію так. наз. первой редакціи русскихъ Хронографовъ (см. Попова, ib., стр. 95—215, по сп. XVI в.).

Заглавіе: *Главы книги глаголемыя Хронографъ, еже есть Лѣтописецъ* (ниже—болѣе подробное заглавіе).

Тексту самаго Хронографа предшествуетъ *предисловіе*. Далѣе,—три вводныя статьи.

Самый Хронографъ начинается главой *о шести дняхъ творенія*; разсказъ главн. образ. заимствованъ изъ Манассіи.

Глава 2: о раи и о рѣкахъ и моряхъ; главн. образ.—изъ Манассіи.

Глава 3: о вселеніи Адама прямо рая,—изъ Манассіи.

Глава 4: о Сифѣ и о грамотахъ,—изъ Манассіи, съ распространеніемъ по Амартолу.
Глава 5: о потопѣ; разсказъ *Библіи*, съ вставкой изъ Манассіи.
Глава 6: о столпотвореніи,—изъ отрывковъ Манассіи и изъ Амартола.
Глава 7—66: разсказъ дальнѣйшихъ событій,—сокращеніе изъ *Библіи*.
Глава 67: о разрушеніи царства Ассирійскаго,—изъ Манасіи.
Глава 68-я: о Сарданапалѣ,—изъ Манассіи.
Главы 69—81: сокращеніе текста *Библіи*.
Главы 82—87: сокращеніе изъ *Библіи*, съ небольшими вставками.
Глава 88: о Лидійскомъ царствѣ,—изъ Манассіи.
Глава 89: о Кирѣ,—изъ Малалы.
Глава 90: о Даріи,—изъ Малалы.
Глава 91: Царство Дарія Истапсова (sic),—изъ Зонары.
Глава 92: о Ксерксѣ,—изъ Зонары.
Глава 93: о созданіи града Іерусалима,—изъ Амартола, со вставкой о изъ Іос. Флавія.
Главы 94—95: изложеніе персидской исторіи, по Амартолу съ отрывками изъ Малалы.
Главы 96—104: сокращеніе *Александріи*.
Глава 104: Начало царства Греческаго,—разсказъ изъ Меѳодія Патарскаго.
Глава 105: Царство Антіохово,—изъ Малалы.
Глава 106: *Повѣсть о созданіи тройскомъ*. Повѣсть эта составляетъ неотъемлемую принадлежность Хронографа 1-й редакціи; во второй редакціи ея мѣсто занимаетъ *Троянская исторія* Гвидона де Колумны.
Глава 108—109: первоначальная исторія Рима,—изъ Манассіи.

Глава 110: объ Августѣ Кесарѣ,—изъ Малалы, съ отрывкомъ изъ Манассіи. Съ главы объ Августѣ Хронографъ переходитъ къ новозавѣтнымъ событіямъ, при чемъ пользуется разнообразными источниками.

Глава 111: Царство Тиверіево. Начинается отрывкомъ изъ Малалы, далѣе, о крещеніи Господни,—изъ *житія Іоанна Предтечи*; здѣсь же помѣщены отрывки объ Іоаннѣ Іосифа Флавія; а также нѣсколько другихъ отрывковъ объ Іисусѣ Христѣ и Іоаннѣ Предтечи, изъ Іосифа Флавія. Статья о распятіи Христовѣ ссылается на два апокриф. сочиненія: *О сѣдьяніи св. Троица* (Толк. Палея) и *Евангеліе Никодима*. Глава (111-я) оканчивается отрывками изъ *житія пр. Богородицы*, Епифанія Кипрскаго, изъ Манассіи и Амартола.

Главы 112—113: о Клавдіи и Неронѣ,—изъ Амартола, съ отрывками изъ Іос. Флавія.

Глава 114: о взятіи Іерусалима Титомъ.

Глава 115: Царство Титово, — изъ Манассіи, съ отрывками изъ Зонары и Амартола.

Глава 116: разсказъ о дальнѣйшихъ событіяхъ до Діоклетіана,—изъ Зонары, и Амартола.

Глава 117: о Діоклетіанѣ и Максиміанѣ,—изъ Манассіи и Амартола.

Глава 118—119: о Костантинѣ Вел.,—изъ Амартола, съ дополненіемъ по *житію царя Константина* и со вставкой отдѣльной повѣсти *О крещеніи Индіянъ, Иверенъ и Арменъ*.

Глава 120: о первомъ вселенскомъ соборѣ,—изъ Амартола.

Главы 121—127: дальнѣйшая исторія до Аркадія,—изъ Амартола.

Глава 128: объ Аркадіи,—изъ Амартола и Зонары.

Главы 129—158: дальнѣйшая исторія до раздѣленія церквей; разсказъ исключительно составленъ изъ отрывковъ

изъ Амартола и Манассіи, съ прибавленіемъ сокращеніе *житія св. Софіи.*

Глава 159: *Сказаніе о латынѣхъ, како отступиша отъ православныхъ патріархъ*; сказаніе составлено по Манассіи и особой *Повѣсти о латынѣхъ.*

Глава 160: Царство Никифора Генпка,—изъ Манассіи и Амартола.

Главы 161—166: дальнѣйшая исторія Византіи до изгнанія Ѳеодоры; за исключеніемъ статьи: *О отложеніи мяса иноком*ъ, весь разсказъ состоитъ изъ отрывковъ изъ Амартола и Манассіи, со вставками изъ *Повѣсти о латынѣхъ* и изъ *Слова о загробномъ прощеніи отъ мужъ царя Ѳеофила.* Статья заключаетъ въ себѣ особую выкладку лѣтъ, по которой опредѣляется между прочимъ время составленія Хронографа—1512 годъ (см. текстъ выкладки у Попова, ib., стр. 161—162). Въ Хронографахъ, нераздѣленныхъ на главы, отличающихся отчасти въ славянскихъ статьяхъ и вообще,—выкладка нѣсколько иная... (См. ib., стр. 162).

Глава 167: *О словенскомъ языкѣ и о русскомъ.* Это—первая статья русскаго сочиненія. За нею отрывки изъ разныхъ источниковъ о крещеніи болгаръ.

Глава 168: О князѣхъ Русскихъ,—о призваніи варяговъ по *Нестору*; затѣмъ отрывки изъ Манассіи и Амартола.

Глава 169: Царство Василія Македонскаго,—изъ Манассіи, Амартола и Зонары.

Глава 170: Царство Льва Премудраго,—изъ продолжателя Амартола, въ концѣ изъ Манассіи.

Глава 171: *О преложеніи книгъ съ греческаго языка на словенскій*; въ концѣ отдѣльные разсказы—изъ *Нестора.*

Главы 172—187: дальнѣйшія событія греческой и русской

исторіи (до Алексѣя Комнена греческой исторіи и Владимира Св. включительно, по русской); греческая исторія составлена преимущественно по отрывкамъ изъ Манассіи, съ небольшими вставками изъ продолжателя Амартола; русская исторія—по *Нестору*. Въ 187 главѣ помѣщается послѣдняя статья хроники Манассіи.

Главы 188—207: дальнѣйшее изложеніе исторіи греческой, до взятія Царяграда турками и русской—до в. к. Василія Васильевича. Среди разсказа непослѣднее мѣсто занимаетъ и Сербское царство. Греческая исторія является, впрочемъ, лишь въ видѣ краткихъ указаній порядка царей, числа лѣтъ ихъ царствованія, съ отмѣткой, православенъ или нѣтъ. Главное вниманіе обращается на русскую исторію, источниками для которой неизвѣстному составителю Хронографа главнымъ образомъ служитъ *Несторъ* и *продолжатели Нестора*. Сербская исторія разсказана по *житію св. Саввы*, *сербскому лѣтописцу*, *житію Стефана*, составленному Цамблакомъ, *предисловію* сербскаго ин. Исаіи.—При передачи фактовъ русской исторіи, кромѣ Нестора и его продолжателей, у составителя хронографа имѣлись подъ руками разныя *историческія повѣсти*.

Глава 208: *О взятіи Царяграда отъ безбожнаго турскаго царя Амурата*. Послѣдняя статья Хронографа. Статья—русскаго сочиненія.

Для литературной исторіи хронографовъ, вопроса о ихъ происхожденіи, особенно важной является первая редакція, какъ первоначальная и наиболѣе ранняя... Приводимъ выводы изслѣдователя относительно этой редакціи:

Всѣхъ списковъ первой русской редакціи, говоритъ изслѣдователь, извѣстно болѣе 20-ти; 1512 годъ, выставленный въ статьѣ *объ отложеніи мяса инокамъ*, можно принять за

годъ составленія редакціи... Въ чемъ состоялъ трудъ безъимяннаго русскаго книжника, который въ 1512 году придалъ Хронографу ту неизмѣнную форму, въ какой онъ дошелъ до насъ? ставитъ вопросъ изслѣдователь. Перевелъ-ли онъ его съ греческаго языка и дополнилъ славянскими статьями, самъ-ли его собралъ, или у него былъ въ рукахъ готовый юго-славянскій Хронографъ, который ему предстояло только приспособить къ нуждамъ русскихъ читателей, т. е. подновить языкъ и внести русскія лѣтописныя статьи?.. Изслѣдователь приходитъ къ выводу, что Хронографъ первой русской редакціи не сочиненъ однимъ лицомъ, а собранъ изъ разныхъ источниковъ, принадлежащихъ литературамъ—византійской, болгарской, сербской и русской. Начинается Хронографъ отъ сотворенія міра и оканчивается 1453 годомъ, взятіемъ Царяграда турками. Выдѣливши изъ общаго его состава всѣ статьи славянскаго происхожденія, въ основѣ Хронографа получимъ: библейскую исторію, выписки изъ византійскихъ историковъ, разныя мелкія вносныя статьи и предпосланное *предисловіе* греческаго происхожденія. Въ этомъ предисловіи неизвѣстный авторъ объявляетъ, что въ своемъ трудѣ онъ избралъ отъ многихъ лѣтописныхъ и бытейскихъ книгъ нужнѣйшее и добрѣйшее и совокупилъ все во едино; началъ же свой трудъ въ 984 году, а окончилъ въ 990. Это предисловіе могло-бы сильнѣе всего свидѣтельствовать о томъ, что общеисторическая часть нашего Хронографа переведена съ какого-нибудь греческаго подлинника. Предисловіе однако совершенно не согласуется съ самымъ составомъ Хронографа. Въ основу Хронографа, помимо Амартола (—до 948), Малалы (—до 566), Никифора Патріарха (—до 829), положены болѣе позднія произведенія: хроника Манассіи (доведенная до 1081 г.) и Зонары (—до 1118). Предисловіе не можетъ относиться къ произведенію, въ основу котораго положены болѣе поздніе источники... Одинъ изъ этихъ источниковъ указывается прямо въ самомъ

заглавіи: „и отъ премудраго Манассія“. Так. образ. греческое предисловіе не можетъ руководить въ вопросѣ о происхожденіи Хронографа .. Могла-бы быть, продолжаетъ изслѣдователь, еще такая догадка: неизвѣстный греческій Хронографъ 990 года былъ на греческомъ же языкѣ передѣланъ и дополненъ по хроникѣ Манассіи, и доведенный до 1081 года, сталъ подлинникомъ нашего Хронографа... Данныя однако дѣлаютъ лишнею такую догадку,—если мы обратимся къ славянскимъ переводамъ византійскихъ хроникъ. Эти переводы не уничтожаютъ противорѣчія между предисловіемъ и Хронографомъ, но даютъ право заключить, что появленіе разсматриваемаго памятника могло произойти и на другой почвѣ, помимо греческой. Хронографъ излагаетъ событія до 1081 года исключительно по византійскимъ источникамъ; но источники эти—византійскія хроники—за періодъ до 1081 года всѣ существовали и въ славянскомъ переводѣ. Итакъ, мы имѣемъ полное основаніе сдѣлать предположеніе, что Хронографъ не переведенъ съ греческаго, а собранъ славяниномъ по славянскимъ переводамъ греческихъ сочиненій. Византійскіе писатели, вошедшіе въ Хронографъ, всѣ были переведены на славянскій языкъ, хотя и на разныя нарѣчія. Хроника Манассіи была переведена въ XIV ст. (въ первой полов.) на болгарскій языкъ; Амартолъ былъ переведенъ въ глубокой древности, во всякомъ случаѣ—ранѣе 1116 г., такъ какъ имъ пользуется составитель „Повѣсти временныхъ лѣтъ“; переводъ хроники Малалы относится ко временамъ болгарскаго царя Симеона (до 927 года), и русск. лѣтописцамъ былъ извѣстенъ въ XII в.; хронографъ Зонары переведенъ на сербскій языкъ въ 1344 году; Лѣтописецъ Никифора Патр. переведенъ въ глубокой древности,—отъ него есть списокъ XIII вѣка... Кромѣ этихъ, вошедшихъ въ Хронографъ, византійскихъ хроникъ, на славянскомъ языкѣ имѣлись переводы и другихъ историческихъ сочиненій византійской

литературы. Так. образ. матеріалъ для составленія сборнаго Хронографа славянская письменность представляла въ изобилін; выбирать было изъ-чего... Опыты подобныхъ собраній на слав. языкѣ были и ранѣе; составитель разсматриваемаго Хронографа имѣлъ у себя предшественниковъ,—славянская письменность, помимо разсматриваемаго Хронографа, представляетъ и болѣе раннія отдѣльныя попытки къ составленію подобныхъ историческихъ сборниковъ, по славянскимъ переводамъ: доказательствомъ является *Еллинскій и римскій лѣтописецъ*—составъ котораго приведенъ выше—и который носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды славянскаго происхожденія... Такимъ образомъ—заключаетъ изслѣдователь—возможность для составленія Хронографа по славянскимъ перевоамъ была. Но есть признаки, которые убѣждаютъ, что Хронографъ дѣйствительно и былъ собранъ славяниномъ, а не переведенъ съ греческаго Эти признаки:

1) Близость текста Хронографа съ текстомъ уже существовавшихъ славянскихъ переводовъ Манассіи, Амартола, Малалы и Зонары.

2) Въ Хронографѣ изъ византійскихъ историческихъ сочиненій помѣщено только то, что можно было найти въ переводахъ,—въ Хронографѣ нѣтъ ни одной статьи, по общей исторіи, которой-бы не было въ славянскихъ переводахъ византійцевъ.

3) Подробныя выписки изъ византійскихъ историковъ прекращаются на той эпохѣ, гдѣ кончаются славянскіе переводы, именно съ окончаніемъ Манассіи (на 1081 году): византійскіе хронисты, писавшіе послѣ этого года, не были извѣстны въ славянскихъ переводахъ, и потому собиратель относительно дальнѣйшихъ событій византійской исторіи ограничивается однимъ сухимъ перечнемъ царствованій (при чемъ руководствомъ для него служило хронологическое сочиненіе: *Цари царствующіи въ Константинѣ градѣ православніи же*

и еретицы, тоже въ славянскомъ переводѣ). Точно также относительно Зонары: сербскіе списки Зонары прекращаются на 1028 году,—остальной части подлинника, отд. 1028—1118, въ нихъ не сохранилось; сообразно съ этимъ и въ Хронографѣ выписки изъ Зонары прекращаются на 1025 году.

4) Въ славянскомъ переводѣ Манассіи переводчикъ на поляхъ своей рукописи сдѣлалъ оригинальныя замѣтки, по исторіи болгаръ,—конхъ нѣтъ въ подлинникѣ Манассіи; всѣ эти славянскія глоссы, вмѣстѣ съ хроникой Манассіи, вошли и въ текстъ нашего Хронографа.

5) Въ славянскомъ переводѣ Манассіи вставлена повѣсть о Троѣ: *Повѣсти о извѣстованныхъ вещей, иже о кралехъ прича и о рожденихъ и пребыванихъ*; повѣсть южнославянскаго сочиненія и отдѣльно отъ перевода Манассіи не встрѣчается. Въ подлинникѣ Манассіи хроники этой, конечно, нѣтъ. Вмѣстѣ съ хроникой Манассіи „Повѣсть“ внесена и въ Хронографъ: слѣдов., у собирателя Хронографа былъ въ рукахъ славянскій переводъ Манассіи, а не подлинникъ греческій...

Гдѣ и когда составленъ Хронографъ впервые по славянскимъ переводнымъ сочиненіямъ? — Славянскій отдѣлъ состоитъ въ немъ изъ произведеній болгарскихъ, сербскихъ и русскихъ, но весь памятникъ принадлежитъ къ русскому изводу и отмѣченъ 1512 годомъ; по разсматриваемому типу Хронографа „отъ начала до конца прошла рука русскаго книжника“... Доказательства: а) языкъ поднов-ленъ,—болгаризмы и сербизмы сглажены; б) по всему Хронографу встрѣчаются русскія глоссы; в) статьи южно-славянскія распространяются по русскимъ источникамъ; г) послѣдняя глава *О взятіи Царяграда* оканчивается обращеніемъ къ русской землѣ... Съ перваго взгляда замѣчаетъ изслѣдователь, можно подумать, что Хронографъ и составленъ русскимъ. Но при болѣе точномъ изслѣдованіи приходится ограничить роль русскаго книжника. Къ 1512 году нужно отне-

сти пересмотръ Хронографа, а не его составленіе. Русскому книжнику принадлежитъ послѣдняя редакція Хронографа, но не первоначальное его собираніе и составленіе. Къ этому заключенію приводятъ слѣдующія соображенія:

а) Хронографъ доведенъ только до взятія Царяграда турками, до 1453 года,—между тѣмъ отмѣчается 1512-мъ годомъ: если бы въ этомъ году, 1512-мъ, Хронографъ былъ впервые составленъ, составитель вѣроятно не остановился бы въ немъ, въ русскихъ статьяхъ, болѣе чѣмъ за полустолѣтіе.

б) Главные переводные историческіе источники, положенные въ основаніе Хронографа, происхожденія юго-славянскаго,—ни Манассія, ни Зонара не были извѣстны въ русской письменности.

б) Статьи болгарскаго и сербскаго сочиненія почти всѣ собраны изъ особыхъ, отдѣльныхъ сочиненій, и съ такимъ знаніемъ дѣла, что показываютъ въ своемъ составителѣ ближайшее знакомство съ юго-славянскою письменностью, и не могли принадлежать русскому книжнику...

Какъ видимъ изъ самаго состава Хронографовъ, помимо чисто историческаго характера, Хронографы, какъ и вообще московскіе лѣтописные своды, являются богатыми архивами самыхъ разнообразныхъ, обширныхъ и краткихъ, историческихъ статей, выписокъ и цѣлыхъ произведеній,—повѣстей, сказаній, оффиціальныхъ памятниковъ. Такъ въ различныхъ редакціяхъ Хронографовъ встрѣчаемъ:

— *Сказаніе о взятіи Царяграда отъ безбожнаго турецкаго царя Амурата;*

— *Сказаніе Ивана Пересвѣтова о царѣ турскомъ Махметѣ, како хотѣлъ сожещи книги греческія;*

— *Сказаніе о сивиллахъ;*

— *Описаніе путешествія Америко Веспучіо;*

— *Сказаніе о созданіи великія Божія церкви св. Софіи;*

— *О хожденіи солнечномъ и о громѣ;*

— *Троянская исторія*;

— *Книга глаголемая космографія, сирѣчь всего свѣта описаніе*;

— *Сказаніе о Казанскомъ царствѣ*;

— *О новгородскомъ бѣломъ клобукѣ* и т. д.

Наконецъ, древнерусскіе Хронографы, наряду съ Палеями и византійскими хрониками,—служили для древней русской письменности обильнымъ источникомъ различныхъ апокрифическихъ сказаній, и въ видѣ мелкихъ отрывочныхъ подробностей и цѣлыхъ обширныхъ произведеній. Для самихъ Хронографовъ источниками здѣсь служили, помимо византійскихъ хроникъ, такія произведенія, какъ Церковная Исторія Евсевія, Исторія Іосифа Флавія, различныя подложныя или интерполлированныя „слова“ и „поученія“ церковныхъ писателей, и т. п.

Типичнѣйшимъ сборникомъ этого времени является *Азбуковникъ*„—хотя по генеалогіи своей и восходитъ къ гораздо болѣе раннему времени... „Вниманіе составителя или составителей Азбуковника, писалъ покойн. акад. Тихонравовъ,—сосредоточено исключительно, нераздѣльно, на тѣхъ памятникахъ славянскихъ и русскихъ, которые обращались на Руси съ древнѣйшаго времени до половины XVI вѣка; Азбуковникъ вращается въ кругу домашняго русскаго чтенія и не переступаетъ ни разу его границъ. Источниками для него служатъ оригинальныя и переводныя произведенія древне-русской литературы до половины XVI вѣка; ни къ византійскимъ, ни къ польскимъ, ни къ латинскимъ источникамъ прямо онъ не обращается. Посвященный объясненію непонятныхъ словъ, будутъ-ли то варваризмы, или архаизмы, онъ вращается, конечно, болѣе въ области переводной, нежели оригинальной славяно-русской литературы. На немъ лежитъ яркій отпечатокъ второй половины XVI-го вѣка. Онъ вызванъ тѣмъ же стремленіемъ поддержать „поисшатавшуюся русскую старину которымъ проникнуты *Стоглавъ* и *Домострой*. Онъ ста-

рается устранить все непонятное въ памятникахъ русской литературной старины, онъ вѣритъ лишь въ силу ея авторитета. Онъ также, какъ „Стоглавъ“ и „Домострой, вооружается противъ „отреченныхъ“, „свѣтскихъ“ книгъ, онъ рѣшается предложить „имена и отреченныхъ книгъ, да не како отъ неразумія, кто прочитая ихъ или вѣруяй имъ, прогнѣваетъ Господа Бога: зѣло бо мерзостенъ предъ Господомъ Богомъ всякъ вѣруяй волхованію и чародейству и звѣздочетцамъ и планитникамъ и шестокрылу и любяй гиомитрію и прочитая таковая“. Онъ осуждаетъ пѣніе подъ музыку по нотамъ, говоря: „Мусикія книжка, въ ней пишетъ пѣсни и кощуны бѣсовскія, ихъ же латины припѣваютъ къ мусикійскимъ органамъ согласію, сирѣчь гудебныхъ сосудъ свиряпію и играмъ“. Онъ привязанъ къ русской церковной старинѣ и считаетъ необходимымъ предложить толкованія собственныхъ именъ святыхъ, что-бы будущіе составители похвалъ новоявленнымъ русскимъ святымъ (какъ слышится здѣсь близость къ соборамъ 1547 и 1549 г., канонизировавшимъ русскихъ святыхъ!) имѣли возможность воспользоваться этими толкованіями: „Намъ словяномъ неудобь вѣдома нынѣшняя наша имена...; протолкована же вся та быша отъ древнихъ святыхъ любомудрецъ, нѣкая же послѣ и отъ Максима Грека, ради разумѣнія тезоименствъ хотящимъ въ словянѣхъ составляти тропари и кондаки и каноны новоявленнымъ святымъ въ Россіи: и древніи убо канонотворцы во мнозѣ прилагаху во своихъ слозѣхъ тезоименитства похваляемымъ отъ нихъ святымъ... Творецъ же, не увѣдѣвый толкованія имене святаго, како возможетъ подобное тезоименьство въ слозѣхъ своихъ приложити похваляемому отъ него святому?...“ Преслѣдуя любящихъ „геометрію и прочая таковая“, Азбуковникъ остается вѣренъ русской наукѣ; онъ черпаетъ свои свѣдѣнія научныя изъ Дамаскина, Іоанна Экзарха, Козмы индикоплова, Георгія Писида, Хронографовъ, Скитскаго Патерика, св. Писанія Криницы Амартола, Палеи, Златой Цѣпи, Діонисія Ареопа-

гита, житій святыхъ, Прологовъ, Синаксарей. Вотъ его авторитеты. Онъ воспитанъ древнею русскою литературою; онъ ея толкователь и защитникъ, и потому—многія памятники народной и письменной словесности находятъ въ Азбуковникѣ пособія къ опредѣленію своего содержанія, которое, съ своей стороны, даетъ возможность разъясняетъ содержаніе Азсуковниковъ"... Статьи грамматическія вовсе не служатъ главнѣйшимъ предметомъ толкованій Азбуковника. Напротивъ, грамматическія толкованія не выступаютъ здѣсь на первый планъ и вовсе не отличаются особенною подробносаію: самые источники Азбуковника по грамматикѣ были такъ скудны, что онъ могъ позаимствоваться изъ нихъ лишь нѣмногимъ"... Нерѣдко древнерусскіе Азбуковники называются энциклопедіею современной имъ русской науки; по мнѣнію Тихонравова—„Азбуковники можно-бы назвать скорѣе реальнымъ словаремъ къ важнѣйшимъ произведеніямъ древне-русской литературы, преимущественно церковной"...

Подъ именемъ „Синодика"—говоритъ изслѣдователь—въ древнерусской письменности скрываются три разнородныхъ памятника.

Во-первыхъ, согласно греческому названію этого памятника (*Συνοδικόν*), на Руси издавна разумѣлся подъ именемъ „синодика" „чинъ православія", читавшійся въ нѣкоторыхъ церквахъ, какъ и теперь, въ первое воскресеніе великаго поста, и заключающій въ себѣ провозглашеніе „анафемы" и „вѣчной памяти" разнымъ лицамъ, списокъ которыхъ, взятый въ основѣ изъ „чина православія" греческаго, съ теченіемъ времени измѣнялся, отчасти согласно греческому тексту, отчасти на основаніи данныхъ русской исторіи. Этотъ текстъ „чина православія", переживній многовѣковую исторію, какъ на греческой, такъ и на русской почвѣ, въ современной практикѣ русской церкви почти утратилъ уже названіе „синодика",—хотя это названіе еще удерживается за „чиномъ православія" въ рукописяхъ XV—XVII вв.

Во-вторыхъ, также съ очень давняго времени слово „синодикъ“ имѣло значеніе „помянника“, т. е. книги, въ которой записывались имена умершихъ для поминанія ихъ въ церкви за упокой. Надо думать, второе значеніе произошло позднѣе перваго и въ зависимости отъ него, такъ какъ „помянникъ“ въ собственномъ смыслѣ былъ органическимъ добавленіемъ къ той части „чина православія“, которая посвящена была провозглашенію „вѣчныхъ памятей“. „Помянникъ“ присоединялся къ „чину православія“ и помѣщался съ нимъ въ одной книгѣ, составляя какъ бы его продолженіе... Названія „синодика“ и „помянника“ отожествляются и ставятся рядомъ, для объясненія одного другимъ, во множествѣ рукописей до XVIII вѣка“.

Наконецъ, въ третьихъ, подъ названіемъ „синодика“ въ XVII и XVIII вв. разумѣлась такая книга, которая кромѣ поминаній заключала въ себѣ разнообразные „предисловія“ къ нимъ, въ видѣ разсужденій, разсказовъ и другого рода статей и отрывковъ, съ соотвѣтствующими иллюстраціями. Эти „предисловія“ объединены были темой о необходимости поминовенія усопшихъ душъ, о пользѣ покаянія, о тщетѣ всего земного. Такого рода Синодики были на Руси въ указанныя столѣтія въ полномъ смыслѣ народной книгой, распространялись въ огромномъ количествѣ списковъ и перешли въ началѣ XVIII в. въ лубочную литературу. „Предисловія“ въ нихъ очень рано стали получать преобладающую роль и вытѣснять собою „поминанья“; эти послѣднія уходили въ особыя поминальныя книжки, имѣвшія лишь частный интересъ, въ виду своего церковно-практическаго характера и назначенія“...

Въ своемъ изложеніи мы имѣемъ въ виду исключительно этотъ третій видъ „синодика“: Синодикъ—народную книгу.

Послѣднее значеніе древнерусскихъ Синодиковъ уже давно было указано Буслаевымъ. Знаменитый ученый неразъ касался въ своихъ изслѣдованіяхъ литературной исто-

ріи этого рода сборниковъ, и въ общихъ чертахъ довольно вѣрно охарактеризировалъ ихъ литературную роль. „Кромѣ молитвъ по усопшимъ и списка именъ для поминовенія, замѣчаетъ Буслаевъ въ одной изъ своихъ статей, Синодикъ содержитъ въ себѣ свѣдѣнія о томъ, на какихъ основаніяхъ и когда принято поминать мертвыхъ, почему поминовеніе совершается на третій, девятый и сороковой день, а также различныя повѣсти, приличныя предмету, т. е. о загробной жизни, о покаяніи т. п., изъ Патериковъ, изъ житія Василія Новаго и изъ другихъ повѣствовательныхъ сборниковъ,—такъ что многіе изъ Синодиковъ суть не иное что, какъ сборники нравоучительныхъ повѣствованій, только въ концѣ съ присовокупленіемъ поминанья... Удовлетворяя набожнымъ интересамъ нашихъ благочестивыхъ предковъ, Синодики принадлежатъ къ самымъ распространеннымъ на Руси народнымъ книгамъ. Соединяя въ себѣ выписки изъ Патериковъ и Прологовъ съ народными разсказами, эти сборники составляютъ въ нашей литературѣ естественный переходъ отъ древнѣйшей письменности къ позднѣйшимъ народнымъ книгамъ и лубочнымъ изданіямъ, которымъ они предшествуютъ своими миніатюрами, потому что Синодикъ, какъ книга народная, обыкновенно украшался изображеніями“... Позднѣйшія, болѣе спеціальныя изслѣдованія, посвященныя этимъ сборникамъ нашей письменности XVI—XVII, отчасти XVIII вв., вполнѣ подтвердили приведенную сейчасъ общую характеристику Синодиковъ, какъ народной книги,—точнѣе и подробнѣе выяснивши ея литературную исторію, ея литературныя связи и источники.

Прежде всего, позднѣйшія изслѣдованія указали, что литературный матеріалъ этого рода сборниковъ вообще крайне неустойчивъ; многочисленные списки Синодиковъ съ трудомъ подчиняются какимъ-либо распредѣленіямъ,—редакціямъ или группамъ. Точныхъ, опредѣленныхъ признаковъ редакцій указать нельзя: „чуть не каждый отдѣльный списокъ представ-

ляетъ собой отдѣльную редакцію“... Количество и объемъ статей и разсказовъ, вносимыхъ въ Синодикъ, сильно колеблются; „иные экземпляры чрезвычайно обильны, другіе наоборотъ чрезвычайно скудны,—хотя и тѣ и другіе несомнѣнно составлены по одному и тому же плану“... Позднѣйшій изслѣдователь приблизительно намѣчаетъ нѣсколько группъ или редакцій литературнаго Синодика,—но намѣчаемыя редакціи слишкомъ неустойчивы. Кромѣ того, рядомъ съ ними, передъ нами—цѣлый рядъ списковъ Синодиковъ „особаго состава“, которыхъ нельзя подвести „ни подъ одну“ изъ указанныхъ редакцій, „частью по составу самаго матеріала, частью по его расположенію“... Что касается содержанія, здѣсь прежде всего бросается въ глаза полное преобладаніе переводнаго элемента надъ оригинальнымъ, собственно русскимъ; послѣдній является въ Синодикахъ вообще очень незначительнымъ, и главнымъ образомъ въ статьяхъ, непринадлежащихъ органически къ основному составу Синодика. Переводный матеріалъ составителями Синодиковъ черпается изъ готовыхъ переводовъ,—изъ произведеній, уже обращавшихся въ современной московской письменности. Характеръ этихъ источниковъ является весьма типичнымъ. По словамъ изслѣдователя, литературные источники Синодика распадаются на два отдѣла: одни существовали у насъ уже до XVI вѣка, и вели свое начало изъ византійской литературы, другіе возникли на русской почвѣ въ XVI вѣкѣ, особенно въ XVII-мъ, обнаруживая новые литературные вкусы, пришедшіе съ Запада. Складываясь въ переходную эпоху русской литературы, Синодикъ соединилъ въ себѣ обѣ категоріи источниковъ, подчинивъ выбранное изъ нихъ содержаніе одной господствующей идеѣ“... Въ этомъ отношеніи, по справедливому замѣчанію изслѣдователя, Синодикъ является „весьма типическимъ литературнымъ явленіемъ своего времени“. Изъ содержанія Синодиковъ „можно наглядно видѣть, какую огромную силу въ эту эпоху

удерживали за собой религіозныя идеи въ средѣ древнерусскихъ читателей, и въ тоже время съ какой горячей готовностью наши книжники брали новый, иноземный матеріалъ, по скольку онъ могъ служить выраженіемъ старыхъ тенденцій“... Въ ряду главнѣйшихъ литературныхъ источниковъ Синодика, первое мѣсто уже Буслаевымъ было отведено Прологамъ и Патерикамъ; рядомъ съ ними болѣе поздній изслѣдователь ставитъ Великое Зерцало, бывшее для Синодиковъ „не менѣе значительнымъ источникомъ“... Далѣе замѣчается вліяніе такихъ памятниковъ, какъ Толковая Палея, Стословецъ патр. Геннадія, Хронографъ,—различныхъ статей календарнаго характера, Звѣзды Пресвѣтлой, нѣсколько разъ переводившейся на великорусскій языкъ (въ 1668 г.,—1683,—1706 г.),—такихъ позднѣйшихъ печатныхъ изданій, какъ Небо Новое (1677), Руно Орошенное (1683), и т. п. Болѣе обширными статьями, вносившимися въ Синодики, и которыя иногда очень далеко отстояли отъ его основной темы, были такія произведенія нашей старой и болѣе поздней письменности, какъ *Преніе живота и смерти*,—*Вопросы князя Антіоха*,—*Луцидаріусъ*,—*Слово Палладія мниха о второмъ пришествіи Господнемъ* и др. Какъ видимъ, Синодикъ „не былъ взятъ въ цѣломъ своемъ видѣ ни изъ византійской ни изъ западной литературы, но на основаніи матеріала, заимствованнаго изъ той и изъ другой, составленъ на русской почвѣ, усиліями русскихъ книжниковъ, и является оригинальнымъ литературнымъ явленіемъ въ той мѣрѣ, въ какой это было возможно у насъ для подобнаго рода памятниковъ въ указанную эпоху броженія религіозныхъ идей и столкновенія литературныхъ элементовъ разнаго характера и происхожденія: планъ, общая постройка и редакція Синодика несомнѣнно русскія, но матеріалъ, особенно если имѣть въ виду болѣе или менѣе первоначальный органическій составъ памятника,—за немногими исключеніями, чужеземный“... Основная идея Синодика, объединяющая его

нерѣдко весьма разнообразный и разнохарактерный матеріалъ,— назидательная, или вѣрнѣе покаянно-аскетическая, идея о важности и необходимости для умершихъ церковныхъ поминовеній, о томъ, какъ такія поминовенія иногда спасали отъ загробныхъ мукъ даже самыхъ большихъ грѣшниковъ, далѣе—вообще идея о загробномъ мірѣ, о состояніи души умершаго человѣка въ первые дни смерти, о „мытарствахъ“ души послѣ разлученія съ тѣломъ, — наконецъ, вообще мысль о необходимости для человѣка всегдашней памяти смерти, о суетѣ міра и бренности всего земного и т. д. и т. д. Вотъ болѣе или менѣе широкій кругъ идей, въ который вводитъ своихъ читателей Синодикъ, какъ народная книга московской письменности XVI—XVII вв., и позднѣе, XVIII-го. Указанная основная идея связывала позднѣйшій, чисто литературный, сборникъ съ двумя самыми ранними типами Синодиковъ,— „чиномъ православія“ и „поминаньемъ“... Литературный Синодикъ, какъ сборникъ XVI—XVII, XVIII вв., чаще всего присоединялся къ церковному Синодику, какъ его „предисловіе“,—которое въ болѣе или менѣе длинномъ рядѣ разсказовъ какъ-бы иллюстрировало основную идею, цѣлямъ которой служилъ сборникъ... Основная идея литературныхъ Синодиковъ тѣсно связывала его не только съ названными, болѣе ранними, чисто церковными типами Синодика, но и со всей современной литературой или, по крайней мѣрѣ, съ очень многими другими ея отдѣлами, преимущественно народно-поэтическаго характера, — духовными стихами и легендами, разнаго рода народными разсказами, наконецъ, съ литературой лубочныхъ картинокъ... Позднѣе прежній, болѣе ранній, рукописный Синодикъ чаще всего замѣнялся Синодикомъ печатнымъ. Послѣдній является въ самомъ началѣ XVIII в. и представляетъ собой нѣкоторую переработку прежнихъ, болѣе раннихъ редакцій рукописнаго Синодика.

Отличительной особенностью нашихъ литературныхъ Синодиковъ XVI—XVII вв. были миніатюры. Московскій

Синодикъ XVI—XVII вв. чаще всего былъ лицевымъ, иллюстрированнымъ,—при чемъ миніатюры играли въ различныхъ редакціяхъ Синодика различную роль. Въ огромномъ большинствѣ списковъ Синодика XVI в. текстъ составляетъ главное, а рисунки второстепенное, являются къ нему лишь иллюстраціей; но во болѣе позднихъ спискахъ, кон. XVII—нач. XVIII в., преобладающее мѣсто часто отводится рисунку, при которомъ текстъ играетъ роль лишь какъ-бы объяснительной подписи. Первостепенная роль принадлежитъ рисункамъ и въ Синодикѣ печатномъ. Техническіе пріемы иллюстраторовъ Синодика не сложны. Иллюстраціи Синодика изслѣдователи ставятъ въ особенно близкую зависимость отъ иконной живописи, указывая на сильное вліяніе послѣдней,—что́ обусловливалось той „обоюдной связью, которая въ XVI и XVII вв. существовала между иконой и миніатюрой рукописи, и въ сюжетахъ и въ ихъ выполненіи“...

Любопытными образчиками древнерусскихъ сборниковъ являются *Лѣчебники*, или *Травники*. Ихъ общее содержаніе совсѣмъ не отвѣчаетъ спеціальному заглавію. Передъ нами—„изборъ отъ многъ отецъ и многъ книгъ“, притомъ самыхъ различныхъ. Литературная исторія нашихъ Лѣчебниковъ еще мало выяснена; трудно сказать точно, откуда они пришли къ намъ,—изъ Византіи, черезъ южно-славянскія литературы, или съ Запада, черезъ Польшу, или возникли самостоятельно на русской почвѣ, и лишь подвергались дальнѣйшимъ обработкамъ при помощи иноземныхъ источниковъ. Во всякомъ случаѣ, „всѣ разнообразные списки этихъ памятниковъ литературы носятъ на себѣ явственные слѣды то иностранной, то чисто-русской редакціи, а во многихъ спискахъ иностранное съ своеземнымъ до того слилось, что то и другое составляетъ одно нераздѣльное цѣлое“... Къ послѣднему виду Лѣчебниковъ принадлежатъ напр. два списка Моск. Синод. б-ки, оба XVII в., №№ 480 и 481; таковъ же списокъ Моск. Рум. Музея, № 262. Переводную редакцію представляетъ

Травникъ б-ки гр. Уваровыхъ, бывш. Царскаго, № 615. Разнообразныя редакціи дошедшихъ списковъ указываютъ на длинную литературную исторію, которую испыталъ древнерусскій Лѣчебникъ. Предполагаютъ, что по своему возникновенію Лѣчебникъ принадлежалъ къ области „отреченныхъ“, или „ложныхъ“ книгъ,—исходнымъ зерномъ Лѣчебника могли быть такъ наз. „ложныя молитвы“, напр. „о трясавицахъ“ или лихорадкахъ, приписывающіяся нѣкоторыми „индексами“ еще болгарскому попу Іереміи, осложнившіяся позднѣе присоединеніемъ народныхъ заговоровъ, примѣтъ, выписками изъ различныхъ лѣчебныхъ книгъ и т. п., еще позднѣе—выписками вообще изъ всякаго рода книгъ, относящихся къ жизни, къ домостроительству, домоводству... Списки Лѣчебниковъ—какъ они дошли до насъ—заключаютъ въ себѣ „не только собственно врачебныя пособія, но и всевозможныя наставленія о различныхъ случаяхъ въ жизни, для благополучнаго исхода которыхъ необходимо чарующее слово, молитва или заговоръ вѣщая примѣта, или вообще — знаніе, смѣтка“. Наиболѣе ранними источниками нашихъ Лѣчебниковъ, предполагаютъ, были византійскіе и болгарскіе; позднѣе, съ XVI вѣка, къ прежнимъ источникамъ присоединяются западные,—въ Лѣчебникахъ дѣлаются выписки изъ „Тайная Тайныхъ“ Аристотеля, изъ „Аристотелевыхъ Вратъ“, изъ Альберта Великаго, Михаила Скотта, Раймунда Люллія и т. п. Переводы сочиненій названныхъ писателей существовали у насъ уже съ первой половины XVII вѣка... Источники Лѣчебника были вообще весьма разнообразны по своему характеру,—и это разнообразіе не могло не отражаться на ихъ составѣ и содержаніи. Книга напр. „Тайная Тайныхъ“ Аристотеля (котораго русскій переводчикъ именуетъ даже „преподобнымъ“) или „Аристотелевы Врата“,—была особаго рода средневѣковымъ сборникомъ (Secreta Secretorum), весьма распространеннымъ въ западной литературѣ, и по содержанію своему принадлежавшимъ къ обширному отдѣлу средневѣковой повѣ-

ствовательно-наставительной литературы. „Тайная Тайныхъ“ заключаетъ въ себѣ наставленія, преподанныя будто-бы Аристотелемъ своему ученику Александру Македонскому; наставленія касаются не только различныхъ обстоятельствъ жизни правителя, но и свѣдѣній, относящихся вообще къ человѣческому общежитію, наружнымъ свойствамъ человѣка, полезнымъ примѣтамъ, врачебнымъ пособіямъ, свѣдѣній о цѣлебныхъ свойствахъ драгоцѣнныхъ камней и т. п. Такія свѣдѣнія— для царя нужнѣе, чѣмъ для иного какого человѣка, замѣчаетъ Аристотель своему ученику,—„занеже ему (царю) человѣкъ яко же посудіе (посудина): каждое мастеру своему. А не будетъ мастеръ знати посудія своего вельми гораздо, не изведетъ дѣла своего достаточнаго“... Наставленія раздѣляются вм. главъ, на „врата“; отсюда—заглавіе книги: „Аристотелевы Врата“... Въ русскомъ переводѣ „Тайная Тайныхъ“ по мнѣнію Буслаева, обнаруживается замѣтное вліяніе польское; едва ли сборникъ не перешелъ къ намъ изъ Польши еще въ XVI вѣкѣ... Какъ уже замѣчено выше, въ древнерусскихъ Лѣчебникахъ иностранное постоянно переплетается съ своеземнымъ, заимствованное съ своимъ. „Не говоря о лѣчебныхъ пособіяхъ, замѣчаетъ изслѣдователь,—между которыми постоянно встрѣчаются латинскіе термины и приводятся иностранныя средства (напр.: „а то цѣлба нѣмецкая“..., „а то лѣкарство фріанъское“),—даже въ самыхъ заговорахъ и отреченныхъ молитвахъ, не смотря на своеземный составъ бо́льшей части ихъ, очевидны слѣды иностраннаго вліянія, отчасти греческаго, отчасти латинскаго (такъ, иногда упоминается латинская молитва Ave Maria: „да говори 5-ю „Отче нашъ“ да 5-ю „Ави Маріа“!.) Первоначальный составъ Лѣчебника распространялся внесеніемъ частныхъ, случайныхъ свѣдѣній и замѣтокъ, полученныхъ изъ разныхъ источниковъ,—которые иногда упоминаются (напр.: „Яковъ Мелецъ сказывалъ“...; „вышись взята у Ивана Насѣтки, а онъ взялъ у доктора“...; „сказывалъ венецъянинъ, торговый человѣкъ“... и т. д.).

Сверхъ того, Лѣчебникъ видопзмѣнялся вслѣдствіе мѣстныхъ условій, къ которымъ пріурочивался, и такимъ образомъ получалъ мѣстный характеръ“... Въ отношеніи къ послѣдней сторонѣ нашихъ Лѣчебниковъ, любопытны въ нихъ статьи вродѣ: *Битому человѣку отъ кнутья.* Въ одномъ спискѣ Лѣчебника совѣтуется: „Отъ московскаго кнутья, а не отъ сельскаго: Добро-бы вскорѣ захватити овчиною сырою тотчасъ, какъ бить и привязывати мездрою къ битому, и кровь битую овчина высосетъ все, и скоро жить станетъ. Отъ сельскаго кнутья: Молокомъ коровьимъ парнымъ мазать, перомъ или топленымъ грѣтымъ молокомъ“ и т. д.

Какъ замѣчено выше, древнерусскіе Лѣчебники далеко не ограничивались собственно лѣчебною областью. Слово „лѣчить“ понимается ими въ самомъ широкомъ смыслѣ. Своими совѣтами Лѣчебники обнимаютъ всю жизнь русскаго человѣка,—являясь въ этомъ случаѣ не столько въ роли собственно „лѣкарей“, сколько вообще „знахарей“, людей „вѣщихъ“, которые не только лѣчатъ недуги, но и вообще могутъ устроить или разстроить домашнюю жизнь человѣка, его семейное счастіе, благосостояніе и т. д. Древнерусскій Лѣчебникъ многими сторонами своего содержанія непосредственно сближается съ древнерусскими „Домостроями“,—этими сборниками практическихъ свѣдѣній и наставленій, необходимыхъ человѣку въ жизни, въ домашнемъ обиходѣ, въ разнообразныхъ отношеніяхъ къ обществу и т. д. „Только та существенная разница между Домостроемъ и Лѣчебникомъ, замѣчаетъ изслѣдователь, что въ первомъ господствуетъ только житейская мудрость и осторожная опытность, между тѣмъ какъ Лѣчебникъ въ своихъ средствахъ постоянно прибѣгаетъ къ сверхъ-естественнымъ чарующимъ силамъ“... Составъ древнерусскихъ Лѣчебниковъ поэтому вообще крайне широкъ и разнообразенъ. По нѣкоторымъ спискамъ, Лѣчебники начинаются отрывками изъ Шестодневовъ и Хронографовъ,—разсказываютъ исторію творенія міра, жизнь первыхъ людей и т. д. и т. д.

Дѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Цвѣтниковъ*. „Цвѣтники“ являются типичными образчиками позднѣйшихъ сборниковъ,—отражая на себѣ умственные интересы времени, стремленія и вкусы современныхъ читателей... „Цвѣтники“ довольно часто встрѣчаются въ русскихъ рукописяхъ XVI—XVII вв., и повидимому не имѣютъ строго опредѣленнаго типа (особый видъ „Цвѣтниковъ“—раскольническій). Выборъ статей и отрывковъ въ Цвѣтникахъ исключительно обусловливался личнымъ вкусомъ собирателя: одинъ составлялъ себѣ „цвѣтникъ“ изъ поученій аввы Дороѳея, другой выбиралъ „цвѣты“ изъ хронографовъ и Скитскаго Патерика, третьему нравились народныя произведенія, вродѣ „Бесѣды трехъ святителей“, и т. д. Сборники носили характеръ личный, заключали въ себѣ выписки самаго различнаго характера — небольшія статьи, мелкіе отрывки, отдѣльныя изреченія—самый разнобразный литературный матеріалъ, почему либо обратившій на себя вниманіе составителя, понравившійся ему, и записанный имъ „для памяти“... Это—своего рода записная книжка древнерусскаго читателя, гдѣ отражаются и вкусы составителя и общая переходность литературы времени. „Цвѣтники“ принадлежатъ къ такого рода сборникамъ, гдѣ рядомъ съ благочестивыми разсказами изъ Патерика помѣщается какое-нибудь фантастическое сказаніе изъ Александріи, при чемъ иногда даже прибавляется: „а се иное чудо Александра“...; имена христіанскихъ святыхъ сопоставляются нерѣдко съ лицами сказочными,—Николай Чудотворецъ вводится въ разсказы объ Акирѣ Премудромъ, и т. д. Обычай составлять для своего употребленія „Цвѣтники“ былъ весьма распространенъ у насъ и въ XVIII в. Изъ извѣстныхъ рукописей „Цвѣтниковъ“, наиболѣе любопытны два „Цвѣтника“ Моск. Спн. б-ки,—одинъ XVI вѣка, содержащій краткія повѣсти, притчи и поученія, другой 1665 года, изъ произведеній бо́льшею частью народнаго чтенія...

„Ересь жидовствующихъ“ раньше всего вызываетъ въ московской литературѣ особенно сильное оживленіе. Возникшая въ самомъ началѣ новаго періода, борьба съ ней особенно способствуетъ пробужденію и быстрому росту литературы Московскаго Гусударства. Неожиданно обнаружившаяся и быстро охватившая собой оба главнѣйшихъ центра государства—Новгородъ и Москву—ересь новгородскихъ еретиковъ даетъ первый наиболѣе сильный толчекъ къ пробужденію умственныхъ силъ страны.

Борьба съ „еретиками“ создаетъ рядъ замѣчательныхъ литературныхъ произведеній. „Ересь“ такъ или иначе группируетъ около себя всѣхъ лучшихъ людей Московскаго Государства конца XV—нач. XVI в. На открытую борьбу съ ней выступаютъ новг. архіеп. Геннадій († 1506) и волоколамскій игуменъ Іосифъ († 1515); около нихъ, но нѣсколько въ иной роли, видимъ „старцевъ“ Паисія Ярославова († нач. XVI в.) и „ученика“ его Нила Сорскаго († 1508). „Ученикъ“ этого „ученика“, энергичный кн.-ин. Вассіанъ Патрикѣевъ († пол. XVI в.) смѣло вступаетъ въ полемику съ Іосифомъ,—и какъ бы поддерживаетъ „еретиковъ“... Полемика быстро переходитъ и на другіе вопросы—что́ было сдѣлано отчасти не безъ участія самого „великаго старца“—когда на соборѣ 1503 года онъ „нача глаголати, чтобы у монастырей селъ не было, а жили бы черньцы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣліемъ“... Между кн.-ин. Вассіаномъ Патрикѣевымъ и „заволжскими старцами“, съ одной стороны, Іосифомъ и „презлыми осифлянами“, съ другой, возгорается открытая литературная борьба, которая касается самыхъ щекотливыхъ вопросовъ общественности... Чисто религіозныя цѣли полемики не были вполнѣ достигнуты: идеи еретиковъ не были вполнѣ уничтожены въ обществѣ,—и въ срединѣ столѣтія возрождаются съ еще бо́льшей рѣзкостью въ лицѣ такихъ пропагандистовъ, какъ Ѳеодосій Косой и нѣкот. др.

Литературное оживленіе, вызванное ересью жидовствующихъ, не ограничивалось одною полемикою. Съ дѣломъ борьбы противъ еретиковъ связанъ важнѣйшій трудъ Геннадія—составленіе *славянскаго кодекса Библіи*; о немъ мы скажемъ ниже. Вмѣстѣ съ тѣмъ сюда же примыкали литературные труды и самихъ еретиковъ,—отчасти стоявшіе въ близкой связи съ тѣмъ же Геннадіевскимъ кодексомъ Библіи. „Еретики“ издавна отличались книжностью, являлись вообще людьми книжными; они отличаются начитанностью, у нихъ иногда больше книгъ, чѣмъ у православныхъ.... „Еретики“ не рѣдко принимаютъ участіе въ литературныхъ трудахъ,—которыми пользуются и православные. Припомнимъ нѣкоего Ѳедора-еврея, переводчика *первыхъ девяти главъ книги Есфири*, перевода, внесеннаго въ кодексъ Геннадія,—припомнимъ также другіе труды этого времени по переводу и изученію книгъ св. Писанія, принадлежавшіе или тому же Ѳедору-еврею, или кому другому изъ современныхъ ему новгородскихъ „еретиковъ“, — переводъ *Псалтыри Давида пророка*, *Пятикнижія Моисея*, *Книгъ пророческихъ* и т п.,—трудъ сличенія славянскаго перевода Пятокнижія съ еврейскимъ, раздѣленія его на „парошп“ (субботнія чтенія) и т. д. Названный Ѳедоръ-еврей является вообще лучшимъ литературнымъ представителемъ „жидовствующихъ“... Самая ересь жидовствующихъ повидимому стояла въ ближайшей связи съ новыми культурными вліяніями, шедшими съ Запада черезъ Новгородъ.

Съ завершеніемъ политической централизаціи всѣхъ русскихъ областей около Москвы,—вопросы о различныхъ общественныхъ „нестроеніяхъ“ возникли сами собою: мѣстные удѣльные порядки приходилось вездѣ уравнивать „по московскому обычаю“, по „московской правдѣ“... „Московская правда“ и новые „московскіе обычаи“ особенно тяжело сказывались

въ такихъ центрахъ, какъ Новгородъ и Псковъ. Современный псковскій лѣтописецъ ярко, и не безъ поэтическихъ красокъ, рисуетъ намъ тѣ чувства, которыя внушала въ этихъ областяхъ „московская правда“... „Пріѣхалъ во Псковъ—читаемъ у лѣтописца—князь великой Василей Ивановичъ, мѣсяца генваря въ 24 день, и обычай псковской перемѣнилъ и старину порушилъ, забывъ отца своего и дѣдовъ слова и жалованья до псковичей и крѣстнаго цѣлованья, да уставилъ свои обычаи и пошлины новыя уставилъ... И былъ во Псковѣ плачъ и скорбь велпкая... О, славнѣйшій градъ, Псковъ великій! О чемъ ты сѣтуешь и плачешь? И отвѣщалъ прекрасный градъ Псковъ: Какъ мнѣ не сѣтовать, какъ мнѣ не плакать и не скорбѣть? Прилетѣлъ на меня многокрылый орелъ, у котораго крылья исполнены львовыхъ когтей, и взялъ у меня три кедра ливановы,—красоту мою и богатство и чадъ моихъ... У намѣстниковъ и у ихъ тіуновъ и у дьяковъ великаго князя—продолжаетъ лѣтописецъ—правда ихъ, крестное цѣлованье, взлетѣла на небо, и кривда въ нихъ начала ходить, и много было отъ нихъ зла, потому что они были немилостивы до псковичей, и псковичи бѣдные не знали правды московской. И далъ князь великій свою грамоту уставную псковичамъ, и послалъ царь великій своихъ намѣстниковъ по пригородамъ, и велѣлъ имъ пригорожанъ приводить къ крестному цѣлованью,—и начали пригородскіе намѣстники пригорожанъ притѣснять и продавать великимъ и злымъ умышленіемъ, подметомъ и поклепомъ, и былъ людемъ великъ налогъ тогда... Начали намѣстники надъ псковичами силу велику чинить, а приставы ихъ начали отъ поруки брать...; а кто изъ псковичей сошлется на великаго князя грамоту,—и они того убьютъ, а говорили: „то де тебѣ, смердъ, великаго князя грамота!....“ И тѣ намѣстники и ихъ тіуны и люди пили изъ псковичей крови много, и отъ ихъ налоговъ и наспльства многіе разбѣглись по чужимъ городамъ, покинувъ женъ и дѣтей. А иноземцы, что жили во Псковѣ, разошлись въ свои земли,—знать не въ

мочь жить во Псковѣ, только одни псковичи остались. Знать земля не разступится, а вверхъ не взлетѣть“... Въ жестокостяхъ и неправдахъ своихъ намѣстниковъ московскому правительству нерѣдко приходилось убѣждаться и самому. Такъ, въ 1517 году, великій князь московскій „слышитъ, что намѣстники въ Великомъ Новгородѣ судятъ сильно (насиліемъ), а тіуны ихъ судятъ по мздѣ“... Изъ-за жестокостей намѣстниковъ, правительство и въ Псковѣ и по другимъ городамъ принуждено было часто смѣнять намѣстниковъ,—но „правда“, и при этихъ смѣнахъ, оставалась прежней... Съ горькой иронiей говоритъ псковскій лѣтописецъ объ этихъ административныхъ перемѣнахъ: „Были дьяки частые, и были дьяки мудрые,—а земля пуста, и начала казна великаго князя множиться во Псковѣ“...

„Нестроенiя“ чувствовались и не по однимъ областямъ; „московской правдой“ и новыми „московскими обычаями“ не всѣ были довольны и въ самой Москвѣ. Иванъ Берсень жалуется Максиму Греку, что Русская земля „замѣшалася“: „наша земля замѣшалася, и пришли нестроенiя великiя,—какъ у васъ въ Царьградѣ, при вашихъ царѣхъ“... И вообще Берсень очень мрачно смотритъ на современность: „Которая земля переставливаетъ обычаи свои, замѣчаетъ онъ, и та земля не долго стоитъ; а здѣсь у насъ князь великiй старые обычаи перемѣнилъ. Ино на насъ котораго добра чаяти?“.. И въ другомъ мѣстѣ: „И язъ не вѣдаю, есть ли митрополитъ на Москвѣ?.. Учительнаго слова отъ него нѣтъ никотораго, и не печалуется ни о комъ“... Берсень недоволенъ и другими порядками, — всей московской политикой и современниками: „Нынѣ государь нашъ запершися самъ третей у постели всякiя дѣла дѣлаетъ... Нынѣ отовсюду брани, ни съ кѣмъ намъ миру нѣтъ,—ни съ Литовскимъ, ни съ Крымскимъ, ни съ Казанью; всѣ намъ недрузи,—а за наше нестроенье... Нынѣ въ людѣхъ правды нѣтъ“... Корень бѣдъ Берсень видитъ въ женитьбѣ моск. князя на Софьѣ Палеологъ и въ

пришедшихъ съ нею грекахъ-византійцахъ: „Какъ пришли сюда грекове, ино и земля наша замѣшалася; а дотолѣ земля наша жила въ тишинѣ и миру,—а какъ пришла сюда мати великаго князя вел. княжна Софья съ вашими греки, такъ наша земля замѣшалася и пришли нестроенія великія... Къ нашему нестроенію пришла“... Всѣ свои надежды Берсень возлагаетъ на помощь такихъ людей, какъ Максимъ Грекъ: „Ты человѣкъ разумной, говоритъ онъ Максиму,—и можешь насъ пользовати, и пригоже было намъ тебя спрашивати, ка́къ устроити государю землю свою, и ка́къ людей жаловати, и ка́къ митрополиту жити“...—Протестъ Берсеня былъ не единичнымъ. Кн. Курбскій, указывая въ одномъ изъ своихъ посланій на то, какъ всюду истинный врагъ рода человѣческаго, сатана, „изліялъ ярость свою на вѣрныя и изливаетъ, и прельстилъ страны многія и прельщаетъ“,—послѣднюю жертву дьявольскихъ козней видитъ въ современной ему Московской Руси: „Зри и здѣсь прилежно, обращается онъ къ читателю, како сопротивная злымъ совѣтомъ его (древняго змія) приходятъ. Державные, призванние и на власть отъ Бога поставленные, да судомъ праведнымъ и въ кротости и въ милости державу управятъ,—грѣхъ ради нашихъ вмѣсто кротости свирѣпѣе звѣрей-кровоядцовъ обрѣтаются, яко ни отъ естества подобнаго пощадѣти попустиша, неслыханныя смерти и муки на доброхотныхъ своихъ умыслиша. О нерадѣніи же державы и кривдѣ суда и о несытствѣ граблений чужихъ имѣній ни изрещи риторскими языки седнешнія бѣды возможно... Воинской же чинъ нынѣ худѣйшій строевъ обрѣтеся, яко многимъ не имѣти не токмо коней, къ бранемъ уготованныхъ, или оружій ратныхъ, но и дневныя пищи, ихъ же недостатки и убожества и бѣды и смущенія всяко слово превзыде. Купецкій чинъ и земледѣлецъ всѣ днесь узримъ, како стражутъ, безмѣрными данми продаваеми и отъ немилостивыхъ приставовъ влачими и безъ милосердія біеми, и овы дани вземше, овы взимающе, о иныхъ по-

мышляюще и иные умышляюще. Бѣдно виденіе и умиленъ позоръ! Таковыхъ ради нестерпимыхъ мукъ овымъ безъ вѣсти бѣгуномъ отъ отечества быти, овымъ любезныя дѣти своя и исчадія чрева своего въ вѣчныя работы продавати, и овымъ своими руками смерти себѣ умышляти, удавленію и быстрпнамъ рѣчнымъ и инымъ таковымъ себе предавати, отъ многія горести душамъ помрачитися естественному ихъ бытству... Но горе грабящимъ и кровь проливающимъ и милости и суда неимущимъ во властѣхъ своихъ!.. Время отмщенія близь есть"!..—„Въ извѣстномъ смыслѣ это пророчество сбылось—замѣчаетъ проф. Павловъ: въ „смутное время" имѣли свой день мести всѣ классы русскаго земства и общества, „изобиженные" московскимъ тягломъ и повинностями"...

Не мало разныхъ „нестроеній" было и на чисто реальной, житейской почвѣ, при чемъ вызывалось уже съ другой стороны,—отъ „нѣмцевъ"... Московскіе земскіе люди, особенно „купецкаго чина", уже очень скоро стали чувствовать „нѣмецкое злодѣйство"...

Въ 40-хъ годахъ XVII ст. возникаютъ значительные безпорядки и смуты во многихъ мѣстностяхъ Московскаго государства, причиною чему являются притѣсненія отъ нѣмцевъ, жившихъ на Руси по торговымъ дѣламъ. „А ихъ, государь,—говорится въ одной дошедшей до насъ челобитной, поданной по этому случаю отъ торговыхъ людей разныхъ городовъ,—нѣмецкое злодѣйство къ намъ, холопемъ и сиротамъ твоимъ, всего государства торговымъ людемъ, и лукавый умыселъ тебѣ. праведному государю, мы, холопи твои, объявляемъ"... „Злодѣйство нѣмецкое" заключалось въ слѣдующемъ: Ежегодно пріѣзжало въ Московское государство торговыхъ людей англичанъ человѣкъ по 60—70 и больше. Они устроили свои склады въ Архангельскѣ, Холмогорахъ, на Вологдѣ, въ Ярославлѣ, Москвѣ и др. городахъ, такъ что ихъ поселенія при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ доходили по Волгѣ уже до самой

Астрахани. Окончательно водворившись въ Московскомъ государствѣ, нѣмцы завели постоянную торговлю не только по его окрайнамъ, но и во внутреннихъ городахъ. Это были въ большинствѣ представители богатыхъ и старинныхъ торговыхъ фирмъ и пользовались покровительствомъ русской власти, такъ что конкуренція съ ними была для мѣстныхъ торговцевъ нелегка и даже опасна... Какъ-то нѣмцы хотѣли купить 900 пуд. шелку, давали за него по 77 ефим. за пудъ, но московскіе купцы перебили у нихъ эту покупку, набавивъ на всю сумму 8.000 ефимковъ; но когда москвичи привезли этотъ шелкъ въ Архангельскъ, нѣмцы не купили у нихъ ни одной гривенки и говорили: „Мы доведемъ до того, что московскіе купцы настоятся на правежѣ за долги,—заставимъ ихъ впередъ торговать лаптями“... Часто нѣмцами производились искусственное поднятіе и пониженіе цѣнъ на товары: „Какъ которой товаръ будетъ подороже, и они тотъ товаръ учнутъ продавать, а который товаръ будетъ подешевле и на который товаръ походу нѣтъ, и они тотъ товаръ держатъ у себя въ домѣхъ года по два и по три,—да какъ тотъ товаръ подымется цѣною, такъ и продавать учнутъ“... На московскіе товары цѣны такъ упорно сбивались, что многіе купцы „плачучи отдавали свой товаръ на безцѣнокъ“... Проявилось и другое „злодѣйство“. Прежде англійскіе „нѣмцы“ вымѣнивали свои товары на русскіе черезъ мѣстныхъ купцовъ-посредниковъ; теперь стали покупать они на мѣстахъ ихъ производства сами, „своимъ заговоромъ“, и „разсылаютъ—заявлялось въ челобитной—покупать по городамъ и въ уѣзды, закабаля и задолжа многихъ бѣдныхъ и должныхъ русскихъ людей, и тѣ товары покупя, русскіе люди привозятъ къ нимъ, а они провозятъ въ землю свою безпошлинно. А иные русскіе товары они, англинскіе нѣмцы, у города продаютъ на денги галанскимъ и бараборскимъ и анбурскимъ нѣмцамъ, а вѣсятъ у себя на дворѣ въ свои телѣги, и возятъ на галанскіе и на бараборскіе и на анбурскіе корабли тайно, и твою государеву пошлину кра-

дуть. Всѣми торгами, которыми искони вѣчными мы, холопи и сироты твои, торговали,—завладѣли аглинскіе нѣмцы, и отъ того мы, холопи и сироты твои, своихъ искони вѣчныхъ старыхъ торговыхъ промысловъ отстали и къ Архангельскому городу ѣздить перестали"... Въ челобитной указывается между прочимъ и такая уловка „нѣмцевъ", отъ которой особенно чинилась поруха и государевой казнѣ и земскимъ людямъ: первоначально право торговли въ Московскомъ Государствѣ получили только 23 человѣка,—которые и были поименованы въ жалованной грамотѣ; изъ нихъ потомъ осталось въ живыхъ всего 3—4 человѣка, да и тѣ уже не ѣздили въ Россію; пріѣзжали же сюда совсѣмъ другіе люди, не имѣвшіе никакого права на это, называясь братьями, племянниками, прикащиками лицъ, записанныхъ въ грамоту... Что касается до непосредственной торговли для русскихъ купцовъ за границей,—послѣдніе не должны были и думать объ этомъ: Ярославскій торговый человѣкъ Антонъ Лаптевъ поѣхалъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ Голландію съ пушнымъ товаромъ,—„нѣмцы" тамъ у него ничего не купили; когда же онъ вернулся въ Архангельскъ,—тѣ же нѣмцы взяли его мѣха по большой цѣнѣ и не стѣсняясь при этомъ заявляли: „Для того мы у Онтона Лаптева товару не купили, чтобы инымъ русскимъ торговымъ людемъ ѣздить въ наши государства но было повадно. А только въ нашихъ государствахъ русскіе люди учнутъ торговать такъ же, какъ мы у васъ,—и мы всѣ станемъ безъ промысловъ, такъ же оскудѣемъ, какъ и вы, торговые люди... Да не токмо вы, русскіе люди,—въ наши государства пытались пріѣзжать кизылбаши съ товарами своими, съ шолкомъ сырцомъ, и мы у нихъ потому же товаровъ не купили, и они, живучи долгое время, и опять назадъ съ товаромъ своимъ поѣхали къ себѣ, и послѣ того и ѣздить не стали... И вамъ бы, торговымъ людямъ, и то поставить себѣ въ большую находку, что его, Онтона, и съ голоду не уморили"... Кромѣ приведенной, передъ нами—рядъ другихъ челобитныхъ

отъ торговыхъ людей на „нѣмцевъ“ на ихъ „злодѣйства“ и „лукавые умыслы“ въ торговлѣ. Жалуются не только одни „торговые люди“, но и дворяне... Въ одной челобитной челобитчики просятъ государя—всѣхъ „заморскихъ нѣмецъ изъ Московскаго государства выслать и впередъ велѣть русскимъ людемъ торговать съ нѣмцы у Архангельскаго города“,—такъ какъ „московскіе гости и торговые люди во всякихъ торгѣхъ и въ промыслѣхъ отъ нѣмецъ погибли и раззорились до конца, да нѣмцы жъ, будучи въ Московскомъ государствѣ, проповѣдываютъ про вѣсти и пишутъ въ свои земли всякіе дѣла“. Предлагалось даже нѣчто въ родѣ выкупа,—чтобы избавиться отъ нѣмцевъ: „А что де нѣмцы, говорилось въ челобитной, будучи въ Московскомъ государствѣ и въ городѣхъ устроили себѣ дворы и на дворѣхъ поставили палаты, и только де укажетъ государь тѣ ихъ дворы со всѣмъ строеньемъ оцѣнить, чего тѣ дворы стоятъ, и за тѣ де дворы гости и торговые люди денги по цѣнѣ нѣмцамъ заплатятъ міромъ. А у которыхъ де нѣмецъ Московскаго государства на торговыхъ людехъ есть кабальные долги, и тѣ де долги нѣмцамъ русскіе люди заплатятъ; а чего де будетъ тѣмъ должникомъ заплатить вскорѣ будетъ немочно, и тѣ де достальные долги нѣмцамъ заплатятъ гости-жъ и торговые люди міромъ. А на комъ де нѣмцы скажутъ долговые денги безъ кабалъ, и тому бы, государь, по своему государеву уложенію вѣрить не велѣлъ: будетъ де кому нѣмцы въ какихъ долгѣхъ вѣрили безкабально, и они де съ тѣми людьми въ долгу сочтутца по душамъ“...

Все это, съ своей стороны, поддерживало въ массѣ глухое недовольство,—создавало почву для протестовъ...

Какъ вся наша древняя письменность, и различные протесты литературные противъ современныхъ общественныхъ „нестроеній“ въ московской литературѣ XVI—XVII вв. первона-

чально возникаютъ въ той же церковно-монастырской сферѣ,—но уже скоро принимаютъ характеръ болѣе широкій. Рядомъ съ вопросами спеціально церковными или даже монастырскими,—въ литературѣ быстро ставятся вопросы, имѣвшіе значеніе несравненно болѣе широкое...

Важнѣйшими памятниками этого рода въ московской литературѣ являются—помимо относящихся сюда и отчасти уже упоминавшихся полемическихъ посланій „заволжцевъ“, помимо сочиненій Максима Грека и кн. А. М. Курбскаго,—такія анонимныя произведенія, какъ знаменитая *Бесѣда Серія и Германа Валаамскихъ чудотворцевъ*, апокрифическое *Пророчество Исаіи о бѣдствіяхъ послѣднихъ временъ*, *Сказаніе о Петрѣ Волосскомъ воеводѣ, како писалъ похвалу благовѣрному царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси*, принадлежащее тому же анонимному автору *Сказаніе Ивана Пересвѣтова о царѣ турскомъ Махметѣ, како хотѣ сожещи книги греческія*, и др. п. Позднѣе, болѣе широкое и всестороннее обсужденіе современныхъ „нестроеній“ находитъ себѣ мѣсто въ сочиненіяхъ Котошихина и Крижанича.

Разширенію рамокъ возникшей литературной борьбы, критическаго обсужденія „нестроеній“, усиленію и развитію общаго броженія,—особенно способствуетъ литературно-обличительная дѣятельность Максима Грека († 1553). Обсужденію, критикѣ подвергается имъ не только тотъ или другой частный вопросъ церковной или монастырской жизни, но весь современный строй жизни русскаго общества, всѣхъ его сторонъ—религіозной, умственной, нравственной, даже спеціально-литературной... Максимъ Грекъ былъ человѣкъ свѣжій; свое образованіе онъ получилъ въ университетахъ западной Европы,—долго жилъ во Флоренціи, Венеціи, Парижѣ, былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ знаменитымъ Савонаролой, слушалъ въ Венеціи лекціи Іоанна Ласкариса, въ близкихъ отношеніяхъ стоялъ съ извѣстнымъ переводчикомъ и издате-

лемъ Адольфомъ Мануччи. Слѣдуя примѣру своего флорентійскаго учителя, Максимъ Грекъ выступаетъ съ страстными и безпощадными обличеніями,—матеріаловъ для которыхъ было такъ много въ Московской Руси половины XVI вѣка... Съ грозными словами обличенія обращается Максимъ Грекъ къ людямъ „живущимъ во грѣсѣхъ неотступно, а каноны всякими и молитвами преподобныхъ молящимися къ Богу по вся дни, надѣющимся спасеніе получити“,—„къ лихоимцамъ и сквернымъ, всякія злобы исполненнымъ, а каноны всякими и различными пѣсньми угождати чающимъ“... Смѣло обличаетъ тѣхъ постниковъ, которые „обрекаются не ясти мяса въ понедѣльникъ, будто спасенія ради бо̀льшаго, а па винопитіи сидять весь день, ищутъ въ тыя дни, гдѣ братчины, гдѣ пированіе. и упиваются до пьянства и безчувствуютъ всякимъ безчинiемъ“... „Что отвѣщаемъ мы, смиренніи – съ горестью обращается онъ къ своимъ новымъ соотечественникамъ—иже всю надежду спасенія нашего полагаемъ въ единомъ лишеніи мясъ и рыбъ и елея во времена священныхъ постъ,—а еже обидѣти и лихоимствовати бѣдныя подручники и въ судищи влачити ихъ и враждебнѣ ихъ ратовати и озлоблять различнѣ не престаемъ?!“... „Тогда мнѣ—говоритъ къ лихоимцамъ Божія Матерь—еже отъ тебе частѣ пѣваемое: „радуйся!“ благопріятно будетъ, егда увижу тя дѣломъ совершающа моего Рождества (Родившагося отъ меня) заповѣди и отступивша всякія вкупѣ злобы..., ихъ же дондеже держишися и бѣдно живущихъ убогихъ кровьми веселяся,—сугубыми росты и трудовъ безчисленными нужами несытно ихъ испивая мозги“... „Вы наипаче прогнѣваете моя утробы—говоритъ къ русскимъ современникамъ Максима Господь—доброгласныхъ пѣній и колоколовъ шумъ предлагающе Мнѣ, и многоцѣнное иконъ украшеніе и различныхъ муръ благоу-

ханія... Отъ неправедныхъ и богомерзкихъ лихвъ, лихоимання и хищенія чужихъ имѣній сія приносите Мнѣ. Не доброшумныхъ колоколовъ и пѣснопѣній и многоцѣнныхъ муръ требуя, о человѣцы, снидохъ на землю и во зракъ вашъ облекохся, но желая презѣльнѣ вашему спасенію...,—да приведу васъ къ Богу житіемъ честнымъ и нравы равноангельскими. Сего ради и въ книгахъ спасительныя заповѣди, поученія и наказанія моя повелѣхъ вписати, да можете вѣдѣти, како подобаетъ вамъ угодити мнѣ. Вы же книгу моихъ словесъ внутрьуду и внѣуду зѣло обильно украшаете сребромъ и златомъ, силу же написанныхъ въ пей моихъ велѣній ниже пріемлете, ниже исполнити хотяще паче же сопротивно, или же дѣете ложна и суетна сія обличаете“...

Въ ряду сочиненій Максима Грека однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ является *Слово пространне излагающее съ жалостію нестроенія и безчинія царей и властей послѣдняго житія*... Авторъ рисуетъ аллегорическую картину: Шелъ я по трудному и скорбному пути—разсказываетъ онъ—и вдругъ встрѣтилъ жену, сидящую при пути, съ поникшею головою и горько плачущую,—одѣта она была въ черныя ризы, какія носятъ вдовицы, а кругомъ со всѣхъ сторонъ около нея рыскали волки, львы, медвѣди, шакалы... Я ужаснулся такой неожиданной встрѣчѣ,—спросилъ жену: кто она? зачѣмъ сидитъ здѣсь, на распутіи, и плачетъ?.. Дивная жена долго отказывалась отвѣчать на вопросы, — боясь, чтобы путникъ, предавъ все сказанное ею „писанію“, не навлекъ на самого себя какихъ-либо бѣдствій... Уступая однако настойчивымъ просьбамъ, женщина сказала: „Странникъ! Я одна изъ благородныхъ и славныхъ дочерей Царя Небеснаго; мое имя Василія,—царство. Я получила это имя отъ Вышняго въ знакъ того, что владѣющіе мною должны служить крѣпостью и утвержденіемъ для своихъ

подчиненныхъ, а не виною пагубы и смятенія... Меня хотятъ подчинить себѣ славолюбцы и властолюбцы,—изъ нихъ мало такихъ, которые бы устрояли дѣла своихъ подчиненныхъ сообразно значенію моего имени; одолѣваемые сребролюбіемъ и лихоимствомъ, они морятъ подданныхъ всяческими истязаніями, постройками многоцѣнныхъ домовъ, нисколько не служащихъ къ утвержденію ихъ державы, а только на излишнее угожденіе и веселіе блудливыхъ душъ ихъ... Они растлѣваютъ благочестивый царскій санъ своими неправдами, лихоимствомъ, богомерзкимъ блудомъ; они скоры на пролитіе крови, по своему неправедному гнѣву и звѣрской ярости...; они не внимаютъ ни духовному священническому поученію, ни совѣтамъ многоискусныхъ старцевъ, ни прещеніямъ священныхъ писаній“ .. На вопросъ, что̀ значитъ этотъ пустынный путь и окружающіе звѣри—жена отвѣчала: „Пустынный путь—образъ окаяннаго сего послѣдняго вѣка, какъ уже лишеннаго благовѣрномудрыхъ царей, ревнителей Отца Небеснаго. Нынѣшніе цари заботятся только о томъ, чтобы разширить предѣлы державъ своихъ, другъ на друга враждебно ополчаясь. другъ друга обидя и радуясь кровопролитью вѣрныхъ народовъ, другъ на друга навѣтуя,—какъ дикіе звѣри, всяческими лаяньями и лукавствами“...

Переписка Курбскаго († 1583) съ Грознымъ представляла столкновеніе старыхъ общественно-политическихъ понятій съ новыми, уже упрочившимися теперь, столкновеніе общественныхъ взглядовъ, которые уже давно сложились въ Москвѣ и наиболѣе крайнимъ выразителемъ которыхъ явился Іоаннъ IV,—съ тѣми старыми, уже отжившими теперь, воззрѣніями, которыя нѣкогда существовали въ древней Руси и запоздалымъ борцомъ за которыя выступилъ Курбскій... Курбскій — защитникъ удѣльнаго древне-русскаго государственнаго строя, раздраженный противникъ новой столь быстро упрочившейся московской теоріи царской власти, обратившей нѣкогда свободныхъ дружинниковъ-бояръ въ го-

сударевыхъ холоповъ... Рядомъ съ посланіями къ царю, на почвѣ тѣхъ же мнѣній, Курбскій пишетъ *Исторію великаго князя Московскаго*, „исторію новоизбіенныхъ мучениковъ“,— не только страстный личный протестъ противъ неслыханныхъ тиранствъ „лютого и безчеловѣчнаго царя“, всѣхъ окружающихъ его „пагубниковъ отечества, тѣлесоядцевъ и кровопивцевъ“, дозволяющихъ „безстудствовати такому человѣкоразтерзателю“, но и первый для Москвы болѣе серьезный трудъ по исторіографіи, первое прагматическое сочиненіе...

Бесѣда Сергія и Германа Валаамскихъ чудотворцевъ, крайне спутанная и вообще весьма неискусная по внѣшнему изложенію, является замѣчательнымъ литературнымъ памятникомъ по своему содержанію. Произведеніе касается самыхъ различныхъ сторонъ современной общественности. Главная, исходная мысль автора, къ которой онъ постоянно возвращается, которую много разъ повторяетъ, это—монастырямъ не должны принадлежать вотчины. „Вотчинъ и волостей со христіаны (крестьяны) отнюдь инокомъ не подобаетъ давати; то есть инокомъ душевредно—мірскими суетами мястися... Царемъ иноковъ селы и волости со христіаны жаловати не достоитъ, и не похвально есть царемъ таковое дѣло“... „Отнюдь то есть царей и великихъ князей простота, а иноческая погибель, опять нѣсколько ниже повторяетъ авторъ, что отрекшимся инокомъ міра сего—тѣми мірскими суеты, грады и волости со христіаны, владѣти...; отнюдь не достоитъ инокомъ на сесвѣтное ни на что же позавидѣти, токмо возлюбити небесная“... Авторъ укоряетъ иноковъ, что они мнятъ себя „разумнѣе всѣхъ человѣкъ“; „былъ-бы ихъ разумъ, возражаетъ авторъ, разумнѣе всѣхъ,—тщалися-бы на душевное спасеніе, а волостей со христіаны за монастыри не залучали и того-бы бѣгали, и помника и посуловъ не пріимали, и льстивыхъ рѣчей-бы не внимали, и мірскія суеты, постригшися, бы не возлюбили,—и имѣли-бы въ себѣ образъ смиренномудрія съ молчаніемъ, а не свирѣпствомъ и яростію на хри-

стіанскія слезы,—и во царѣхъ такое свирѣпство мало будетъ“... Авторъ обвиняетъ впрочемъ не столько самихъ иноковъ, сколько царей, которые „даютъ инокамъ свои царскія вотчины, грады и села и волости со хрпстіаны“: всѣмъ этимъ „цари спроста, простотою своею отвращаютъ иноковъ отъ душевнаго спасенія и вводятъ иноковъ въ великую и безконечную погибель... Отнюдь то инокамъ не надобно и не потребно и не подобаетъ, и всего того отреклися иноки... Отнюдь то есть царское небреженіе и простота несказанная, а иноческая безконечная погибель—волости владѣти и міръ судити и отъ нихъ по христіаномъ приставомъ ѣздити и на поруки ихъ давати и пьянству во инокѣхъ быти и мірскими слезами кормитися,—волости со христіаны отрекшимся инокомъ владѣти. И не достоитъ иноку... ѣздити съ вершники, аки воину на брань; подобаетъ инокомъ вооружатися противъ сѣтей вражіихъ..,—а такое дѣло не богоугодно, что инокомъ изъ міру, аки царевымъ мірскимъ приказнымъ, сбирати себѣ всякіе царскіе доходы“... Царей, которые раздаютъ инокамъ города и вотчины, авторъ считаетъ даже недостойными носить титулъ самодержцевъ: „Таковымъ царемъ не достоитъ ся писати самодержцемъ ни въ чемъ, понеже съ пособники Богомъ данное царство и міръ воздержатъ, а не собою, ниже съ своими пріятели, съ князи и съ боляры, но не съ погребенными владѣетъ; съ мертвецы бесѣдуетъ таковый царь. Лучше степень и жезлъ и царскій вѣнецъ съ себе отдати и не имѣти царскаго имени на себѣ и престола царства своего подъ собою, нежели иноковъ мірскими суеты отъ душевнаго спасенія отвращати“... Иноки должны питаться „отъ своихъ праведныхъ трудовъ и своею потною прямою силою, а не царскимъ жалованьемъ и не христіанскими слезами,—послѣдствовати прежнимъ инокомъ, и во всемъ быти, аки прочіи преподобніи и пустынные жители“... „Не иноческимъ воеводствомъ, ниже ихъ храбростью грады крѣпятся и міръ строится, но ихъ постомъ и молитвами и непрестан-

ними слезами... Гдѣ въ мірѣ будетъ власть иноческая, а не царскихъ воеводъ,—ту милости Божія нѣсть“... Въ монастырскихъ вотчинахъ авторъ видитъ главную причину паденія современнаго монашества. Указывая на древнихъ иноковъ—„каковы ризы носили и какъ на славу и на величество и на христіанскія слезы гдѣ накупалися и у кого что насильствомъ и лжами отнимали и отъ кого чести и славы и волостей со христіаны получали? всего того они угодники Христовы убѣгали“—авторъ противопоставляетъ древнимъ отшельникамъ современныхъ иноковъ: „А мы окаяннїи многогрѣшнїи иноцы вылгали у всемилостиваго у небеснаго Владыки таковый нося великій образъ,—нареклися иноцы, а иноцы есмы, да только не на иноческую добродѣтель, но на всякую злобу иноки.. И сверхъ монастырскіе казны да еще крадемъ, и всяко себѣ въ собину собираемъ... Во иноческомъ образѣ строимъ каменныя ограды съ палаты и позлащенные узоры, съ травами иноцѣнными, аки царскіе чертоги украшаемъ себѣ въ келіяхъ... Мнози во иноцѣхъ сряжаются въ образъ той, яко жеѣихъ на женитву,—не для ради смиренномудрія и душевныя мзды, но для ради высокоумныя славы и величества... Таковые ангельскому чину посмѣхъ творятъ“... Въ ряду современныхъ иноковъ авторъ многихъ обвиняетъ даже въ поддѣлкѣ письменныхъ свидѣтельствъ: „А сего цари не вѣдаютъ, говоритъ авторъ, и не внимаютъ, что мнози книжницы во иноцѣхъ, по дьявольскому наносному умышленію, изъ святыхъ божественныхъ и изъ преподобныхъ житія выписываютъ и выкрадываютъ изъ книгъ подлинное преподобныхъ и святыхъ отецъ писаніе, и на то же мѣсто въ тѣ жъ книги приписываютъ лучшая и полезная себѣ, посятъ на соборы во свидѣтельство, будьто ся подлинное святыхъ отецъ писаніе“... Авторъ, повидимому, не всѣми доволенъ и изъ высшихъ представителей иночества; онъ убѣждаетъ царей „порадѣти о спасеніи міра всего, паствы своея, и избирати на святительскую власть крѣпко и подлинно вѣдущихъ ино-

ковъ на всяку добродѣтель, и ставити ихъ на таковый чинъ не по дружбѣ, ниже по посуломъ, но истинно, по правдѣ, нелицемѣрныхъ постниковъ и къ Богу подвижниковъ“. .— Отъ иночества авторъ переходитъ къ изложенію своихъ взглядовъ на царскую власть: „Мнози глаголютъ въ мірѣ, замѣчаетъ онъ, яко самовольна человѣка сотворилъ есть Богъ на сесь свѣтъ. Аще-бы самовластна человѣка сотворилъ Богъ на сесь свѣтъ, и онъ-бы не уставилъ царей и великихъ князей и прочихъ властей и нераздѣлилъ-бы орды отъ орды. Сотворилъ Богъ благовѣрные цари и великіе князи и прочіи власти на воздержаніе міра сего для спасенія душъ нашихъ“... Послѣднее принимаетъ авторъ даже въ буквальномъ смыслѣ: „Аще-бы въ мірѣ о семъ всегоднемъ посту, говоритъ онъ, не царская всегодняя гроза, ино въ воляхъ своихъ не каются по вся годы, ниже послушаютъ поповъ,—да еще многихъ поповъ для того отъ мѣстъ откажутъ, слабости своея ради посмѣются попомъ. Мнози начнутъ глаголати сіе: мзды ради попы глаголютъ, что покаятися и говѣти по вся годы вездѣ... А не разсудимъ, продолжаетъ авторъ, что яко скоти несмысленніи... не готови мремъ (т. е. безъ покаянія и причастія)—слабости ради и самовольства для царской простоты“... Авторъ переходитъ дальше къ вопросу о томъ, какъ должны цари управлять своимъ царствомъ, съ кѣмъ должны совѣтоваться. „Царю достоитъ непростовати, съ совѣтники совѣтъ совѣщати о всякомъ дѣлѣ, а святыми божественными книгами сверхъ всѣхъ совѣтовъ внимати и почасту ихъ прочитати“... Мысль эту повторяетъ авторъ не разъ. Авторъ особенно вооружается противъ вліянія иноковъ: „Не съ иноки, говоритъ онъ, повелѣлъ Господь царемъ царство и грады и волости держати и власть имѣти,—съ князи и съ бояры и съ прочими съ міряны, а не съ иноки. Инокомъ повелѣ Господь за царя и за великихъ князей въ смиренномъ образѣ Бога молити“... „Подобаетъ съ міромъ во всемъ вѣдати царю самому, со властьми своими, а не съ иноки“, повторяетъ нѣсколько разъ

авторъ. Авторъ особенно вооружается противъ „обавниковъ“, которыхъ цари слушаютъ, которыхъ сами же „испосулятъ“; таковые цари дадутъ отвѣтъ предъ Небеснымъ Царемъ „за множество міра и неразсудныя власти своея“. Авторъ возстаетъ далѣе противъ „мудрыхъ грамотниковъ, а больше того отъ книгъ сказателей“, которые являются „при царѣхъ“,—„мало будетъ въ нихъ (въ этихъ „грамотникахъ“) разумѣющихъ въ помощи съ міромъ царю святыми божественными книгами. Мнози убо въ нихъ сыщутся и начнутъ быти въ крылысѣхъ горазные пѣвцы, кождо ихъ начнетъ хвалити свое пѣніе, а ни объ одномъ переводѣ ихъ съ небеси свидѣтельства не было да и не будетъ... На таковыхъ бо глупцовъ былъ извѣтъ: аки волы ревутъ другъ передъ другомъ, въ пѣніи томъ тщатся, ногами пинающе и руками трясуще, главами кивающе, аки бѣснующіися, гласы испущающе. Таковые-то будутъ при послѣднемъ времени начало лживыхъ пророкъ“... Въ частности авторъ требуетъ, чтобы цари и великіе князи „изъ міру всякіе доходы своя съ пощадою собирали и всякія дѣла дѣлали милосердно...,—а не гнѣвно, не по наносу“.. Авторъ обнаруживаетъ вообще заступничество за массу населенія: вооружаясь противъ ненормальностей современной иноческой жизни, онъ не разъ заступается за „труждающихся на насъ“, „милующихъ и питающихъ насъ“,—за „трудниковъ мірянъ и прочихъ православныхъ христіанъ“... Заступникомъ за массу населенія онъ является и предъ „царями“; авторъ указываетъ на разбои и хищничества, которыя причиняются населенію отъ своихъ собственныхъ воиновъ: „Невѣрные тщатся, говоритъ онъ, въ ротѣхъ на убійство и грабленіе и на блудъ и на всякую нечистоту и злобу своими храбростями, и тѣмъ хвалятся; а вѣрнымъ воинамъ подобаетъ къ войнамъ быти съ царскаго повелѣнія, и стояти противъ враговъ креста Христова,—а къ своевѣрнымъ и въ домѣхъ ихъ быти кротко, щедро и милостиво, и ихъ не бити, ниже мучити, и грабленія не творити, женъ и дѣвицъ не сквернити, черницъ и вдовицъ

и прочихъ сиротъ и всѣхъ православныхъ христіанъ ничѣмъ не вредити,—да отъ ихъ слезъ и воздыханія воини злѣ не постраждутъ. Подобаетъ въ войнахъ быти и помнити всегда смертный часъ, съ чистотою и со всякою добродѣтелью,—и таковому войску бываетъ невидимо, овогда и видимо, отъ Бога помощь и одолѣніе"... Авторъ видитъ и другія нестроенія въ окружающей жизни, результатъ „иноческихъ грѣховъ" и „царской простоты": „Помолитеся, взываетъ онъ, царіе и великіе князи и прочіи съ міромъ власти, со всѣми вселенскими соборы, Господу Богу и Спасу нашему... и Пречистѣй его Матери.., призовемъ на помощь святыхъ ангелъ и архангелъ, святыхъ пророкъ и апостолъ и мученикъ.., и всѣхъ святыхъ лики—за множество грѣховъ своихъ, и за простоту прежнихъ государей и христолюбивыхъ царей, и за великихъ богоизбранныхъ благовѣрныхъ князей русскихъ, и за священническій и за иноческій чинъ грѣховъ ихъ, и помяните въ молитвахъ своихъ весь родъ христіанскій. Умножилася есть предъ Богомъ и за весь міръ простота царей и великихъ князей и вопіетъ къ Богу грѣхъ священническій и иноческій и кровь христіанская и обида и слезы на обидящихъ, и паче всѣхъ и за всѣхъ на иноковъ!".. Съ горечью жалуется авторъ на вліяніе иновѣрцевъ: „Любимыя братья! взываетъ онъ: Бѣда и скорбь и погибель роду христіанскому,—отставшимъ вѣры христіанскія, возлюбивъ слабую и прелестную и незаконную намъ латынскую и многихъ вѣръ вѣру, и позавидѣхомъ иже на невѣрныхъ ризамъ ихъ отъ главы и до ногу, и ихъ обычаемъ. А того не узнахомъ, чему отъ невѣрныхъ порадѣемъ, а послѣди со слезами поработаемъ и горько въ неволяхъ постражемъ. Понеже Богъ неповелѣ на невѣрныхъ ризъ и на ихъ обычаи вѣрнымъ человѣкомъ завидѣти,—богомерзко и незаконно ихъ житіе и обычай ихъ непріятенъ"... „Горе роду христіанскому, взываетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—прельстившимся въ невѣрныхъ порты и шлыки и имущимъ ихъ на себѣ!.." Авторъ указываетъ на „бритье бородъ и усовъ",—и взываетъ къ цар-

ской власти, которая одна можетъ удержать отъ всего этого. Авторъ отмѣчаетъ и дѣйствительное паденіе въ народѣ религіозности: „Царю и великому князю уставити вездѣ, совѣтуетъ авторъ, своею царскою смиренною грозою—бородъ и усовъ не брити, не торшити, и сану своего ничѣмъ не вредити,—крестное знаменіе на себѣ сполна воображати, каятися, говѣти по вся годы всякому человѣку вездѣ, исповѣдатися Господеви и отцемъ духовнымъ отъ двоюнадесяти лѣтъ мужеска полу и женска“, и т. д...

Таково содержаніе этого замѣчательнаго памятника. Въ приложеніи къ нему, по нѣкоторымъ спискамъ, читается *Ино сказаніе*, — принадлежащее очевидно другому автору. „Ино сказаніе“ сосредоточивается исключительно на вопросѣ о царскихъ совѣтникахъ,—и рекомендуетъ въ этомъ отношеніи мѣру, значительно отличающуюся отъ той, которая указывается авторомъ „Бесѣды“. По мнѣнію автора „Иного сказанія“, цари должны управлять своимъ государствомъ въ совѣтѣ не съ отдѣльными „князи и боляры“, а съ „единомысленнымъ вселенскимъ совѣтомъ“...

Впрочемъ, не молчали и проповѣдники послѣднихъ мнѣній, защитники интересовъ иноковъ и вообще духовенства. Съ XVI вѣка тянется въ нашей литературѣ цѣлый рядъ сочиненій въ защиту вотчинныхъ правъ монастырей, цѣлый рядъ „словъ“ и „посланій“, направленныхъ противъ „обидящихъ церкви божіи“, посланій „о вольностяхъ церковныхъ“, „о неприкосновенности церковныхъ имуществъ“ и т. д. Въ XVII вѣкѣ литературная борьба особенно обострилась въ связи съ дѣломъ патріарха Никона,—который съ особой энергіей нападаетъ на самое *Уложеніе* Алексѣя Михайловича, какъ на „проклятую книгу“....

Премудрости греческихъ философовъ и латинскихъ докторовъ и Петра Волоского воеводы—написано, повидимому, въ подражаніе различныхъ дидактическихъ сочиненій о государствѣ, и имѣетъ форму письма отъ нѣкоего Пересвѣ-

това (имя, конечно, вымышлено) къ Іоанну IV о качествахъ, необходимыхъ царю. Подъ видомъ совѣтовъ, неизвѣстный авторъ указываетъ въ своемъ произведеніи тѣ общественныя „нестроенія“, которыми страдало Московское царство XVI вѣка... „Да и того не хвалитъ (Петръ Волосскій воевода), сообщаетъ авторъ,—что усобную войну на царство свое напущаетъ (Іоаннъ IV), даетъ городы и волости вельможамъ своимъ, и вельможи отъ слезъ и крови рода христіанскаго богатѣютъ нечистымъ собраніемъ: и какъ съѣдетъ съ кормленій съ городовъ и волостей и въ обидахъ присужаютъ имъ поля и въ томъ много грѣха сотворяютъ... Вельможи русскаго царя сами богатѣютъ и лѣнивѣютъ, и царство оскужаютъ, и тѣмъ ему слуги называются, что цвѣтно и конно выѣзжаютъ на службу его, и крѣпко за вѣру христіанскую не стоятъ противъ недруга, смертною игрою не играютъ... Москвитянинъ Васька Мерцаловъ почалъ сказывати Петру, Волоскому воеводѣ: Вѣра (на Руси), государь, христіанская добра, и всѣмъ полна, и красота церковная велика, а правды нѣтъ... И потому Петръ Волосскій воевода заплакалъ: „Коли правды нѣтъ, то и всего нѣтъ“...

Соотвѣтственно общему господствующему настроенію идей вѣка,—литературные протесты противъ „нестроеній“ рано принимаютъ особый, какой-то апокалипсическій характеръ. Псковскій лѣтописецъ въ бѣдствіяхъ роднаго города и всей области видитъ знаменія „послѣдняго времени“. Разсказавъ о взятіи города, лѣтописецъ замѣчаетъ: „А всему этому Богъ повелѣлъ быть за наши грѣхи. Ибо писано въ Апокалипсисѣ, въ главѣ 54: пять царей минуло, а шестой есть, но еще не пришелъ,—шестымъ же царемъ именуетъ (царя) въ Руси скиѳскаго острова; онъ тои есть шестой, потомъ еще седмой, а осьмой антихристъ. Вотъ Христосъ во св. Евангеліи сказалъ: да не будетъ бѣжство ваше зимѣ, ни въ суботу. Но вотъ уже пришла на насъ зима. Сему царству разширяться и зло-

дѣйству умножиться. Охъ, увы!..“ Псковичи начинаютъ смотрѣть на Москву именно съ этой апокалипсической точки зрѣнія. По поводу женитьбы московскаго князя Ивана Васильевича, псковскій лѣтописецъ замѣчаетъ: „Великій князь женился и взялъ княгиню Настасью, и были вѣнчаны царскими утварями, и захотѣлъ царство устроить на Москвѣ... А писано въ Апокалипсисѣ, глава 54: пять царей минуло, а шестой есть, но еще не пришло,—но вотъ уже настало и пришло“... Обиды, которыя терпѣли въ Псковѣ отъ Москвы, иногда предвѣщались и небесными знаменіями; такъ въ 1547 году (когда московскій великій князь опалился на псковичей, пришедшихъ къ нему съ жалобой на московскаго намѣстника,—„безчествовалъ ихъ, обливалъ виномъ горячимъ, палилъ бороды и волосы, да свѣчой зажигалъ, и повелѣлъ ихъ покласти нагихъ на землю“...)—въ Псковѣ было знаменіе: на небѣ надо всѣмъ Псковомъ кругъ бѣлый, а отъ Москвы наступали на этотъ бѣлый кругъ другіе круги, весьма страшные, и на большомъ кругу перепояски; а къ Опочкѣ виденъ былъ столпъ дуговидный,—ибо, поясняетъ лѣтописецъ послѣднюю черту знаменія, тогда и къ Опочкѣ послалъ князь великій воеводу съ 2000 войска, мстя за Салтана Сукиныхъ, ибо тотъ салтанъ пошлинникъ много дѣлалъ зла, и опочане, изымавъ (его), посадили въ крѣпость“...

На особой апокалипсической отчасти точкѣ зрѣнія стоитъ и упоминавшійся выше старецъ псковскаго Елеазарова монастыря Филоѳей,—который рѣшается свои мистическія думы и опасенія повѣдать непосредственно самому московскому князю, съ цѣлью предостеречь его отъ грядущихъ бѣдствій. Констатируя совершившееся событіе,—что „вся царстія православныя христіанскія вѣры снидошася во едино царство“ московское,—старецъ продолжаетъ: „Подобаетъ тебѣ, царю, сіе держати со страхомъ божіимъ; убойся Бога, давшаго ти сія,—не уповай на злато и богатство и

славу... Сія же писахъ ти, любя и взывая и моля,—да премѣниши скупость на щедроты и немилосердіе на милость; утѣши плачущихъ и вопіющихъ день и нощь, избави обидимыхъ изъ руки обидящихъ... Господь поможетъ ти,—аще добрѣ устроиши свое царство, будеши сынъ свѣта и гражанинъ вышняго Іерусалима... Блюди и внемли, благочестивый царю,—вся христіанскія царства снидошася во твое едино; два Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быти!..“ И въ заключеніе приводитъ пророчество св. Ипполита объ антихристѣ...

Эти апокалипсическія воззрѣнія—вмѣстѣ съ протестами и полемикой—съ полов. XVII в. ск особенной рѣзкостью возраждаются въ расколѣ, по поводу всякаго рода нахлынувшихъ „новшествъ“...

III.

Западныя вліянія раньше всего находятъ доступъ въ Московскую Русь черезъ Новгородъ. Съ полов. XVI—въ XVII вв. ихъ пути идутъ черезъ юго-западную Русь, преимущественно изъ Польши, отчасти изъ южной славяно-итальянской среды, отчасти непосредственно съ Запада. Съ половины XVII в. рядъ кіевскихъ ученыхъ переносятъ свою литературную дѣятельность непосредственно въ Москву...

И въ XIV и въ XV вв. общее культурное развитіе въ Новгородѣ—гораздо выше, чѣмъ какое видимъ за это время въ Москвѣ. Сравнительно съ другими областями, въ періодъ татарскаго ига Новгородъ находился вообще въ болѣе лучшихъ условіяхъ. Болѣе изолированное его географическое положеніе въ значительной степени ослабляло тягости ига... Въ Новгородѣ за все это время мы видимъ поэтому го-

раздо бо́льшее развитіе книжной дѣятельности, чѣмъ гдѣ либо,— особенно въ XIV—XV вв., передъ окончательнымъ паденіемъ политической свободы Новгорода, и сосредоточеніемъ затѣмъ всего древне-русскаго и образованія и литературы въ Москвѣ... Не только въ XV, но и въ XVI в., на Москвѣ мы видимъ довольно значительныя вліянія болѣе высокой новгородской культуры, — напр. въ искуствѣ, а также и въ другихъ сферахъ. Въ области искуства западная новизна начинаетъ сказываться въ Новгородѣ уже съ XV вѣка,—между тѣмъ въ Москву она проникаетъ лишь съ пол. XVI в., и изъ Новгорода... Въ Новгородѣ, Псковѣ и въ XIII—XIV вв., въ вѣка въ смыслѣ просвѣщенія наиболѣе у насъ глухіе и темные, просвѣщеніе повидимому не падаетъ окончательно, но понемногу подвигается впередъ, распространяется въ массахъ, даетъ начало духу пытливости, критики.. Въ XIV вѣкѣ здѣсь обнаруживаются стригольники; въ концу XV в.—жидовствующіе. Помимо ихъ „ересей“,—это были наиболѣе образованные, книжные люди въ краѣ. Со второй половины XV в. въ Новгородѣ обнаруживается открытое стремленіе вызвать въ памяти, собрать во едино мѣстныя преданія, старую славу „великаго Новгорода“,—какъ бы затѣмъ, чтобы противопоставить это умственное, духовное богатство все усиливавшимся притязаніямъ Москвы, еще бѣдной такой духовной жизнью. Таковы литературныя предпріятія новг. архіеп. Евѳимія (1430—1458) и Іоны (1458—147); послѣдній между прочимъ съ этой цѣлью вызываетъ сюда Пахомія Логоѳета дѣятельность котораго здѣсь главн. образ. посвящается закрѣпленію священныхъ преданій Новгорода... Наиболѣе видные дѣятели московской литературы XVI вѣка—м. Макарій, Сильвестръ—обязаны своимъ образованіемъ Новгороду или прямо пришли изъ Новгорода. Въ Новгородѣ же будущій московскій митрополитъ Макарій принимается за собираніе своихъ *Четь-Миней*... Уже къ концу XV вѣка въ Новгородѣ ходятъ по рукамъ старопечатныя латинскія

изданія,—а равно и библіи нѣмецкія... Вокругъ Геннадія мы видимъ уже цѣлый кружокъ образованныхъ людей и переводчиковъ...

Какъ было уже нами замѣчено, „ересь жидовствующихъ“ раньше всего вызываетъ въ московской литературѣ особенно сильное оживленіе. Возникшая въ самомъ началѣ новаго періода борьба съ ней особенно способствуетъ пробужденію и быстрому росту литературы Московскаго государства,—даетъ первый, наиболѣе сильный толчокъ къ пробужденію умственныхъ силъ страны...

Много чрезвычайно разнообразныхъ и сложныхъ сторонъ заключало въ себѣ возникшее броженіе; отмѣчаемъ лишь наиболѣе существенныя и выдающіяся его черты.

I. Исходнымъ пунктомъ броженія служатъ нападки на современную церковную іерархію,—обличеніе „недостоинства“ и „беззаконій“ низшаго духовенства и „ереси растущей и множащейся“—въ средѣ представителей высшей іерархіи. Обличенія такого рода раздавались уже давно; теперь вѣковая безплодность этихъ обличеній приводитъ наиболѣе смѣлыхъ книжныхъ людей къ отрицанію въ принципѣ всей іерархіи, отрицанію ея божественности. „Еритики“ отвергаютъ „весь вселенскій соборъ, патріарховъ, митрополитовъ, епископовъ и игуменовъ и поповъ и весь чинъ священническій,—яко не по достоянію, поставляеми“, говорятъ, что всѣ митрополиты, епископы, игумены, весь чинъ священническій поставленъ по мздѣ, за деньги,—что всѣ они „недостойни суть, духопродавци суть“... „У кого ся причащати? говоритъ одинъ изъ еритиковъ: попы по мздѣ ставлены, митрополитъ и владыки — по мздѣ же ставлены... Коли въ Царьградъ ходилъ митрополитъ ставитися, и онъ патріарху деньги давалъ; а нынѣ онъ бояромъ посулы даетъ тайно, а владыкы митрополиту даютъ деньги: ино у кого причащатися?..“ Обвиняя высшую іерархію въ симоніи, низшее духовенство „еретики“ укоряютъ въ недостой-

ной жизни, корыстолюбіи, жадности. „Сіи учители—говорятъ они про приходскихъ священниковъ—пьяницы суть, ядятъ и пьютъ съ пьяницами, и взимаютъ отъ нихъ злато и сребро и порты,—отъ живыхъ и отъ мертвыхъ“...—„недостойны ихъ (священниковъ) службы, яко не нестяжаша, но имѣнія взимаютъ у крестьянъ, за живыя и за мертвыя“... Обличая все современное духовентство и монашество, „стригольники уловляли христіянъ тѣмъ словомъ, еже Христосъ рече ко апостоломъ: не имѣйте влагалищъ, ни мѣди при поясѣхъ вашихъ“; указывая на корыстолюбіе духовенства и иноковъ, „еретики“ говорили: „се много собираютъ имѣнія!..“ Обличенія стригольниковъ падали, повидимому, на подготовленную почву: въ укоръ пастырямъ, о еретикахъ стригольникахъ „нѣціи безумніи“ и изъ православныхъ стали говорить: сіи не грабятъ и имѣнія не збираютъ!..“—Отрицая іерархію, „еретики“ въ принципѣ отвергали и монашество,—иноческій чинъ „ни во что-же полагающе“. „Аще бы было—говорили одни изъ нихъ—иноческое житіе богоугодно, былъ бы самъ Христосъ и божественіи апостоли въ иноческомъ образѣ“... Другіе, указывая на слова апостола Павла: въ послѣдняя времена отступятъ нѣціи отъ вѣры внемлюще... ученіямъ бѣсовскимъ... лжесловесникъ.., возбраняющихъ женитися, удалятися отъ брашенъ..,—заключали: „сіа реклъ апостолъ о иноцѣхъ: тіи бо возбраняють женитися и брашенъ ошаятися (избѣгать)“... „Еретики“ нападали на монашество, какъ на такое учрежденіе, которое противно „пророческимъ и евангельскимъ и апостольскимъ писаніямъ“, они „хулили„ иноковъ, говоря: „иноцы оставиша заповѣдь Божію и пророческое и евангельское и апостольское писаніе, и самомышленіемъ и смоученіемъ изобрѣтоша себѣ житіе и держатъ преданіе человѣческо...

II. Отвергая церковную іерархію, „еритики“ требуютъ права учительства для каждаго мірянина: пастырскому

авторитету духовенства и монашества они провопоставляютъ принципъ личной правоспособности каждаго въ религіозной сферѣ. Послѣ признанія „недостоинства“ всей современной іерархіи, послѣ отверженія ея въ принципѣ, мысль эта была уже не избѣжнымъ слѣдствіемъ. Ссылаясь на ап. Павла, еретики говорили: „Павелъ и простому человѣку повелѣ учити“. И на самихъ себѣ они подавали примѣръ этому: „Ни священія имуще, ни сана учительства, стригольници сами ся поставляють учителіе народа“. „Како дерзнусте вы — укоряютъ стригольниковъ—учити святителей про устрой церковный, еже взимаютъ у поставляющихся урокы церковныя?“ Ихъ подозрѣваютъ, что они хотятъ сами заступить мѣсто священниковъ: „завистью бо стрѣкаеми вы, стригольницы, востаете на святителей и на поповъ,—сами себѣ хотяще прехватити честь“. Постоянными ссылками на „писанія“, „еретики“ стараются доказать свою учительную правоспособность. Учительность, книжность составляетъ дѣйствительно существенную черту всѣхъ вообще нашихъ „еретиковъ“... При общемъ чрезвычайно низкомъ уровнѣ и умственнаго и нравственнаго развитія массы приходскаго духовенства, при совершенной соціальной забитости послѣдняго—попытки къ нѣкоторой самостоятельности въ церковной сферѣ, при всемъ непоощреніи къ этому, стали заявляться со стороны мірянъ довольно рано. Уже въ XII—XIII вѣкѣ одинъ русскій епископъ на соборѣ епархіальнаго духовенства замѣчаетъ: „Глаголющимъ не отъ божественнаго писанія заграждайте уста... Аще ли кто противится вашему благовѣрію—мнѣ повѣдайте: азъ обличу и отъ церкви отжену...“—Владимірскій соборъ (1274) отмѣчаетъ фактъ: „нѣціи не священніи освящаютъ приносимая къ церкви плодоносія, рекше крупы или кутья за мертвыя...“ Тоже случилось позднѣе: „Случилась у васъ страшная вещь, пишетъ м. Фотій въ 1410—17 г. во Псковъ: нѣкто „самъ на себе въсхыти

санъ священьства и крещаетъ“... М. Кипріанъ пишетъ, что „въ Псковѣ міряне судятъ поповъ и казнятъ ихъ въ церковныхъ вещѣхъ“. Архіеп. новг. Геннадій уже прямо жалуется м. Симону: „Беззаконіе во всей русской землѣ ведется: мужики озорные на крылосѣ поютъ, и паремью и апостолъ на амвонѣ чтутъ, да еще и въ олтарь ходятъ..., мужики-невѣжи учатъ робятъ...“

III. „Въ дѣлѣ размышленія о религіи всегда бываетъ такъ, что коль скоро въ головѣ мыслителя духовенство не выдерживаетъ критики, то вслѣдъ за тѣмъ подвергаются обсужденію и уставы, и шагъ за шагомъ мысль идетъ къ дальнѣйшему разрыву со всѣмъ, что́ принималось по авторитету“. Такъ было и здѣсь. Обличенія и отрицаніе іерархіи и монашества скоро приводятъ стригольниковъ и „новгородскихъ еретиковъ“ къ отрицанію всей церковной обрядности и внѣшности.

„Не достоитъ, говорятъ они, надъ мертвыми пѣти, ни помнинати, ни приноса за умершаго приносити къ церкви, ни пировъ (извѣстные „кормы“ по монастырямъ) творити, ни милостыню давати за душу умершаго“. Впрочемъ, такихъ крайнихъ мнѣній держались далеко не всѣ „еретики“: среди тѣхъ же псковскихъ стригольниковъ нѣкоторые продолжали дѣлать „приношенія къ церквамъ божіимъ“, о чемъ замѣчаетъ въ 1427 году, въ одной изъ своихъ грамотъ противъ стригольниковя м. Фотій, запрещая священникамъ брать эти приношенія. Еретики отвергали иконы: не должно, говорили еретики, покланяться иконамъ: иконы—идолы. „Не подобаетъ, говорили одни изъ нихъ, покланятися плотскому смотрѣнію иже насъ ради вочеловѣчьшагося Бога Слова, ради иконнаго воображенія,—образу Господа нашего Іисуса Христа и Пречистой Богородицы и всѣхъ святыхъ и честному животворящему кресту и божественному евангелію и св. и животворящимъ тайнамъ Христовымъ,

и священнымъ сосудомъ и честнымъ мощемъ и божественнымъ церквамъ. Неподобаетъ рукотворенію покланятися"...

Указывая на слова Давида: идоли языкъ—сребро и злато, дѣла рукъ человѣчь, очи имуть и не видятъ, уши имуть и не слышать—еретики заключали: „мнитъ ми ся—сіе о иконахъ реклъ Давидъ". Приводя тексты писанія, еретики нападали и на самихъ православныхъ· „Богу къ Моисею глаголющу: да не сотвориши себѣ всякаго подобія; такожъ: да не сотворите себѣ богъ сребрянъ и златъ,—како, укоряли они православныхъ, Богу отрекшу, вы жъ творите многа подобія, и покланяетеся и служите имъ?.." Когда еретикамъ указывали, что Богъ однако повелѣлъ тому же Моисею устроить скинію, кивотъ завѣта, херувимовъ въ скиніи, и т. д.,—„еретики" упорствовали и говорили: святи суть и честни вещи, о нихъ же повелѣ Господь сотворити Моисею, еже есть скинія, и херувимы, и кіотъ, и скрижали и ручка имущія манну и прочая, и почитати убо сихъ достоитъ, поклонятиже ся не подобаетъ ничему жъ, развѣ единаго Бога". Другіе изъ новгородскихъ еретиковъ соглашались, что иконѣ Іисуса Христа можно покланяться, но возставали противъ остального: буди убо (паки глаголетъ еретикъ) иконѣ Христовѣ сіа тако, яко же глаголете, поклонятися подобаетъ,—что же о прочихъ отвѣщаете, ихъ же именуете святыхъ и образы ихъ написуете и мертвыа кости любите и почитаете?"... Нѣкоторые изъ новгородскихъ еретиковъ доходили до открытаго богохульства и наруганія надъ иконами. Впрочемъ, если въ средѣ новгородскихъ еретиковъ случались самыя дерзкія хулы, то здѣсь же слышались рядомъ и подобныя возраженія: „не подобаетъ писати—говорятъ нѣкоторые—на св. иконахъ святую и единосущную Троицу: Авраамъ бо видѣлъ Бога съ двѣма ангелома, а не Троицу". Къ этому же разряду „еретиковъ", вѣроятно, принадлежали и тѣ,

которые говорили: „достоитъ покланятися св. иконамъ и св. церквамъ, егда на востокъ, егда же не на востокъ, тогда не покланятися“...

IV. Возставая противъ церковныхъ обрядовъ и противъ всей вообще церковной внѣшности, „еретики“ стремятся къ болѣе внутренней, духовной сторонѣ религіозности. И среди псковскихъ стригольниковъ появлялись люди, которые, отвергая всю іерархію и всѣ церковные обряды — на небо взирающе тамо Бога отца собѣ нарицають“. То же стремленіе къ духовности обнаруживается и среди новгородскихъ еретиковъ: „не требѣ— говорятъ послѣдніе—церкви, но самъ человѣкъ церковь. Глаголеть бо Павелъ апостолъ: вы есте храмъ Божій...; св. Іоаннъ Златоустъ глаголеть: церковь не стѣны, но народъ вѣрныхъ и благочестивыхъ людей“. „Еретики“ даже прямо становятся на евангельскую почву: опираясь на слова Спасителя, они требуютъ больше любви и милости: „приносяще на свидѣтельства Господни глаголы, еже рече: не осуждайте, да не осужени будете, и св. Іоанна Златоустаго, еже глаголеть: не достоитъ никого же ненавидити или осужати, ниже невѣрнаго, ниже еретика и не достоитъ убивати еретика“,—новгородскіе еретики говорили: „не подобаетъ осужати ни еретика, ниже отступника“... „На свидѣтельство приносяще божественное писаніе“, они также требовали: „аще еретикъ или отступникъ обратится на покаяніе— вскорѣ ему подобаетъ входити во св. церковь и божественнымъ тайнамъ причащатися. Впрочемъ, мнѣнія „еретиковъ“ и въ этомъ самомъ близкомъ къ нимъ пунктѣ не всегда были одинаковы. Когда имъ доказывали „отъ божественныхъ писаній“, что „еретика и отступника подобаетъ не токмо осужати, но и проклинати, царемъ же и княземъ и судіямъ подобаетъ сихъ и въ заточеніе посылати и казнемъ лютымъ предавати“—„еретики“ уступали и говорили: „аще

и подобаетъ судити или осужати еретики и отступники, но царемъ и княземъ и святителемъ и судіямъ земьскимъ, а не иноком ъ, иже отрекошася міра и всѣхъ яже въ мірѣ,—подолаетъ имъ точію себѣ внимати, и никого же осужати, ниже еретика, ниже отступника". Когда имъ и тутъ доказывали, что „всѣмъ человѣкомъ—и святителемъ и священникомъ и инокомъ и всѣмъ иже христіанская мудрствующимъ—еретики и отступники не точію осужати подобаетъ", но и проклинати, что „всѣмъ вѣрующимъ во святую и животворящую Троицу подобаетъ всякое тщаніе и подвигъ и богопремудростная коварства показовати, еже еретики крыющася испытовати и изыскати и истязати"—„еретики, злѣ мудрствуя", продолжали утверждать: „не подобаетъ много искати или истязати или испытовати о еретицѣхъ или отступницѣхъ, аще сами не исповѣдуютъ своея ереси и отступленія"...

V. Въ общемъ возникшемъ религіозномъ броженіи уже довольно ощутительно заявляетъ себя элементъ раціоналистическій. Возставая противъ почитанія мощей и чудотворныхъ иконъ, еретики говорили: „Како въ бездушныхъ тѣлесѣхъ и въ рукотворныхъ вещѣхъ Богъ чудеса творитъ?" „Еда (неужели) не можаше Богъ—говорили они, отвергая тайну воплощенія Спасителя—спасти Адама и сущихъ съ нимъ, еда не имѣаше небесныя силы и пророкы и праведникы, еже послати исполнити хотѣніе свое (спасеніе человѣка)? но самъ сниде, яко нестяжатель и нищь, и вьчеловѣчився и пострада, и симъ прехытри дьявола, не подобаетъ Богу тако творити"... „Како можетъ Богъ на землю снити и отъ дѣвы родитися, яко человѣкъ?" Отвергая догматъ троичности, еретики хотятъ объяснить отношеніе лицъ св. Троицы раціоналистически: „Яко же человѣкъ—говорятъ они—имать душу, яже ражаетъ слово, износимо усты духомъ и невидимо въ человѣцѣхъ, едина

же убо душа състоитъ въ тѣлеси, слово же и духъ исходита и погибаета на воздухъ разливаема: тако же и Отецъ, всѣхъ творецъ, имать Слово произносно и Духъ на въздухъ разливающься. Тѣмъже ни три лица, ни три съставы повѣдаемъ о Божествѣ,—яко же и человѣкъ, създанъ по образу Божію, не три лица имать, ни три съставы..." Другіе, совершая литургію, совершали ее—„ядше и пивше и тѣло Христово ни во что же вмѣняюще, яко просто хлѣбъ, и кровь Христову, яко просто вино". Указывая на несбывшіяся ожиданія кончины міра съ окончаніемъ седьмой тысячи лѣтъ (въ 1492 году),—о чемъ они иногда встрѣчали въ „писаніяхъ",—еретики заключали: „святыхъ отецъ писанія ложна суть". „Святіи отцы написали—разсуждали они—что седьмь тысящъ лѣтъ здѣшняго житія, а осьмая тысяща будущаго вѣка: нынѣ седмь тысящъ лѣтъ прошло, а конца нѣсть, и св. отецъ писанія ложна суть и подобаетъ сихъ писаніи огнемъ сожещи". На основаніи такихъ же соображеній, еретики стали отвергать и „апостольскія писанія". „Апостоли написаша, говорили еретики, яко Христосъ родися въ послѣдняя лѣта, и уже тысяща и пятьсотъ лѣтъ прейде по Рождествѣ Христовѣ, а втораго пришествія Христова нѣсть,—и апостольскія писанія ложна суть"... Такъ, сомнѣніе, возникавшее еще въ средѣ псковскихъ стригольниковъ (изъ которыхъ нѣкоторые — „истинныхъ евангельскихъ благовѣстій и преданій апостольскихъ и отеческихъ не вѣрующе.. "),—получало теперь, въ средѣ новгородскихъ еретиковъ, какъ бы тѣнь нѣкоторой логичности. Впрочемъ, по отношенію къ „писаніямъ" и новгородскіе еретики не всѣ, повидимому, доходили до крайностей полнаго отрицанія: многіе не шли, кажется, дальше одного сомнѣнія. По крайней мѣрѣ, рядомъ съ крайнимъ отрицаніемъ мы видимъ и сомнѣніе: „мнози недоумѣютъ—замѣчаетъ пр. Іосифъ Волоцкій въ словѣ на ересь новгородскыхъ еретиковъ гла-

голющихъ, яко не подобаетъ писати на св. иконахъ св. и единосущную Троицу: Авраамъ бо видѣлъ есть Бога, а не Троицу — многи недоумѣютъ о семъ и глаголютъ: како святіи и божественніи отци и учителіе наши пишутъ, овогда, яко святую Троицу пріатъ Аврамъ, овогда же, яко Бога пріатъ съ двѣма ангелома, овогда же, три ангелы пріатъ? сіа убо глаголы мняться, яко съпротивны себѣ...“ И когда пр. Іосифъ старался доказывать, что они „не суть съпротивны, но и зѣло съгласны“, что „Самъ Богъ яко человѣкъ и яко ангелъ показуется“—нѣкоторые отвѣчали на это заключеніемъ: „аще сіа тако суть, то нигдѣ же ангельскаго служенія нѣсть, но самъ Богъ въ ангела въобразуется или въ человѣка, и тако вездѣ является...“ Вольнодумныя мысли и религіозныя сомнѣнія заявлялись въ русскомъ обществѣ изрѣдка и въ другія времена, раньше и послѣ описываемаго времени. Еще въ XII вѣкѣ галицкій князь Владимірко замѣчаетъ съ усмѣшкой: „въ наше время чудесъ не бываетъ...“ А когда его упрекали въ нарушеніи крестнаго цѣлованія и грозили ему, что крестъ накажетъ его,—онъ отвѣчалъ: „сей ли крестецъ малый?“... Интересенъ разсказъ въ „житіи“ ярославскихъ кнн. Ѳеодора и его сыновей, составленномъ ок. 1471—1473 года: біографъ разсказываетъ о наказаніи, постигшемъ мѣстнаго архіерея и церковнаго слѣдователя за недовѣрчивость къ мощамъ князей. „Архіеп. Трифонъ послалъ протопопа, мужа рѣчистаго, грамотѣ гораздаго и гордаго, дозрѣть мощей чудотворцевыхъ“, разсмотрѣть, „исцѣленія отъ нихъ по правдѣ ли будутъ“. Протопопъ не вѣрилъ этимъ чудесамъ, подозрѣвая—не игуменъ ли Спасскаго монастыря, гдѣ покоились мощи, дѣйствуетъ здѣсь нечистой силой „на прельщеніе человѣкомъ“, чтобы пріобрѣсть богатство, „еже приношаху граждане на молебны, къ рацѣ приходяще“... Когда онъ съ такими мыслями приступилъ къ

осмотру мощей, внезапный ударъ повергнулъ его на землю; у него отнялись языкъ, руки и ноги, и онъ лежалъ въ разслабленіи, каясь въ своемъ окаянствѣ... Услышавъ о бѣдѣ съ протопопомъ, владыка, раздѣлявшій его недовѣріе и подозрѣніе въ волшебствѣ, содрогнулся и былъ пораженъ разслабленіемъ, удалился на покой въ монастырь къ мощамъ ярославскихъ чудотворцевъ и прожилъ тамъ до смерти, „плачася грѣховъ своихъ“... Въ „житіи“ нов. архіеп. Іоанна, составленномъ въ концѣ семидесятыхъ или въ восьмидесятыхъ годахъ XV столѣтія, авторъ его замѣчаетъ: „азъ окаянный слышахъ о житіи праведнаго мужа... и невѣріемъ одержимъ быхъ и ятъ мя нѣкоторый недугъ неизцѣленъ...“ Въ „житіи“ Михаила Клопскаго XV—XVI в. разсказывается „чудо святаго о попѣ невѣрующемъ“: „іерей... бѣ къ святому невѣріемъ одержимъ...“ Рязанскій епископъ Кассіанъ не оказывалъ уваженія мощамъ св. Димитрія Прилуцкаго, а другъ его и „станникъ“, архим. Иларіонъ хулилъ мощи архіепископа Іоны; Зиновій Отенскій въ словѣ объ открытіи этихъ мощей (въ 1558 г.) съ горечью замѣчаетъ, что присутствіе упомянутаго архимандрита при торжествѣ „помѣшало нѣкоторымъ въ храмѣ почувствовать благоуханіе отъ мощей“. При открытіи въ томъ же 1558 году мощей еп. Никиты, „намѣстникъ стоя у гроба усомнился въ возможности, чтобы мощи сохранились впродолженіе 450 лѣтъ...“; тогда же явились къ архіепископу „попы града“, чтобы выразить свое сомнѣніе о новоявленныхъ мощахъ...“—Кн. Курбскій въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, что о соборныхъ апостольскихъ посланіяхъ „нѣцыи“ изъ кирилловскихъ и іосифовскихъ монаховъ—„блядутъ, иже бы старцы або презвитеры писали ихъ церковные, а не апостолы, и потому нарицутся церковные, а титулы апостольскіе чести ради приписаны къ нимъ: сію бо ересь, прибавляетъ онъ, на Москвѣ слышахъ отъ нѣкоторыхъ кириловскихъ

мниховъ, понеже между нѣкоторыми изъ нихъ таковая секта крыется, яко и между осифлянскихъ мниховъ не бытна ересь,—того бо ради люты и безчеловѣчни и лукави зѣло, и властей и имѣній желатели, иже не надѣются за всѣ прегрѣшенія отвѣта дати на судѣ...“ Въ такихъ же мнѣніяхъ относительно апостольскихъ посланій историки церкви заподазриваютъ м. Даніила (1522—1539). Къ изложенному прибавимъ, что разныя вольномыслія заявлялись иногда и въ средѣ первыхъ раскольниковъ.

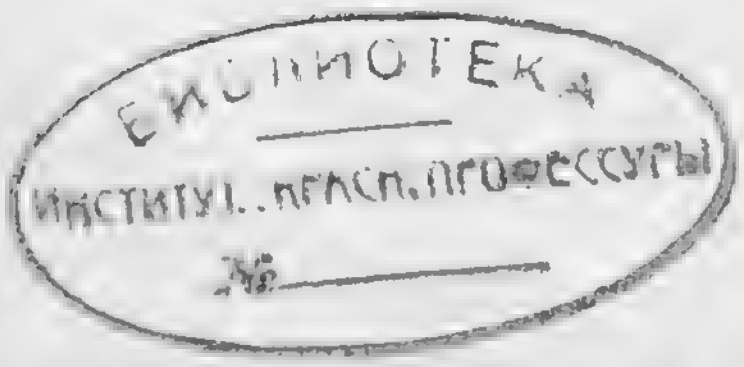
VI. Къ отмѣченному присоединялись какіе-то неопредѣленные, неясные старо-еретическіе толки и заявленія съ оттѣнками прямого жидовства. Нѣкоторые еретики новгородскіе говорили: „А еже пророцы рекоша о Сынѣ Божіи, той есть Іисусъ Христосъ, и Сынъ Божій не по существу же, но по благодати...“ Архіепископъ Геннадій находилъ въ мнѣніяхъ новгородскихъ еретиковъ ересь мессаліанскую и маркіанскую“; пр. Іосифъ говоритъ, что „жидовствующіе держали ереси многи, десятословіемъ на жидовство учаще и ересь саддукейскую и месаліанскую ересь держаще“. „Жидовствуя“, еретики говорили: „Нѣсть св. Троицы... Христосъ еще не родился, но еще будетъ время, егда имать родитися, а его же глаголютъ христіане Христа Бога, тотъ простъ человѣкъ есть, а не Богъ, и распятъ бысть овъ іудей и истлѣ въ гробѣ, яко человѣкъ, и не воскресе, ни вознесеся, ни имать судити человѣкомъ“. Свойства не совсѣмъ ясныя собственно іудейскаго элемента въ ереси „жидовствующихъ“ лучше всего кажется, опредѣляетъ современный лѣтописецъ, замѣчая, что еретики „больше ветхаго завѣта держахуся, по іудейски пасху праздноваху...“.

VII. Наконецъ, въ общемъ хаосѣ религіозныхъ „сумнѣній“ слышатся и мнѣнія прямо матеріалистическія. На почву полнаго отрицанія стали переходить уже нѣкоторые

изъ псковскихъ стригольниковъ, тѣ изъ нихъ, которые „е ж е и воскресенію не надѣющe быти мняху“; въ средѣ новгородскихъ еретиковъ подобныя мысли заявляются еще опредѣленнѣе: „Что то царство небесное? Что то воскресеніе мертвыхъ? Ничего того нѣсть. Умеръ кто инъ, то умеръ,—по тà мѣстà и былъ“... Религіозная мысль, разъ оторвавшихъ отъ почвы обряда, теряла подъ собою всякую почву, и быстро ударялась въ область самаго крайняго отрицанія...

Мы отмѣтили наиболѣе выдающіяся черты происходившаго религіознаго броженія; но ко всему сказанному должны прибавить одно общее замѣчаніе Крайнія, указанныя нами мнѣнія (о которыхъ говорятъ намъ дошедшіе памятники, обличавшіе возникшее броженіе), повидимому, вовсе не были основой „ересей“; повидимому, мнѣнія эти были скорѣе частными мнѣніями отдѣльныхъ лицъ, и не составляли главной сущности „еретическихъ“ толковъ. Относительно ереси стригольниковъ это очевидно изъ самыхъ памятниковъ: всѣ они, начиная съ грамоты патр. Нила (1382) и кончая посланіями м. Фотія (въ 1427 году), говорятъ главнымъ образомъ о „проторахъ“ и „исторахъ“, „иже на поставленіяхъ“, — этотъ вопросъ и составлялъ сущность и главное содержаніе возникшихъ „еретическихъ“ мнѣній; изъ грамотъ Фотія, не говоря объ общемъ тонѣ ихъ, чрезвычайно мягкомъ,—видно, что нѣкоторые „еретики“ и въ 1427 году, какъ было замѣчено, продолжали дѣлать приношенія въ церковь, а священники принимали эти приношенія, слѣдовательно и послѣ довольно продолжительнаго періода существованія стригольнической ереси (первые стригольники были казнены еще въ 1376 году) общее еретическое движеніе было еще настолько умѣренно, что нѣкоторые представители его продолжали исполнять свои христіанскія обязанности... Что касается до „ереси жидовствующихъ“, то невольно думается, что православная ревность Геннадія и

Іосифа Волоколамскаго (а для изученія „ереси“ мы и имѣемъ только данныя, вышедшія изъ ихъ рукъ) значительно преувеличивала дѣло. Какъ-то страннымъ кажется напр. такое обстоятельство: „На Москвѣ живутъ, пишетъ Геннадій, еретики въ ослабѣ... Иные и служили тамъ: Гаврилко попъ служилъ на Москвѣ, а Денисъ попъ—тотъ въ Архангелѣ служилъ, да на литургіи деи за престоломъ плясалъ, да и кресту наругался... Да съ тѣми то попы служили архимандриты и игумены и протопопы и священники многіе“... Врядъ ли „архимандриты и игумены и протопопы и священники многіе“ стали бы служить съ такимъ открытымъ богохульникомъ, да къ тому же, врядъ ли могло быть такъ публично,—„на литургіи, за престоломъ“—и самое богохульство такого рода. Тѣмъ болѣе, что тотъ же Геннадій (какъ и пр. Іосифъ) не разъ въ грамотахъ замѣчаетъ о „еретикахъ“, что они „всячески покрываютъ свою ересь“: „и какъ ихъ (еретиковъ) спроси, и онъ (еретикъ) говоритъ: язъ деправославный христіанъ“... Мы не хотимъ заподазривать фактическую вѣрность разсказовъ Геннадія и пр. Іосифа Волоцкаго о крайнихъ богохульствахъ еретиковъ и наруганіяхъ ихъ надъ икоными, крестами и т. п.; намъ кажется только, что факты эти были болѣе частными, случайными явленіями, и не заключали существенной стороны „еретическаго“ броженія. „Хулы“, въ которыхъ пр. Іосифъ Волоцкій обвиняетъ м. Зосиму (1490—1494), признаются историками русской церкви прямо „преувеличеніями“; что же касается до тѣхъ дѣйствій съ икоными, которыя, по словамъ пр. Іосифа, позволяли себѣ нѣкоторые новгородскіе „попы-еретики“, — то для объясненія такихъ странныхъ поступковъ чрезвычайно важными являются слова современнаго лѣтописца подъ 1488 годомъ, въ которыхъ онъ передаетъ извѣстіе о казни „новгородскихъ еретиковъ“, постигшей послѣднихъ при самомъ началѣ борьбы съ „ересью“.


БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ.. ПРОФЕССУРЫ
№